

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

Русская элегия первой трети XIX в. и эволюция жанровой системы
Е. А. Баратынского

Магистерская работа
студентки отделения
славянской филологии
Антонины Мартыненко

Научный руководитель –
PhD., доцент по русской литературе
отделения славянской филологии
Р. Г. Лейбов

Тарту 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
§ 1. Корпус «русской элегии».....	6
§ 2. Элегия Баратынского	8
ГЛАВА 1. Корпус «русской элегии»: количественный анализ.....	14
1.1. Лексические частоты и метрический репертуар.....	14
1.1.1. Описание корпусов	14
1.1.2. Лексические частоты	16
1.1.3. Метрический репертуар.....	19
1.2. Изменения внутри корпуса элегий: форма и темы	23
1.2.1. Сокращение объема элегии	23
1.2.2. Тематические изменения: от «исторической» элегии к любовной...26	
ГЛАВА 2. Жанровая система Баратынского в 1820-х — начале 1830-х гг.	37
2.1. «Стихотворения Е. Баратынского» 1827 г.....	37
2.1.1. Композиция сборника	38
2.1.2. Редактура элегий	41
2.1.3. Изменения жанровой системы Баратынского после «отказа» от элегии	46
2.1.4. «Стилистическая правка» в сборнике 1827 г.....	50
2.2. Собрание сочинений Баратынского 1835 г.	54
2.2.1. Композиция стихотворной части издания	55
2.2.2. Сильная правка «поздних» текстов конца 1820-х гг.	58
2.2.3. Подготовка «ранних» текстов для сборника 1835 г.	62
2.3. Жанровая система Баратынского и трансформация элегии на рубеже 1820-х – 1830-х гг.....	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	70
Приложение 1	78
Приложение 2	81
Kokkuvõte.....	116

ВВЕДЕНИЕ

Жанру элегии принадлежит особое место в истории русской литературы. Занимая доминантное положение в поэзии начала XIX в., элегия являлась важнейшим полем для развития русского литературного языка и оказалась прочно связана с периодом «золотого века» русской поэзии.

Появление элегии в русской литературе приходится на середину XVIII в., когда на русскую почву были перенесены, главным образом, латинские и французские образцы [Федотова 2018]. Приобретая законченную форму в элегиях А. П. Сумарокова конца 1750-х гг. [Вроон 2009], жанр оказался нестабильным уже в опытах учеников Сумарокова и, утратив определенную форму, был практически не востребовавшимся в 1770-1790-е гг. [Гуковский 2001; Kroneberg 1972].

Зарождение элегии «в новом вкусе» – элегии начала XIX в., как правило, связывают с появлением в 1790-х гг. первых переводов «Элегии, написанной на сельском кладбище» Т. Грея, с возобновлением интереса к латинской любовной элегии и, что более важно, с развитием «нового типа поэтического мышления» [Вацуру 1994: 3-4] и особой поэтики «смешанного чувства» [Там же; Флейшман 1968: 27-29]. Как показано в специально посвященной элегии начала XIX в. монографии В. Э. Вацуру, элегия первой трети XIX в. обращается к приемам, лексике и сюжетам, уже существовавшим в русской лирике конца XVIII в. – но в творчестве некоторых авторов изменяется само «значение» поэтических средств, а вместе с тем и эстетическая система [см.: Вацуру 1994: 4]. Как видно из этого определения, в ходе долгой исследовательской традиции сложилось представление о том, что сущность элегии первой трети XIX в. несводима ни к тематическим или мотивным, ни к формальным характеристикам текстов и может быть определена лишь изнутри поэтической системы отдельных авторов¹.

Ощутимая нестабильность и вариативность материала элегии, наряду с разногласиями в определениях критиков первой трети XIX в. [см.: Флейшман 1968], казалось бы, вовсе не позволяют подойти к элегии как к отдельному объекту исследования, исходя лишь из факта существования жанрового заголовка. Здесь, однако, можно заметить, что элегия как жанр практически никогда не могла быть

¹ Ср. методологию исследования языка «пушкинской эпохи» как замкнутых «текстовых ансамблей» в языке поэтов «первого ряда» (К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина и др.) [Пеньковский 2005: 15].

строго определена: ни в фольклорной традиции, когда она была связана с определенной ситуацией исполнения, ни в литературной, когда сущность жанра определялась изнутри литературной системы [см.: Аверинцев 1986; Аверинцев и др. 1994].

Известные исследователям образцы греческой элегии обладают чрезвычайно широким тематическим диапазоном (ситуациями исполнения) и в то же время не всегда оказываются связаны с элегическим дистихом (или другими размерами, называемыми «элегическими»); неоднозначна и ассоциация греческой элегии с ламентацией [см.: West 1974: 2-22]. Намного более известные и важные² для русских поэтов начала XIX в. латинские элегии были более стабильны в использовании элегического дистиха и связаны с традицией описания горя и потери, однако также обладали широким набором тем и сюжетов [Thorsen 2013; Гуковский 2001: 72]. Возрождение латинской любовной элегии в эпоху ренессанса также было связано с высокой политематичностью текстов, объединенных жанровым заголовком или использованием элегического дистиха (эти группы не всегда пересекались), а к тому же усложнялось процессом перенесения латинских жанровых образцов на национальные языки³. Английская элегия, как правило, рассматриваемая с точки зрения стоящих за ней изменений эмоциональных паттернов [см.: Pigman 1985; Brady 2006], обретает некоторую тематическую определенность только после XVI в., когда она становится главным образом стихотворением о переживании потери и последующем утешении [Sacks 1987: 3]. Традиция английской «кладбищенской» элегии находит свой образец и завершение в уже упомянутой важной для русской традиции «Элегии, написанной на сельском кладбище» Т. Грея [см.: Топоров 1981; Вацура 1994].

В процессе создания «новой элегии» во французской литературе элегия не имела определенной литературной формы; с другой стороны, неоднократно совершались попытки ограничить и уточнить тематические и сюжетные особенности жанра (например, приблизить элегию к тексту исключительно

²См., например, обзорную статью [Kahn 2013].

³ Основательный обзор этого вопроса в контексте французской и итальянской традиции, а также историю самой неолатинской элегии см. [Parker 2012]. О истории немецкой элегии см. также: [Beissner 1965]. Попытка выделить особую «немецкую элегию», берущую начало от «Прогулки» Ф. Шиллера („Der Spaziergang“, 1795), была предпринята также в работе Т. Циолковского «Классическая немецкая элегия» (*Ziolkowski T. The Classical German Elegy, 1795-1950. Princeton, 1980*), однако концепция Циолковского обнаружила в себе ряд противоречий и скорее не была принята научным сообществом [см. Ellis 1981].

любовной тематики или закрепить за ней характерные приемы, такие как игра слов и антитеза). Примечательно, что в результате в классический период развития французской элегии ни теоретических, ни литературных строгих «образцов» жанра так и не появилось [Dion 2014]. Тематическое разнообразие и отсутствие стабильной формы остаются характерны и для элегии конца XVIII – первой четверти XIX в., когда в литературу входят крупнейшие французские поэты-элегичи Э. Парни, А. Шенье, Ш. Мильвуа и А. Ламартин. Они, в свою очередь еще более расширяют круг тем, характерный для элегии, тем самым в целом расшатывая границы жанра [Мильчина 1989].

Здесь важно отметить, что как во французской, так и в русской литературе в начале XIX в. начинается процесс разрушения жанровой системы классицизма. В прямом отношении жанровая эволюция русской элегии и распад жанровой системы в поэзии 1820-х – начала 1830-х гг. были впервые поставлены в работах Ю. Н. Тынянова [Тынянов 1977: 248-252, 255-281] и в дальнейшем развивались в исследованиях Л. Я. Гинзбург [Гинзбург 1974: 24-50; Гинзбург 2007]. Процесс жанрового распада еще более усложняет возможные подходы к исследованию элегии как отдельного жанра: заголовки и жанровые номинации становятся все более нестабильными, в силу увеличения идеологических разногласий расходятся и взгляды на элегию отдельных критиков и авторов [Флейшман 1968; Вацуро 1994; Ложкова 2005: 229-255].

Вариативность материала и индивидуальность подхода к элегии поэтов начала XIX в. отчасти определила стратегию исследования жанра. Отдельные работы, посвященные русской элегии, как правило, устроены по авторскому принципу [Фришман 1973], при этом зачастую они сфокусированы практически исключительно на исследовании элегии Пушкина и поэтов «пушкинского круга» [Семенко 1970; Грехнев 1985; Григорьян 1990; Ложкова 2005: 229-255]. Тематические и мотивные особенности жанра поддавались дефиниции, как правило, лишь в рамках индивидуальных поэтик. Так, в работах Н. Н. Зубкова о поэтике Батюшкова была предпринята попытка определить универсальную для батюшковских элегий сюжетную схему [см.: Зубков 1996]. Композиционные модели элегий Пушкина и Баратынского представлены в известной статье М. Л. Гаспарова [Гаспаров 1998]. Теоретическое решение вопроса о жанре с точки зрения феноменологического подхода было предложено в работе О. В. Зырянова,

где также отдельно рассматривается пушкинская элегия, ее эволюция и жанровый архетип [см. Зырянов 2003].

Однако вопрос о расшатывании жанровой системы и мотивировках появления жанровых заголовков в масштабах литературной популяции – то есть в объемах всей поэтической продукции определенного периода безотносительно авторства – оказывается иной проблемой, которая не всегда может быть описана на основании исследования поэтики авторов «первого ряда».

Попытки наметить более широкую перспективу развития жанра элегии представлены в упомянутых выше исследованиях Л. С. Флейшмана [Флейшман 1968] и В. Э. Вацура [Вацура 1989; Вацура 1994], а также в диссертационном исследовании И. А. Пильщикова [Пильщиков 2007а], представляющих исключительную важность для нашей работы. В них, в частности, показано, что особое положение элегии в системе жанров 1810-х –1820-х гг. делает ее полем для разработки новых тем и поэтических средств [см. также: Гинзбург 2007: 126-159; Проскурин 1999], что в итоге приводит к большей жанровой диффузии и быстрому «угасанию» и маргинализации элегии.

Нестабильность форм и тем в элегии первой конца 1810-х – начала 1830-х гг. может послужить важным материалом для исследования механизмов распада жанровой системы. Таким образом, целью этой работы будет исследование тех процессов, которые происходили с текстами «Элегий» в связи с изменениями статуса этого жанра, увеличением числа текстов, приписываемых к нему, а также в связи с общим процессом расшатывания границ жанров в лирике первой трети XIX в. В задачи работы тем самым не входит дать определение или универсальную модель элегии исследуемого периода, но описать развитие тематических и формальных характеристик текстов, имеющих соответствующий жанровый заголовок. Такой подход позволяет, как кажется, точнее воспроизвести не «каноническое», но историческое развитие элегии в масштабе литературной популяции и положен в основу подготовленного для исследования корпуса текстов.

§ 1. Корпус «русской элегии»

В настоящий корпус включены стихотворные тексты, которые при публикации были озаглавлены как «элегия», либо входили в соответствующий раздел в сборниках стихотворений или антологиях. Источниками текстов являются

печатные издания, прежде всего периодические (журналы и альманахи), затем – авторские сборники и антологии. Если стихотворение было опубликовано несколько раз, в корпус вносился текст первой публикации и давались ссылки на перепечатки. В случаях, когда элегия была представлена несколькими редакциями, в корпус включались как первая, так и последующие редакции текста при условии, что в новых редакциях была изменена значительная часть строк (более 10%). В связи с тем, что корпус содержит большое количество анонимных текстов, все тексты датируются по времени их публикации в печатном издании⁴.

Приведенные выше ограничения выборки являются, как нам кажется, необходимой формальной основой для включения текстов в корпус. Прочие факторы – такие как степень известности автора или несходство текста с современными представлениями об элегии – не учитывались при решении о вхождении текста в корпус. Целью корпуса, таким образом, является объединить как можно большую коллекцию текстов элегий, репрезентативных по отношению к эволюции этого жанра в период с 1815 по 1835 гг.

Указанные хронологические рамки опираются на принятую в исследовательской традиции периодизацию развития жанра элегии, где период с конца 1810-х по начало 1830-х гг., как правило, считается временем как наивысшего «расцвета» («пушкинской») элегии и интереса к ней ключевых фигур в литературном поле начала 1820-х гг., так и постепенного угасания жанра, его перехода в разряд маргинальной и массовой поэтической продукции [Вацууро 1989; Вацууро 1994: 3-6].

Всего в корпус вошло 509 текстов, все они находятся в открытом доступе⁵ и сопровождаются ссылками на источники (см. Приложение 2). Для машинной обработки тексты были переведены в современную орфографию, в них также не сохранялись отступы и другие графические особенности публикации стихотворных текстов XIX в.; в то же время, мы постарались полностью сохранить прописные буквы, пунктуацию и авторское деление на строки и строфы. Для дальнейшего

⁴Исключение представляют датировки текстов, помещенных в авторские сборники, где были известны даты более ранних публикаций или появления в рукописях и списках (сборники В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова).

⁵https://github.com/tonyamart/rus_elegies

исследования тексты были предварительно обработаны: проведена лемматизация слов в корпусе⁶, а также добавлена морфологическая разметка.

Подготовленный жанровый корпус представляет интерес как объект количественных исследований. В работе будут рассмотрены лексические особенности текстов «элегий» в разные временные периоды, а также в сравнении с общим⁷ поэтическим корпусом. Подходя к языку элегии с позиции корпусного исследования, мы рассматриваем его как неиндивидуальный устойчивый «стиль эпохи» и опираемся на исследования Л. Я. Гинзбург, определявшей поэтический язык 1820-х – 1830-х гг. как «словарь поэтических формул <...> не являющихся достоянием личного творческого опыта» [Гинзбург 1972: 10]. Мы также обратимся формальным изменениям жанра, в первую очередь – к объему текстов, обладающих жанровым заголовком, а также к их метрическим характеристикам. В заключение мы попробуем указать на тематические изменения в ходе развития жанра в 1810-е – 1830-е гг.

Корпусное исследование жанра, как нам кажется, позволит исследовать язык и стиль элегии на материале разных авторов, а также сделает видимыми те макро-процессы, которые происходили с элегией в период «жанрового распада». Общее жанровое и языковое развитие элегии конца 1810-х – начала 1830-х гг. мы постараемся соотнести с частным сюжетом модификации элегии Е. А. Баратынского.

§ 2. Элегия Баратынского

Вопросы эволюции жанровой системы Е. А. Баратынского не раз становились предметом исследовательского внимания, в первую очередь, в связи с развитием жанра элегии в творчестве поэта. Такая тенденция была задана прежде всего самим Баратынским, который практически сразу после своего дебюта в печати в 1819 г.⁸ приобрел репутацию поэта-элегика.

⁶Лемматизация была выполнена с помощью консольной программы Yandex Mystem 3.1, производящей морфологический анализ слов русского языка (в т. ч. для слов, которых нет в словаре (см.: [Segalovich 2003]), что особенно важно в свете работы с языком XIX в.).

⁷Национальным корпусом русского языка (поэтическим), далее – НКРЯ

⁸Первая публикация Баратынского состоялась в 4-м (февральском) номере журнала «Благонамеренный», где было напечатано стихотворение «Пожилой женщине и все еще прекрасной»; в мартовском номере «Благонамеренного» (№ 6) появились еще три стихотворения: «К Алине» («Тебя я некогда любил...»), «Любовь и дружба. В альбом» («Любовь и дружбу

За короткий, но очень важный для становления молодого поэта период 1819-1823 гг., под заголовком «Элегия» в периодике появилось 11 стихотворений Баратынского, еще 4 были напечатаны в журналах в соответствующем жанровом разделе («Элегии»)⁹. Еще 12 текстов, опубликованных до конца 1823 г. без жанрового заголовка, позднее вошли в раздел «Элегии» в первом сборнике Баратынского, а при первой публикации обладали характерными для жанра элегии названиями («Тоска», «Уныние», «Падение листьев» и т. д.). Среди опубликованных в этот период стихотворений (68), элегии составляли практически треть. Кроме того, Баратынский, по-видимому, сознательно сделал ставку на прочтение элегий в Вольном Обществе Любителей Российской Словесности и последующую их публикацию в журналах общества. Такая авторская стратегия, несомненно, была понята и современниками, и Баратынский уже к 1823 г. приобрел статус «поэта-элегика»: наиболее показателен здесь декларативный (хотя и не имевший практических последствий) отказ А. С. Пушкина печатать свои элегии после «Признания» («Притворной нежности не требой от меня...») Баратынского [см.: Пушкин 1937: XIII, 84].

Растущая популярность Баратынского-элегика¹⁰ и существенное количество его уже известных читателю стихотворений могли послужить импульсом к составлению его поэтического сборника, основной тон которого, по-видимому, должен был задаваться элегическими сюжетами. Уже в середине 1823 г. Баратынский впервые задумал издать свои стихотворения отдельной книжкой, когда с предложением о публикации сборника стихотворений к нему обратились уже знаменитые изданием альманаха «Полярная звезда» А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев. В письме от 23 сентября 1823 г. Бестужев писал Вяземскому: «Здесь <в Петербурге> был Баратынский, у которого мы <Бестужев и Рылеев. — А.М.> купили его сочинения за 1000 рублей» [Летопись 1998: 126]. Однако тетрадь со стихотворениями Баратынский послал позже уже из Роченсальма во второй половине октября — декабре 1823 г. В конце марта 1824 г. в «Литературных

различают...»), «Портрет В...» («Как описать тебя? я, право, сам не знаю...»). Подробное описание и интерпретацию дебюта Баратынского см.: [Хитрова 2005: 16-39, Бодрова 2010: 196, 209, 212].

⁹ Данные приводятся согласно [Летопись 1998].

¹⁰ Отметим, что за этот же период 1819-1823 гг. Пушкин опубликовал только 18 новых стихотворений и приобретал большую известность как автор поэм (ср., например, успех количество перепечаток и успех «Кавказского пленника» [Пушкин 2007: 36-45]; о трудностях с публикацией сборника стихотворений Пушкина в связи с продажей рукописной тетради Н. В. Всеволожскому, см. также: [Томашевский 1934]).

Листках» Ф. В. Булгарина появилось объявление о готовящемся выпуске этого сборника, где сообщалось:

Многие любители поэзии давно уже желают иметь собрание стихотворений Е. А. Баратынского, которого *прекрасные элегии*, послания, воспоминания о Финляндии и «Пирь» снискали всеобщее одобрение. Рылеев¹¹ с позволения автора вознамерился издать его сочинения.

[Летопись 1998: 137]

На основании сохранившихся эпистолярных свидетельств¹² действительно можно предполагать, что именно Рылеев занимался проектом издания Баратынского, и, в частности, обсуждал этот проект с Петром Мухановым (также членом Северного Общества), якобы собиравшимся издавать сочинения Пушкина:

Из Литературных прибавлений Булгарина я вижу, что ты Баратынского печатаешь; поздравляю тебя с сей покупкою; но старайся сделать хорошее издание, ибо я надеюсь приобрести элегии и мелкие стихотворения А. Пушкина; буду просить тебя наблюдать за печатанием оных – под одну форму с Баратынским. Не выдавай секрета.

(Письмо П. А. Муханова – К. Ф. Рылееву, 13 апреля 1824 [Летопись 1999: I, 389])

Исходя из этой просьбы, можно думать, что Муханов и Рылеев подразумевали определенную «новую» структуру для будущих сборников. Вероятно, это должны были быть сборники, сделанные с опорой на композицию «Опытов в стихах» К. Н. Батюшкова (1817), где едва ли не впервые во главу угла был поставлен раздел «Элегии», в то время как остальные жанры имели вторичное для лирического тона книги значение¹³. Однако ни замысел Муханова, ни проект Бестужева и Рылеева по изданию стихотворных сборников не состоялся¹⁴: если Муханову, вероятнее всего, вовсе не удалось приобрести стихотворений Пушкина,

¹¹Курсив здесь и далее наш. – А. М.

¹²Помимо приводимого ниже письма П. А. Муханова, сохранилось также письмо Рылееву А. Ф. де Бригена, в котором тот интересуется судьбой сборника, см: [Маслов 1912: 97-98].

¹³О связи композиции сборников Пушкина и Баратынского с изданием Батюшкова см. ниже (гл. 2.1.)

¹⁴О трудностях с изданием «Полярной звезды», возникших в то же время, что и проект сборника Баратынского, см.: [Готовцева 2011: 157-168].

то Баратынский по неизвестным причинам забрал уже запроданные издателям тетради со стихотворениями летом 1824 г. [Летопись 1998: 141, 143].

Между тем, само предложение Бестужева и Рылеева напечатать сборник Баратынского являлось подтверждением довольно высокого статуса Баратынского как поэта-элегика. Решение напечатать стихотворения «модного» поэта, вероятно, было мотивировано желанием издателей «Полярной звезды» еще более закрепить свои позиции в ситуации зарождающейся конкуренции литературного рынка середины 1820-х гг.

Сложившаяся еще в начале 1820-х гг. репутация Баратынского как элегика отразилась и в исследовательских работах о поэте, большая часть которых посвящена отдельным элегическим текстам или этому жанру в целом. В этих исследованиях эволюция жанра элегии у Баратынского оказывается, как правило, связана с анализом присутствующих в элегиях тем и мотивов [см., например: Альми 1961; Семенко 1970: 221-291; Фризман 1973: 100-114; Бочаров 1986; Песков 2002]. В то время как эта область кажется наиболее исследованной, с точки зрения формы элегии Баратынского остаются менее изученными. Здесь нам кажется важным вновь обратить внимание на статью М. Л. Гаспарова «Три типа русской романтической элегии», где постулируется «аналитичность» элегий Баратынского, а также основная их композиционная схема («экспозиция – ложный ход – отказ и истинный ход» [Гаспаров 1989: 46]). Ценными для исследования эволюции форм оказываются также исследования стиховых форм и словоразделов у Баратынского [см.: Шахвердов 1979; Матяш, Чекакина 2011; Матяш 2014].

Между тем, исследование эволюции жанровой системы Баратынского, как правило, не оказывается основано на последовательном текстологическом анализе его текстов, принадлежащих разным жанрам. Хотя сборники стихотворений Баратынского не раз становились предметом описания и изучения, специального исследования, посвященного сопоставлению ранних редакций с редакциями, вошедшими в сборники 1827 и 1835 г. не проводилось, в том числе в работах, специально посвященных истории этих изданий [см.: Медведева, Купреянова 1936: 342-354; Фризман 1982а; Фризман 1982б; Песков, Зарецкий 2002; Рудакова 2013]. Отдельно возможно указать в связи с этим лишь на беглый обзор стихотворений, подвергнутых интенсивной правке для издания 1827 г., который помещен в работе А. М. Пескова [Песков 2002: 47-48], а также на ряд сюжетов о правке отдельных

элегий для сборника 1827 г., подробно рассмотренный в статьях И. А. Пильщикова [Пильщиков 1994б; Пильщиков 2002; Пильщиков 2007б].

Подходя к вопросу о необходимости текстологического исследования сборников Баратынского, важно отметить, что состоявшееся первое издание стихотворений поэта, появившееся уже в 1827 г. стало воплощением авторских решений только Баратынского, а не его издателей¹⁵. Это в полной мере относится и к сборнику Баратынского 1835 г. И первое, и второе издание своих стихотворений Баратынский готовил практически без помощи своих ближайших друзей, находясь в отдалении¹⁶ от петербургского литературного круга. Таким образом, после проекта издания 1824 г., Баратынский скорее не мог более перепоручить кому-либо издание своих стихотворений и сам занимался подготовкой своих сочинений к печати. Это позволяет считать композицию сборников и содержащиеся в них редакции и варианты текстов индивидуальным авторским решением Баратынского и дает возможность исследовать авторскую стратегию правки текстов при подготовке изданий.

В нашей работе мы попробуем совместить текстологический анализ и количественные подсчеты. На основании последовательного сопоставительного анализа ранних редакций с редакциями, вошедшими в сборники, мы постараемся привести точные данные касательно изменений, которым подверглись тексты при публикации в сборнике. Это, с одной стороны, позволит изучить редакторскую стратегию Баратынского при подготовке каждого из сборников, а также проследить, как происходила трансформация жанровой системы. С другой стороны, мы постараемся специально рассмотреть те изменения, которым подверглись при публикации тексты элегий, и предложить предварительные выводы о развитии этого жанра в поэтике Баратынского.

¹⁵Мы позволим себе не согласиться с мнением С. В. Рудаковой, которая заключила, что «активно обсуждали *структуру, концепцию* издания вместе с Баратынским А. А. Дельвиг и П. А. Плетнев, позже к этому литературному кругу <так!> примкнул и Н. А. Полевой» [Рудакова 2013: 125]. Учитывая невысокую активность переписки Дельвига и Баратынского, находящихся в это время в Петербурге и в Москве соответственно, сложно представить действительно «активное» участие Дельвига в работе над концепцией сборника Баратынского. Еще большее сомнение вызывает мысль о вкладе Плетнева и Полевого, которые, по-видимому, занимались исключительно издательскими делами, и не касались содержательной части сборника (см. об этом письма Дельвига Баратынскому [Летопись 1998: 178], и Баратынского – Полевому [Летопись 1998: 198]).

¹⁶Хотя весь 1826 г. Баратынский провел в Москве, но он был мало вхож в московское литературное общество в связи со свадебными хлопотами [Летопись 1998: 171]. 1832-1834 гг. Баратынские и вовсе провели в разъездах между казанским (Каймары) и тамбовским (Мара) именьями, изредка останавливаясь в Казани и в Москве [Летопись 1998: 281, 304, 320].

Исследование эволюции жанровой системы одного автора, впрочем, кажется нам неполным само по себе и важно именно в сравнении с «фоновыми» данными, полученными из корпуса элегий. Результаты текстологического анализа стихотворений Баратынского поэтому будут соотнесены с тенденциями, заметными из корпуса элегий в целом. На основании такого подхода – совмещения индивидуального сюжета жанровой эволюции с данными общего корпуса – станет возможным ближе подойти к рассмотрению процессов, происходящих с элегией в 1820-х – начале 1830-х гг.

ГЛАВА 1.

Корпус «русской элегии»: количественный анализ

Корпус «русской элегии» представляет собой коллекцию поэтических текстов, объединенных на основании эксплицированной в заголовках принадлежности к «одному» жанру. Однако, очевидно, что в этом случае нельзя говорить о действительной жанровой однородности корпуса: так, в силу различного отношения к элегии самих поэтов, могут значительно отличаться на лексическом, метрическом и тематическом уровне тексты, созданные в один временной период. С этой проблемой отчасти связано то, что исследование истории жанра часто основывается на изучении элегических мотивов в отдельных текстах авторов «первого ряда».

Подойти к вопросу о более общих тенденциях внутри жанрового корпуса кажется возможным с использованием количественных методов анализа. Изучение элегического «словаря», базирующееся на анализе лексических частот, а также совмещенное с данными о метрическом репертуаре, как кажется, позволит на основании собранных в корпусе данных подойти к описанию формальных особенностей текстов, опубликованных под заголовком «Элегия», в диахронической перспективе.

1.1. Лексические частоты и метрический репертуар

1.1.1. Описание корпусов

В корпус «русской элегии» вошло 509 текстов, из которых существенная часть (390 стихотворений) была опубликована в периодических изданиях 1815—1835 гг. Поскольку для изучения изменений, происходящих с жанром, исключительно важна точность датировок, в некоторых случаях мы будем специально обращаться к подкорпусу элегий, опубликованных в периодике. Для сравнения корпуса элегий с общей поэтической продукцией 1815—1835 гг. мы будем также использовать поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) соответствующего периода. Ниже приведены отличия между объемом и распределением текстов в корпусе элегий всего и в подкорпусе «периодики», а также объем контрастного корпуса НКРЯ.

Корпус	Количество текстов	Количество словоформ (tokens)	Количество лексем (types)
«Русские элегии» (всего)	509	~114 000	~ 8 000
«Русские элегии» (опубл. в периодических изданиях)	390	~ 87 000	~ 7 000
НКРЯ	4463	~912 000	~ 29 000

Таб. 1. Объем корпусов.

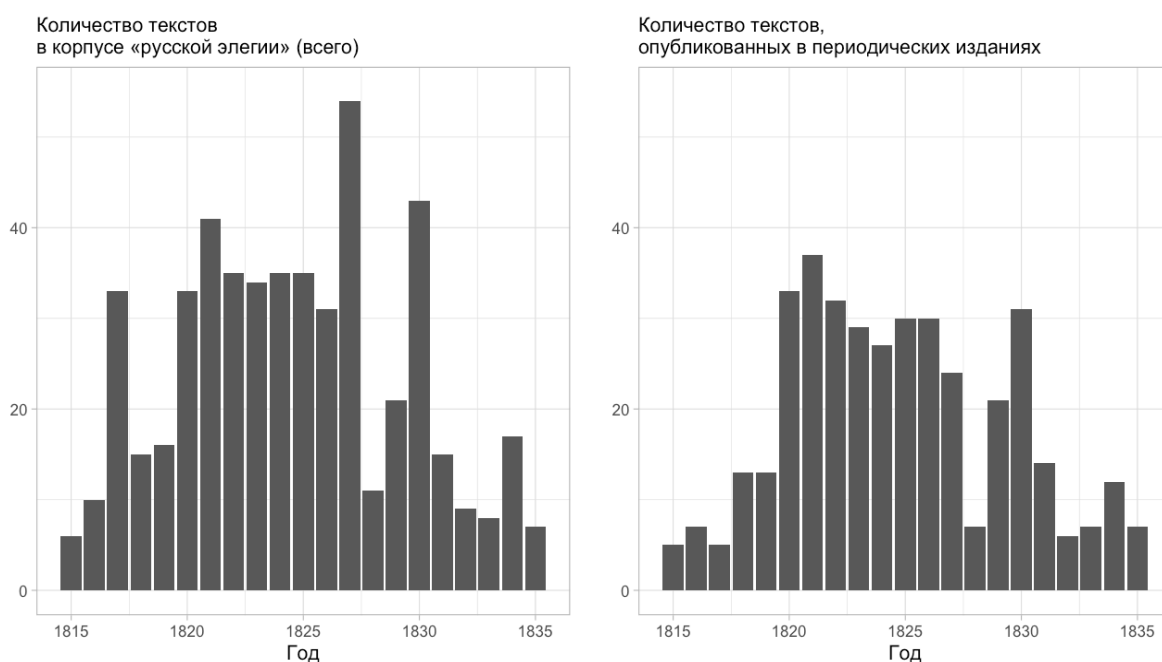

Рис. 1. Распределение текстов в корпусе «русской элегии» и его подкорпусе (элегии, опубликованные в периодике).

Укажем также на особенности распределения частей речи в корпусе элегий. При сравнении корпуса элегий с подкорпусом НКРЯ (Таб. 2), заметно незначительное преобладание в элегиях прилагательных и существительных, которое компенсируется за счет меньшего количества местоимений и союзов.¹⁷ Нельзя, впрочем, видеть в этом действительно значимых отклонений – на уровне частей речи элегия действительно оказывается «средним» жанром. Это может отчасти объясняться и

¹⁷ Можно предполагать, что эта особенность в дальнейшем отразится в ряде пародий на элегию, утрирующих эту черту и снабжающих практически каждое существительное прилагательным-определением (ср. пародии на элегии собранные в антологии [Русская элегия 1991]).

метрическим единообразием в элегиях, которые в большинстве случаев написаны ямбами.

Часть речи	Корпус элегий	НКРЯ
Существительное	32,1 %	31.1 %
Глагол	15.5 %	16.3 %
Прилагательное	12.2 %	10.8 %
Местоимение	12 %	13 %
Предлог	10.4 %	9.9%
Союз	7.3 %	8.4 %
Частица	3.7 %	4.2 %
Наречие	3.1 %	3.7 %
Другое	3.7 %	2.6 %

Таб. 2. Распределение частей речи в корпусе элегий.

1.1.2. Лексические частоты

Статистически более весомыми оказываются различия между корпусом элегий и НКРЯ при сравнении лексических частот. По результатам наших подсчетов, абсолютные частоты слов в разные периоды (например, в конце 1810-х и в начале 1830-х гг.) отличаются незначительно, поэтому далее приводятся суммированные подсчеты по всему корпусу. Среди наиболее частотных слов в корпусе элегий заметно увеличение частотности местоимения «ты» (1,55% от всех слов, по сравнению с 1,2% в НКРЯ¹⁸). Повышение частотности местоимения «ты», вероятно, связано с характерным в элегиях обращением героя («я») к другу или возлюбленной, а также появляющимся в любовных элегиях портретом героини (см. об этом раздел 1.2).

¹⁸ Хотя эти значения и их различие кажутся небольшими, в сравнении с другими лексическими частотами увеличение на 0,3 является значимым (так, наиболее частотное слово «и» занимает лишь ~ 4% от всего корпуса, для большинства знаменательных частей речи процент употреблений оказывается меньше 0.5%), ср. также частотность местоимения «твой»: 0.7% в корпусе элегий и 0.44% в НКРЯ; более низкая частотность местоимения «ты» в художественных текстах отмечена также в Новом частотном словаре [Ляшевская, Шаров 2009].

Первые 40 частотных слов в корпусе элегий:

и, в, я, не, **ты**, с, мой, на, он, как, весь, твой, она, о, но, быть, к, **душа**, **любовь**, где, **день**, **сердце**, они, что, свой, вы, **друг**, **жизнь**, сей, мы, когда, от, для, **милый**, **небо**, там, **слеза**, один, нет, **мечта**

В подкорпусе НКРЯ:

и, в, я, не, он, с, на, **ты**, как, мой, быть, но, что, она, они, мы, к, все, то, твой, свой, вы, за, о, **душа**, весь, а, от, где, **друг**, так, по, кто, **день**, **сердце**, когда, один, нет, из, **любовь**

Частотность знаменательных частей речи в корпусе элегий также ожидаемо находит некоторые различия в сравнении с подкорпусом НКРЯ. Среди первых 40 частотных слов в корпусе элегий оказываются характерные слова «милый», «небо», «слеза» и «мечта», которые занимают более низкие позиции среди частотных слов в подкорпусе НКРЯ. Обратим внимание и на то, что в целом частотные в поэзии 1820-х гг. слова «друг», «сердце» и «любовь» в корпусе элегий также оказываются более частотны, чем даже некоторые служебные слова.

Предварительные замечания о лексике в элегиях могут быть расширены при рассмотрении характерных для элегии устойчивых сочетаний из двух слов (биграмм). В связи с тем, что устойчивые сочетания в поэзии находятся в зависимости с метрикой и ритмикой, для последующего анализа из корпуса элегий были выбраны только стихотворения, написанные ямбом (462 текста из 509¹⁹). Приводим первые двадцать по частотности устойчивых коллокаций в элегиях:

Последний раз, милый друг, вся радость, страна где, там где, твоя душа, юные годы, слезы лить, вся жизнь, жизнь сия, место где, один лишь, юные дни, где весь, сия жизнь, весь мир, сладкий сон, давно ль, душа своя, первый раз²⁰

При сравнении этих коллокаций с частотными биграммami подкорпуса НКРЯ, мы, однако, практически не найдем различий. Исходя из абсолютных частот

¹⁹ Хорей и трехсложные размеры мало представлены в корпусе, а потому подсчет устойчивых сочетаний в них будет нерепрезентативным.

²⁰ Для удобства чтения мы согласовали слова в сочетаниях, однако для подсчета биграмм использовался лемматизованный корпус.

биграммов остается лишь заключить, что количественные данные легко доказывают давно устоявшееся мнение о том, что «элегический» язык 1810-х – 1820-х гг. действительно в этот период был языком поэзии вообще и его черты находятся и в других жанрах.

В сравнении с «фоновым» подкорпусом НКРЯ, впрочем, все же возможно выделить слова и словосочетания, характерные именно для элегий. Для этого нужно обратиться не к абсолютным, а к нормализованным частотам и узнать для каждого слова статистическую характеристику «отношение шансов» (odds ratio²¹): отношение вероятности появления слова в корпусе к вероятности того, что слово не появится в этом корпусе [см.: Monroe et al. 2009; Schnoebelen 2019]. Эти вычисления позволяют увидеть, какие из часто встречающихся в обоих корпусах слов значительно более частотны²² в корпусе элегий – приведем часть из них (в скобках указывается значение log odds):

Слова: будет (9), любовь (8.5), слеза (6), радость (5.6), счастье (5.3), горесть (4.8), мечта (4.6), сердце (4), милый (3.9), унылый (3.9), зефир (3.5), душа (3.4), увянуть (3.3), исчезать (3.3), юность (3.2), очарование (3.2), весна (3.2), золотой (3.1), вечерний (3.1), киприда (3), напрасно (3)

Словосочетания: душа моя (4), в часы (3.9), последний раз²³ (3.1), о милый (2.9), сердечная слеза (2.8), исчезать весь (2.5), слеза и (2.4), о муза (2.4)

По спискам видно, что элегия выделяется на общепозэтическом фоне за счет слов, описывающих, с одной стороны, любовные чувства («любовь», «сердце», «милый», «очарование»), а с другой – меланхолические («слеза», «горесть», «унылый», «увянуть», «исчезать», «напрасно»); в контексте утраты будут возникать также и «радость», «весна» и «юность» (значимо здесь и то, что одно из самых частотных определений к слову «мечта» в корпусе – «печальная»). Важно, что отмеченные высокой частотностью прилагательные встречаются также в пародиях на элегию, ср.: «Уныл, взбираюся на сумрачную гору» (элегия Мотылькова²⁴ 1824,

²¹ Поскольку объемы корпусов существенно различаются, для сравнения и оценки odds используется логарифмирование, см. [Monroe et al. 2009: 379].

²² Значение log odds выше 2.

²³ Об источниках и употреблении этого клише см. [Пильщиков 2007а: 248-253].

²⁴ Вероятнее всего, С. Д. Пономаревой [Вацуру 2004: 315-330, 400-401].

№ 299²⁵), «С душой отцветшею для милых наслаждений» (С. Т. Аксаков, 1821, № 25²⁶), «Льют в душу жаркое волнение, / Златой привет ночной поры» (анонимн., 1828, № 116). Отметим также подтвердившуюся высокую частотность двух «эстетизирующих» (по выражению Вацура) слов²⁷ «зефир» и «киприда», а также отсылающего к традиционному элегическому пейзажу прилагательного «вечерний»²⁸.

Таким образом, количественные данные отражают не только известные элегические константы, но показывают преобладание в корпусе именно любовной и «унылой» элегии – тех ее поджанров, которые, по-видимому, чаще носят жанровый заголовок.

1.1.3. Метрический репертуар

Подготовленный корпус позволяет сделать ряд предварительных замечаний о метрическом репертуаре текстов с эксплицированным жанровым заголовком «Элегия». При подсчете размеров мы опирались на принципы, сформулированные М. Л. Гаспаровым в монографии «Современный русский стих» (1974), и, соответственно, учитывали количество не строк, но стихотворений, написанных определенным размером (полиметрические композиции учитывались как несколько текстов, написанных разными размерами). Для более точного отражения хронологии использования различных размеров, в таблице 3 отражены только подсчеты текстов, опубликованных в периодике²⁹. Данные приводятся в процентах и распределены по пятилетиям; суммированные подсчеты для основных³⁰ размеров за полное десятилетие 1821—1830 гг. сравниваются с соответствующими данными у Гаспарова³¹ в таблице 4.

²⁵ Здесь и далее в скобках указываются автор (если известен), год публикации и номер стихотворения в Приложении 2.

²⁶ О показательных особенностях этой пародии на уровне стихосложения см. также [Матяш 2012].

²⁷ [Вацура 1994: 97-103].

²⁸ О вечернем (но не ночном) пейзаже в элегии см. [Там же: 56, 127-129].

²⁹ Полностью данные о метрах и размерах доступны в репозитории.

³⁰ Составляющих более чем 3 % корпуса элегий.

³¹ [Гаспаров 1974: 46-47].

Размер	1815-1820	1821-1825	1826-1830	1831-1835
Я 3-ст	—	1.9	—	—
4-ст.	15.8	23.4	58.3	44.4
5-ст.	2.6	5.7	2.6	4.4
6-ст.	26.3	22.15	11.3	20
рз. (все)	19.7	18.35	5.2	—
- Я 43	1.3	3.2	—	—
- Я 65	14.4	7.5	1.7	—
- Я 6664	—	3.2	—	—
в.	21	20.25	14.8	24.4
Х 4-ст.	2.6	1.8	2.6	4.4
рз.	1.3	1.2	—	—
Амф 4-ст.	5.2	2.5	2.6	—
5-ст.	—	—	0.87	—
рз.	—	1.9	0.87	—
Д 4-ст.	—	0.6	—	—
рз.	1.3	—	—	—
в.	1.3	—	—	2.2
Гекс.	—	—	0.87	—
Эл. дистих	2.6	—	—	—
Всего текстов (100%)	76	158	115	45

Таб. 3. Метрический репертуар элегии.

Размер	Корпус «русской элегии» 1821-1830		Гаспаров 1974	
	Кол-во тек- стов	% от всех текстов	Кол-во тек- стов	% от всех текстов
Я 4-ст.	104	38	476	42.4
5-ст.	12	4.4	100	8.9
6-ст.	48	17.6	49	4.3
рз.	35	12.8	75	6.7
в.	49	17.9	146	13
Х 4-ст.	6	2	102	9
Амф. 4-ст.	7	2.5	26	2.3
Всего текстов (100%)	273		1122	

Таб. 4. Сравнение метрического репертуара элегий с подсчетами Гаспарова по «общему» корпусу поэзии.

Из приведенных подсчетов видно, что главенствующие позиции в корпусе элегий занимает ямб. Так, в конце 1810-х гг. главными размерами являются характерный еще для элегии XVIII в.³² шестистопный ямб (26.3 % от всех размеров), а также вольный ямб, образцы которого были предложены Батюшковым и Жуковским [Гаспаров 2000: 116-115]³³. В конце 1810-х гг. можно видеть и в целом редкие среди «Элегий» попытки использования трехсложных размеров: в это время опубликованы единственные известные элегии, написанные элегическим дистихом (В. К. Кюхельбекера)³⁴, и две элегии, написанные четырехстопным дактилем (В. Н. Олина, № 324; анонимн., № 163).

В конце 1810-х гг. заметна также высокая доля использования разностопных ямбов, среди которых наиболее частотный – ямб с чередованием 6- и 5-стопных строк, берущий начало, по всей видимости, от элегии «Умиравший Тасс» Батюшкова [Пильщиков 2007а: 288-290]. Интересно, что этим размером написано большое количество элегий П. А. Плетнева, подражающего в начале 1820-х гг., по-видимому, не только Жуковскому, но и Батюшкову. В элегиях других авторов Я65 оказывается связан с поджанром элегии «на смерть» (см. № 9, 328, 437, 438); этим размером также выполнен перевод В. Н. Григорьева «Одиночества» Ламартина (1821, № 205). Разностопный ямб остается частотным и в течение первой половины 1820-х гг.: хотя Я65 отходит на второй план, вероятно, в элегиях сохраняется отмеченная М. И. Шапиром «тенденция к соединению более длинных строк с более короткими» [Шапир 1994: 72]. Так, в начале 1820-х гг. появляется также несколько случаев употребления четверостиший Я6664, идущих от «Вечера» и «Славянки» Жуковского. Сравнение употребления разностопного ямба в корпусе элегий с данными Гаспарова за 1820-е гг. также подтверждает гипотезу Шапира о характерности разностопников для элегии (12.8 % от всех элегий против 6.7% ЯРз в подсчетах по «общему» корпусу поэзии у Гаспарова).

³² Ср. сходные данные о постепенном угасании популярности «эпистолярно-элегического» шестистопного ямба XVIII в. в 1800-е – 1810-е гг. [Гаспаров 1974: 55].

³³ О смысловой доминанте в шестистопных строках в вольном ямбе в элегии см. также: [Вацура 1994: 72].

³⁴ О стихотворениях Кюхельбекера, а также о единственном в корпусе тексте, написанном гексаметром – «Элегии» П. А. Катенина, см. [Шапир 1994].

В первой половине 1820-х гг. одним из основных для элегии размеров остается шестистопный ямба³⁵. Как показано в исследовании И. А. Пильщикова, в элегиях Батюшкова, Рылеева и Баратынского использование шестистопного ямба со смежной рифмовкой связано с традицией русской «тибуллианы» и подражаний древним [см.: Пильщиков 2007а]. Помимо текстов, рассмотренных Пильщиковым, в корпусе содержится ряд дополнительных примеров использования этого размера в «элегиях в древнем вкусе» (см. элегии А. С. Норова (№ 313, 317), Д. П. Глебова (№ 179), Н. А. Цертелева (№ 471), а также вольный перевод из Тибулла В. Н. Олина (№ 325) и подражание Проперцию П. А. Межакова (№ 293)). Хотя во второй половине 1820-х гг. количество шестистопного ямба значительно уменьшается, их процент в элегиях остается значительным по сравнению с поэзией в среднем (17.6% от всех элегий 1820-х гг., против 4.3% по данным Гаспарова).

Во второй половине 1820-х гг. сокращается количество элегий, написанных вольным ямбом, подавляющее число текстов пишется четырехстопным ямбом (58%). Своего рода возвращение к шестистопному и вольному ямбу в элегии можно предполагать в связи с попытками обновления элегии в начале 1830-х гг. (см., например, элегии В. Г. Теплякова³⁶), однако искажение в подсчетах может быть связано с недостаточным количеством текстов, имеющих жанровый заголовок в этот период. Пятистопный ямб, по нашим подсчетам, остается периферийным для элегии (4 % от всего корпуса), как и другой, укрепляющий свои позиции в 1820-х гг.³⁷ размер – 4-ст. хорей (всего 2.5% в корпусе элегий).

В корпусе элегий встречаются также единичные употребления 4-х стопного амфибрахия (2.8 % от всего корпуса), который в 1810-х – 1820-х гг. являлся ведущим из трехсложных размеров [Гаспаров 2000: 127-128]. Доля остальных размеров остается незначительной на протяжении всего исследуемого периода. На основании подсчетов можно предполагать, что на метрическом уровне элегия оставалась достаточно «консервативным» жанром, сохраняющим черты исторических европейских источников и жанровых образцов 1800-х – 1810-х гг. Хотя «новые» элегии – поэтов поколения Пушкина и Баратынского, для которых основным размером становится уже четырехстопный ямб, – входят в литературу в начале 1820-х гг.,

³⁵ Долгое присутствие шестистопного ямба в метрическом репертуаре элегии, возможно, объясняет и популярность этого размера в пародийных и иронических элегиях [см. Матяш 2012].

³⁶ См. об этом, например [Немзер 1991].

³⁷ [Гаспаров 1974: 51].

экспансия четырехстопного ямба действительно становится заметна только во второй половине десятилетия. В связи с этим интересно утверждение Гаспарова, о том, что повышение доли тематически нейтрального четырехстопного ямба было необходимым условием для расширения тематического разнообразия в элегиях, и, как следствие, расшатывания границ жанровой системы [см.: Гаспаров 2000: 113]. Заметив видимое преобладание четырехстопного ямба в элегиях в конце 1820-х гг. попробуем проследить изменение других формальных характеристик в корпусе.

1.2. Изменения внутри корпуса элегий: форма и темы

1.2.1. Сокращение объема элегии

Изменения в метрическом репертуаре элегии и переход от шестистопного и вольного ямба к четырехстопному, возможно, связан с развитием других формальных черт в элегии, в частности, с такой простой характеристикой как длина стихотворения в строках. Заметное уменьшение длины поэтических текстов в связи с жанровым распадом уже было отмечено на материалах поэтического подкорпуса НКРЯ [см. Shelya, Sobchuk 2017], однако изменение этой характеристики на примере отдельных жанров не рассматривалось. Проверить гипотезу о «сокращении» лирики в связи с жанровым распадом и экспансией четырехстопного ямба возможно на примере данных корпуса элегий (использовался подкорпус текстов, опубликованных в периодике).

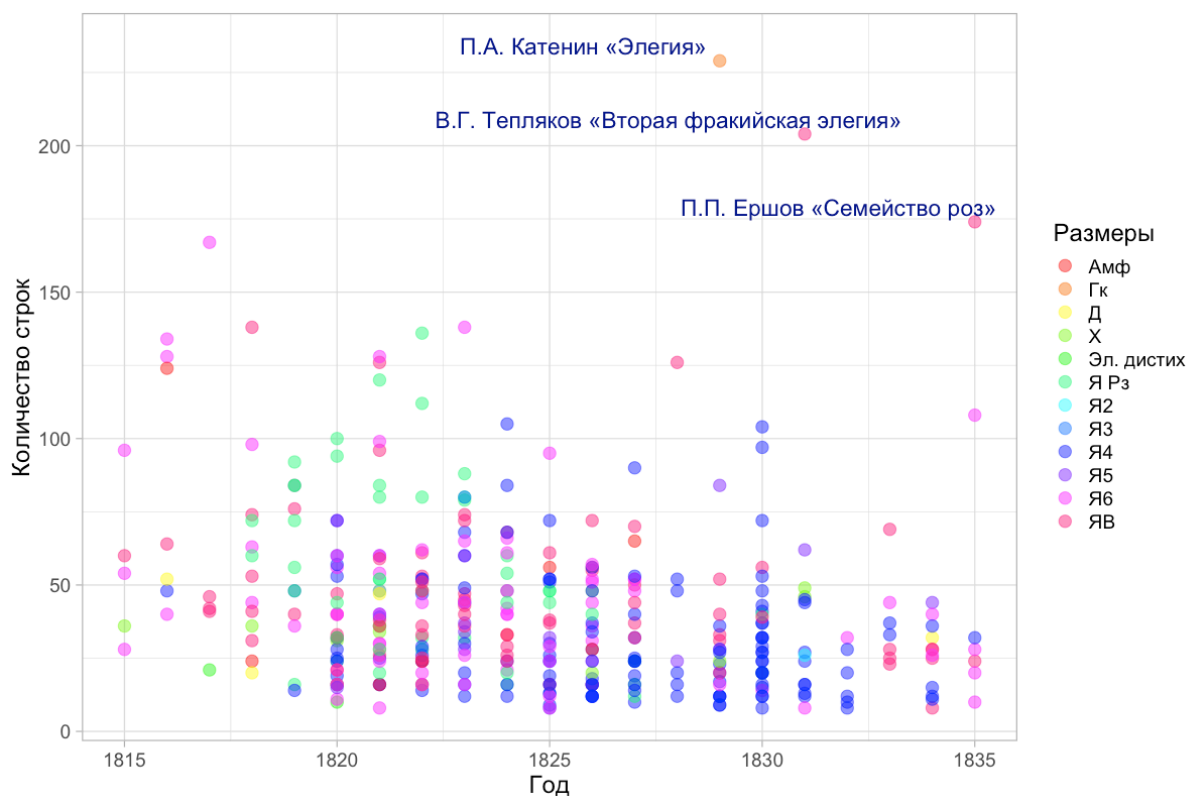

Рис. 2. Распределение длины и размеров в элегии на временной оси.

Приведенные на рисунке 2 общие данные о соотношении размеров и длины элегий позволяют заметить, что к концу 1820-х гг. количество строк в элегиях в среднем меньше, чем в конце 1810-х гг. (этому, разумеется, есть исключения – например, гексаметрическая «Элегия» Катенина (1829, № 263), «Вторая фракийская элегия» В. Г. Теплякова (1831, № 433), «Семейство роз» П. П. Ершова (1835, № 248)). С середины 1820-х гг. заметно и увеличение доли четырехстопного ямба. Хотя видно, что тексты, написанные вольным, разностопным и шестистопным ямбом в конце 1810-х – начале 1820-х гг. действительно скорее оказываются длиннее, чем элегии, укладываемые в четырехстопный ямб, это наблюдение находит много исключений, а степень значимости четырехстопника в сокращении текстов остается под вопросом.

Обратимся, однако, к проблеме уменьшения размера элегии отдельно от ее метрических характеристик. Математически проверить корреляцию между длинами элегий и годом их публикации на основании данных, представленных на рисунке 2, достаточно сложно (даже после логарифмирования распределение данных далеко от нормального, и, соответственно, оно не может быть описано с помощью

стандартных статистических тестов)³⁸. В связи с этим мы решили проверить гипотезу о сокращении длины текстов на агрегированных данных: средних и медианных длинах стихотворений за каждый год.

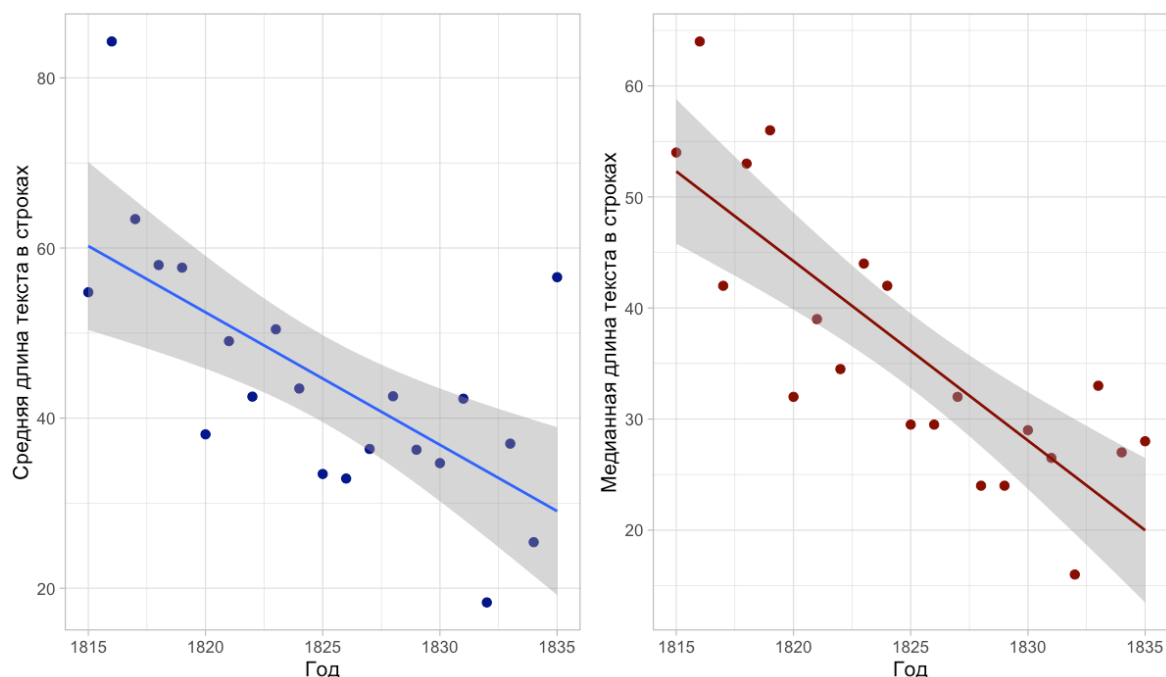

Рис. 3. Средние (слева) и медианные (справа) значения длины элегии.

Средние длины стихотворений остаются зависимы от исключительно длинных текстов в те периоды, когда данных недостаточно (ср., например, высокое значение средней длины в 1835 г.). Несмотря на это, даже для средних значений отрицательная корреляция между количеством строк и датой публикации остается существенной ($\text{cor} = -0.5^{39}$). Синяя линия на графике соответствует прямой линейной регрессии, которая, впрочем, описывает достаточно малый процент данных (44%), поэтому не может служить хорошей описательной моделью.

Менее подвержены влиянию отдельных больших значений данные о медианной длине текстов. Отрицательная корреляция в этом случае более статистически значима (-0.625^{40}), что подтверждает уменьшение длины элегий на протяжении

³⁸ Результаты тестов на нормальное распределение, автокорреляцию остатков, гетероскедастичность и корреляцию (коэф. Кендалла) между переменными, а также пробное построение модели (только для суммарных данных) см. в репозитории.

³⁹ В связи с небольшим количеством данных, мы использовали коэффициент корреляции Кендалла. Агрегированные данные, впрочем, имеют нормальное распределение, поэтому для сравнения приведем также коэф. Пирсона: -0.66 .

⁴⁰ По коэффициенту корреляции Пирсона: -0.81 .

рассматриваемого период. Также линейная модель на основании медианных значений описывает большее количество данных (66%). Важно, что в этой модели и угловой коэффициент, определяемый в зависимости от года публикации, и p -значение ($p = 7.5^{-6}$) являются статистически значимыми, что позволяет отклонить нулевую гипотезу о том, что длина текста не зависит от года публикации.

Сокращение длины текстов элегий может быть связано как с общими тенденциями к «укорачиванию» лирики в 1820-х гг., так и с изменениями внутри самого жанра. Можно предполагать, что метрические изменения (переход к четырехстопному ямбу), а также сокращение длины текстов элегий могли быть связаны с расширением тематических границ элегии и, следовательно, с последующим распадом этого жанра. Корпусные данные дают материал для проверки того, какие тематические изменения произошли в элегии в рассматриваемый период.

1.2.2. Тематические изменения: от «исторической» элегии к любовной

Для выявления и представления тем, присутствующих в большой коллекции текстов, можно обратиться к методу вероятностного тематического моделирования (topic modeling)⁴¹. Благодаря статистической обработке текстов, этот метод позволяет вычленять в тексте темы (topics) на основании дискретного вероятностного распределения слов для заданного словаря. При этом последовательность (линейная зависимость) слов в текстах не учитывается, алгоритм выбирает слова случайно (модель bag-of-words⁴²), также не важен порядок документов в корпусе и количество слов в документах.

Для построения модели мы использовали один из наиболее распространенных методов в области тематического моделирования – латентное размещение Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA) [см.: Blei et al. 2003]. На основании априорного размещения Дирихле, модель пытается извлечь скрытые «темы» из коллекции

⁴¹ См. подробнее: [Blei 2012].

⁴² Такой подход, безусловно, упрощает структуру текста, однако является эффективным и важным способом автоматической обработки текстов. О возможностях улучшения модели, см., например, [Нугуманова и др. 2016]. В нашем исследовании темы представлены униграммами, а не биграммами, в силу небольшого количества слов в корпусе (и, следовательно, недостаточной частотности биграммов).

документов, используя вероятности слов и их взаимную (не)встречаемость в коллекции (применяется семплирование по Гиббсу [George, Casella. 1992; Grün, Hornik 2011]).

В результате тематическая модель способна показать как вероятности появления слов в определенной теме, так и распределение тем в текстах (документах). Важно при этом, что все темы представлены всеми словами словаря (но с различными вероятностями), а каждый текст представлен всеми темами – также с различными вероятностями. Таким образом, метод осуществляет «мягкую» кластеризацию текстов, показывая распределение нескольких тем внутри одного документа, что оказывается намного более справедливо для нагруженного смыслами и темами художественного текста, чем, например, более «жесткая» классификация текста как относящегося к лишь одной теме.

Тематическое моделирование успешно применяли к исследованию жанровых особенностей французской драмы [Schöch 2017], романа XIX в. [Jockers, Mimno 2013], а также эгодокументов [Blevins 2010]. Хотя поэтические тексты реже становятся объектом тематического анализа, вероятность успешного решения литературоведческих задач с помощью этого метода (LDA) была протестирована и на материале поэзии [Navarro-Colorado 2018]. Так, описанные выше характеристики позволяют исследовать темы даже в коротких текстах, а также не прямо зависят от метрических паттернов в стихотворениях. В то же время, метод тематического моделирования позволяет на основании количественных данных подойти к вопросу изменения тем в корпусе текстов в диахронической перспективе.

Для построения модели корпус элегий был представлен как документ-терминологическая матрица (document-term matrix), где для каждого документа (текста стихотворения) были подсчитаны частоты встречающихся в нем слов:

Text ID / term	...	воспоминание	...	время	...	милый	...
1_DGlebov_1818	...	2	...	1	...	4	...
10_Baratynsky_1820	...	0	...	1	...	1	...

Таб. 5. Фрагмент документ-терминологической матрицы, составленной в качестве основы для тематического анализа.

На основании абсолютных частот документ-терминологической матрицы алгоритм вычисляет вероятность принадлежности слов и документов к темам.

Используя составленный нами (далее – *инклюзивный*) корпус лемматизованных текстов элегий, мы построили вероятностную тематическую модель из 12 тем⁴³, распределение которых показано на временной оси (с 1815 по 1835 гг.). Для более полного анализа полученных результатов, распределение тем в инклюзивном корпусе может быть представлено в сравнении с другим корпусом элегий.

В качестве контрастного корпуса была подготовлена⁴⁴ коллекция элегий, опубликованная в авторитетном издании «Русская элегия» в серии «Библиотека поэта» [см. Русская элегия 1991]. В антологию, подготовленную Л. Г. Фризманом, вошло 168 текстов, опубликованных с 1815 по 1835 гг., из них 85 представлены и в подготовленном нами корпусе элегий. Относительно тех текстов, что не вошли в инклюзивный корпус, но были включены в собрание «Библиотеки поэта», отметим, что многие из них при публикации не имели заголовка «Элегия»⁴⁵. Из пояснительной статьи к изданию, между тем, видно, что целью антологии было – как и для нашего корпуса – попытаться проследить историю элегического жанра [см. Русская элегия 1991: 549], однако, принимая во внимание не весь объем элегической поэзии, но основываясь на «наиболее показательных, художественно совершенных и типологически значимых образцах <элегий>» [Там же].

Метод тематического моделирования позволяет сравнить, насколько отличается распределение тем в подготовленном нами инклюзивном корпусе и в «каноническом» корпусе, основанном на антологии «Русская элегия». На Рисунке 4 показаны вероятности распределения 12 тем в двух корпусах на временной оси.

⁴³ Определение количества тем в нашей работе, с одной стороны, было основано на вычислении параметров стабильности модели (loglikelihood, perplexity), показавшим оптимальные результаты при вычислении более чем шести тем. С другой стороны, проведя ряд экспериментов с различным количеством тем (от 6 до 25), мы остановились на оптимально интерпретируемом количестве тем; при попытке выявления более чем 15-ти тем, вероятности появления большего количества слов в теме оказываются статистически незначимы из-за небольшого количества слов в корпусе.

⁴⁴ Тексты были переведены в вид простого текста (plain text format) и лемматизованы.

⁴⁵ В качестве примера, укажем на входящие в антологию послание Пушкина «В. Ф. Раевскому», стихотворение Ф. И. Тютчева «Часов однообразный бой», а также русскую песню А. Кольцова «Лес».

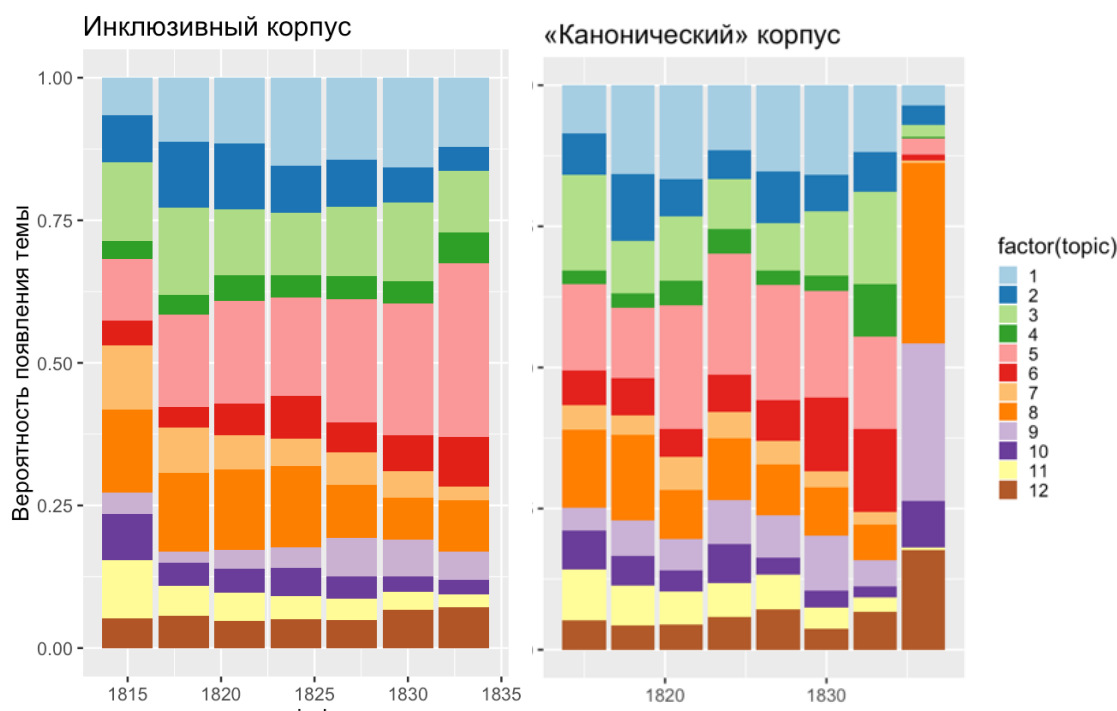

Рис. 4. Распределение вероятностей появления тем в инклюзивном и каноническом корпусах элегий.

Заметно, что распределение тем на протяжении исследуемого периода оказывается более стабильным, градуальным и видимым на материале инклюзивного корпуса по сравнению с «каноническим», отражающим большее тематическое разнообразие и меньшую связь с временными периодами (темы неравномерно «скачут» от столбца к столбцу; ср., например, распределение темы номер 2 на материале двух корпусов). Исключительное преобладание тем 8, 9 и 12 в последнем столбце диаграммы для «канонического» корпуса объясняется недостаточным количеством текстов в этот период: смещенное распределение тем показывает, что элегии периода 1833-1835 гг. практически не представлены в антологии.

Построенная модель обладает данными о вероятности слов внутри каждой темы (т.н. бета-значения) – это позволяет исследователю в дальнейшем интерпретировать набор наиболее вероятных слов как некоторое тематическое единство. Интерпретацию темы мы основываем, однако, не только на характерных словах, но также на анализе текстов, в которых определенные темы представлены с наибольшей вероятностью (гамма-значения в тематической модели⁴⁶). Рассмотрим темы,

⁴⁶ Далее в качестве примеров указываются только тексты с наиболее высокими гамма-значениями (> 0.4). Гамма-значения могут быть воспроизведены с использованием данных, помещенных в репозиторий.

которые (согласно модели) часто встречаются в текстах конца 1810-х – начала 1820-х гг., и теряют популярность к концу 1820-х гг. Наиболее вероятные внутри тем слова представлены в таблице 6:

Тема 11		Тема 10		Тема 7		Тема 8	
Слово	Бета ⁴⁷	Слово	Бета	Слово	Бета	Слово	Бета
где	0.013	ты	0.026	<...>	<...>	<...>	<...>
там	0.012	твой	0.014	день	0.012	день	0.01
слава	0.011	бог	0.013	друг	0.01	здесь	0.01
он	0.01	сердце	0.011	где	0.01	он	0.01
страна	0.01	певец	0.01	бог	0.009	где	0.01
море	0.009	лира	0.01	дар	0.008	лес	0.009
волна	0.009	слава	0.01	когда	0.008	лишь	0.008
меч	0.008	муза	0.009	счаст- ливый	0.007	вода	0.008
родина	0.008	он	0.009	тень	0.007	взор	0.007
сын	0.008	петь	0.009	поле	0.006	свой	0.007
грозный	0.007	мир	0.007	рука	0.006	холм	0.007
герой	0.007	царь	0.007	труд	0.005	доли-на	0.007
враг	0.007	рука	0.006	пусть	0.005	тень	0.007
бой	0.007	песня	0.006	ваш	0.005	гора	0.007
край	0.007	поэт	0.006	ты	0.005	поле	0.007
отчизна	0.007	век	0.006	златой	0.005	свет	0.007
буря	0.006	глава	0.006	кров	0.005	друг	0.006

Таб. 6. Наиболее вероятные слова в темах 11 («историческая» тема), 10 (тема поэта), 7 (любовно-пасторальная тематика) и 8 (пейзаж «унылой элегии»).

Как видно из рисунка 4, для конца 1810-х гг. характерна тема номер 11. Наиболее вероятные слова в этой теме – такие как «слава», «страна», «меч», «родина», «сын», «герой», «враг», «бой», «брань»⁴⁸ и т. д. – позволяют говорить о том, что эта тема близка к поджанру «исторической» элегии [Вацуру 1994]. По оценке модели, тема широко представлена, например, в стихотворении Батюшкова «На

⁴⁷ Вероятность появления слова в теме.

⁴⁸ 19-е по частотности слово в теме (beta значение: 0.00567).

развалинах замка в Швеции» (ср., например, появление ключевых слов темы в пятой строфе стихотворения: «А ты, мой *сын*, клянись *мечом* своих отцов / И Гелы клятвою кровавой / На западных струях быть ужасом *врагов* / Иль пасть, как предки пали, с *славой!*») (№ 82)). В стихотворении Батюшкова также наряду с темой войны появляется тема плавания и моря («Суда наутро восшумели, / Запенились *моря*, и быстры корабли / На крыльях *бури* полетели!» [Там же]): такими тематическими пересечениями может отчасти объясняться появление слов «море» и «волна» среди наиболее характерных, хотя в подготовленной нами модели присутствует и другая тема, более полно отражающая «морскую» атрибутику⁴⁹. Другим примером выявленной исторической темы может быть стихотворение К. Ф. Рылеева «Курбский», опубликованное с подзаголовком «Элегия» в 1821 г. (ср. зачин стихотворения: «На камне мшистом в час ночной / Из милой *родины* изгнанник, / Сидел Князь Курбский, вождь молодой <...> Позор и *слава* русских *стран*, / В совете мудрый, страшный в *брани*») (№ 394)). Исходя из распределения тем на временной оси (Рис. 4), «историческая» тематика особенно характерна для элегии конца 1810-х гг., но теряет свою популярность уже к середине 1820-х гг.⁵⁰ Осторожно предположим, что осязаемое присутствие этой темы в конце 1810-х гг. может быть отголоском традиции «военной» (одической) лирики 1812—1815 гг., которая отразилась и в образцах элегического жанра (например, у Батюшкова)⁵¹.

Примечательно, что к середине 1820-х гг. оказывается все менее частотна тема «поэта и поэзии» (тема 10). Наиболее вероятные слова внутри этой темы описывают поэта и сферу искусства: это «певец», «лира», «слава», «муза» и т.д. (см. Таб. 6). Так, с высокой вероятностью относится к этой теме «Элегия на смерть Державина» В. Н. Олина (1816), целиком посвященная воспеванию поэта (ср. «Нет уже боле *певца*, который волшебною *лирой* / *Славить* достойно умел и людей и бес- смертных / Кроткий по *сердцу* был истинный друг человеков») (№ 324)). Отдельно отметим, что эта тема оказывается особенно характерна для стихотворений, написанных трехсложными размерами (дактилем и амфибрахием, см. Приложение 1).

⁴⁹ Не имея возможности подробно описывать все темы, а также данные о соотношении тем с метрами и размерами, мы помещаем соответствующие диаграммы в Приложение 1.

⁵⁰ Отметим, что данные «канонического» корпуса, где эта тема представлена более широко вплоть до конца 1820-х гг., не позволяют прийти к заключению об уменьшении популярности «исторической» темы. Это также касается распределения темы поэта и поэзии (тема 10).

⁵¹ См. об этом: [Охотин 1987].

Тема «поэта и поэзии» представлена также, например, в элегии «Гробница Бенамара, персидского поэта»⁵² Д. П. Глебова (опубл. 1825, с пометой «1816», см. (№ 183)), где героиня стихотворения рассказывает о судьбе своего отца, умершего поэта. Согласно модели, эта тема представлена также в ряде стихотворений, где поэт является лирическим героем и сам говорит о поэзии. Приведем здесь стихотворение неизвестного автора⁵³ «Я не поэт – возьмите лиру» (подпись: «2-17», см. (№ 13)), а также более позднюю «Элегию» П. А. Вяземского («О ты, которая из детства / Зажгла во мне священный жар...», опубл. 1829, см. (№ 161)). Кажется интересным, что несмотря на отдельные случаи, эта тема в «чистом» виде теряет свою популярность в элегиях 1820-х – начала 1830-х гг., по-видимому, переходя в другие жанры (ср., например, «Антологические стихотворения» Баратынского 1829 г.).

Так же кратко представлена в конце 1810-х – начале 1820-х гг. тема 7, связанная с любовно-пасторальными сюжетами. Результаты вычислений (гамма-значения)⁵⁴ показывают, что наиболее вероятно появление этой темы в переводах элегий Тибулла: укажем, например, на «Тибулловы элегии» III и IX К. Н. Батюшкова (№ 87, 91), стихотворение М. В. Милонова «К Неере» (№ 298), анонимно опубликованную «Тибуллову элегию» («Пускай другой, гонясь за счастьем и фортуной...» (№ 282), подпись: «Л.»). Интересно, что с высокой вероятностью эта тема представлена и в «подражаниях»: так, значимые гамма-значения имеет не только прямо имеющее подзаголовок «Подражание Тибуллу» стихотворение «К Делии» Рыльева (№ 393), но также и «Сельская элегия» Баратынского (№ 45), тибулловский прототекст в которой был выявлен уже только в новейших исследованиях И. А. Пильщикова⁵⁵. Последнее, впрочем, может указывать лишь на использование Баратынским очень характерной для русской тибуллианы лексики, но не на другие, более сложные (композиционный и т. д.), уровни связи «Сельской элегии» с элегиями Тибулла.

⁵² Перевод «Le tombeau du poète persan» Ш. Мильвуа.

⁵³ Это стихотворение иногда ошибочно приписывается Пушкину. О копии текста в рукописной тетради А. Е. Грена, см.: [Альтшуллер, Мартынов 1976: 73-75].

⁵⁴ Наиболее вероятные слова в этой теме лишь косвенно могут быть связаны с пасторальной темой (см. Таблицу 6).

⁵⁵ См. [Пильщиков 1994а].

Другая тема, отсылающая к обнаруживающимся в корпусе переводам, связана с элегией Ламартина «Одиночество». Тема 8 наиболее вероятно представлена⁵⁶ в переводах «Одиночества», выполненных В. Н. Григорьевым (№ 205), И. П. Бороздной (№ 136), П. А. Межаковым (№ 295), А. А. Волковым (№ 156), А. И. Готовцевой (№ 199), В. Т. Нарезным (№ 303) и анонимным автором (подпись «1... 8...») (№ 10)). Примечательно, что с несколько меньшей, но все же значимой вероятностью эта тема также представлена в «Вечере» и «Славянке» Жуковского (№ 250, 252)⁵⁷. Это, по всей видимости, можно объяснить широким использованием поэтического языка Жуковского в пейзажных описаниях «унылой элегии», которая для русского читателя нашла «обновление» в элегиях Ламартина [см.: Вацуро 1989: 47]. К концу 1820-х гг., вместе с маркерами «унылой элегии», уменьшается также и тема смерти (2), появление которой наиболее вероятно в текстах, соответственно имеющих заголовки «Элегия на смерть»⁵⁸. Результаты соотношения тем с размерами также подтверждает нашу гипотезу о связи этой темы с разностопным ямбом (Я65, см. Приложение 1).

Характерные для элегии 1810-х гг. темы отходят на второй план к середине 1820-х гг. Новые тематические кластеры, представленные на Рисунке 4 как темы 3, 5 и 6, позволяют говорить о преобладании любовной тематики в элегиях конца 1820-х – начала 1830-х гг.

Тема 3		Тема 5		Тема 6	
Слово	Бета значение	Слово	Бета значение	Слово	Бета значение
ты	0.052	я	0.185	небо	0.029
твой	0.037	ты	0.039	луч	0.019
любовь	0.025	любовь	0.017	земля	0.014
сон	0.014	весь	0.016	душа	0.013
слеза	0.013	душа	0.015	мир	0.013

⁵⁶ Хотя для темы 8 наиболее вероятными оказываются пейзажные атрибуты («вода», «холм», «долина», «тень», «свет», см. таблицу 0), они прямо не отсылают ни к кладбищенской, ни к «унылой» элегии. Здесь, как и в случае с любовно-пасторальной тематикой, более важными для интерпретации темы оказываются предложенные моделью тексты, для которых эта тема характерна.

⁵⁷ Отметим также то, что эта с большой вероятностью обнаруживается в стихотворениях, написанных разностопным ямбом, в первую очередь Я6664 – восходящим элегиям Жуковского (см. Приложение 1).

⁵⁸ См. (№ 251, 286, 435, 438, 475, 479); ср. также наиболее вероятные для этой темы слова: «жизнь», «слеза», «смерть», «час», «небесный», «гроб», «последний» и т.д.

око	0.013		друг	0.014		ль	0.01
грудь	0.011		она	0.013		ночь	0.01
когда	0.009		любить	0.012		звезда	0.009
радость	0.009		день	0.01		мрачный	0.008
свой	0.009		когда	0.01		гореть	0.008
уста	0.009		милый	0.01		иль	0.008

Таб. 7. Наиболее вероятные слова в темах 3, 5 и 6.

По списку вероятных слов в теме 5, можно предположить, что она будет характерна для текстов, где герой описывает любовное чувство. Эта тема присутствует с высокой вероятностью в известных любовных элегиях Баратынского («Разуверение» (№ 47), «Не искушай меня без нужды» (№ 44)), Пушкина («Простишь ли мне ревнивые мечты» (№ 385)), Языкова («Я знал живое заблужденье» (№ 489)), а также поэтов-эпигонов (ср. стихотворение Е. З<?>ого «Не обольщай меня напрасно» (№ 255), а также элегии Н. Ставелова (№ 411, 412, 415, 418)). Отметим, что любовная тема характерна для текстов, написанных четырехстопным ямбом – именно тем размером, который стал наиболее частотным в элегии (как, впрочем, и в поэзии вообще) второй половины 1820-х гг. (см. Приложение 1), и, по утверждению Гаспарова, способствовал расшатыванию в ее жанровых границ.

В то время как в теме 5 большее значение имеет описание чувств от первого лица (ср. вероятность местоимения «я»), с ней оказывается связана тема 3⁵⁹, посвященная портрету героини (см. Таблицу 7) и, соответственно, сфокусированная вокруг «ты» (о частотности этого местоимения в элегиях см. Гл. 1.1.). В качестве примеров текстов с высокой вероятностью этой темы, приведем элегию Языкова «Блажен, кто мог на ложе ночи...» (ср. зачин: «Блажен, кто мог на ложе ночи / Тебя руками обогнуть / Челом в чело, очами в очи, / Уста в уста и грудь на грудь!» (№ 507)), а также стихотворение Плетнева «Слабая сторона» («Ни прелесть голубых очей...» (№ 347)).

Однако наряду с укреплением представления об элегии как о любовном стихотворении к концу 1820-х гг. можно заметить также и попытки развития философской линии жанра (тема 6). Наиболее вероятные для темы слова связаны, с одной стороны, с уже упомянутым выше элегическим пейзажем. С другой стороны – это

⁵⁹ Тема женского портрета, впрочем, оказывается равномерно распределена в элегиях на протяжении рассматриваемого периода.

уже не вечерний, а ночной пейзаж, связанный с философской медитацией (ср. «ночь», «звезда», «душа», «дух» (0.006)). Такое прочтение связано также и с тем, что эта тема с большой вероятностью представлена в элегиях Н. Станкевича («Когда на западе горит...» (№ 421)) и А. С. Хомякова («Когда вечерняя спускается роса...» (№ 469))⁶⁰. Нельзя, однако, утверждать, что тема б однозначно связана с философской лирикой: многие тексты с этой темой, обнаруженные моделью, объясняются простым присутствием ночного пейзажа, не всегда сопровождающегося философской медитацией. Это, впрочем закономерно, поскольку язык философской лирики во второй половине 1820-х гг. во многом опирался на те лексические средства, которые были разработаны в элегии 1810-х – начала 1820-х гг. [Гинзбург 2007: 126-159].

Таким образом, результаты количественного исследования тем показывают, что период конца 1810-х – первой половины 1820-х гг. может быть охарактеризован постепенным снижением интереса к «исторической» и «унылой» элегии. Также можно предполагать, что менее частотными становятся в элегиях пасторальные образы и тема поэзии. На уровне форм это отражается в постепенном отходе от шестистопного и вольного ямба и сокращении длины стихотворений.

На смену приходит широко распространившаяся к концу 1820-х гг. «любовная элегия», появляются зачатки «философской» лирики. Вторая половина 1820-х – начало 1830-х гг. часто описывается исследователями как переход элегии в руки «эпигонов» и редко становится специальным предметом рассмотрения. Метод тематического моделирования, однако, позволяет подойти с количественной точки зрения к истории этого периода, представленного в корпусе как «каноническими» образцами (например, любовными элегиями Языкова), так и элегиями поэтов второго ряда. Как кажется, заметное преобладание любовной темы в «Элегиях» второй половины 1820-х гг. является важным тематическим сдвигом внутри жанра, который сопровождается сокращением объема стихотворений и переходом к четырехстопному ямбу. Эти изменения, наряду с отходом от элегии крупных авторов «пушкинского круга», оказались достаточными для перехода элегии на жанровую периферию и окончательного разрушения ее границ, несмотря на ряд попыток «обновления» элегии на рубеже 1820-х – 1830-х гг.⁶¹

⁶⁰ Ср. также стихотворение Ермолаева «Сокрылось дневное светило» (№ 247).

⁶¹ Ср. «длинные» элегии Катенина и Теплякова (раздел 1.2.1), а также см. ниже про попытку обновления элегии Баратынского (гл. 2).

Эти общие замечания, основанные на количественном анализе корпуса элегий, могут быть дополнены при рассмотрении частного случая развития жанра элегии в поэтике Баратынского.

ГЛАВА 2.

Жанровая система Баратынского в 1820-х — начале 1830-х гг.

2.1. «Стихотворения Е. Баратынского» 1827 г.

Сборник «Стихотворения Е. Баратынского» 1827 г. традиционно считается «итогом» раннего творчества поэта: в это первое отдельное издание его стихотворений оказались включены 83 текста, большая часть которых была опубликована в периодике 1818—1826 гг. (также в сборник вошла сказка «Телема и Макар»). Изданием сборника занимался ближайший друг Баратынского – А. А. Дельвиг, купивший рукопись в апреле 1826 г. [Баратынский 2002: I, 462], но сдавший ее в цензуру с некоторым промедлением – в январе 1827 г. [Летопись 1998: 188]. Известно, что первоначальное цензурирование сборника в Петербурге оказалось неудачным: хотя рукопись была одобрена, цензор П. И. Гаевский сделал пометы об исключении или перемене стихов на 35 страницах из 214 [Бодрова 2014: 176], после чего рукопись была забрана из Петербургского цензурного комитета и отдана в цензуру в Москве. Цензурное разрешение сборнику было выдано 28 марта 1827 г. цензором И. М. Снегиревым [Летопись 1998: 193]⁶², в то время как в продажу книга поступила только в конце сентября – начале октября [Там же].

Несмотря на в целом изученную историю цензурирования и дальнейшей рецепции сборника, подробно история его подготовки практически не рассматривалась. Так, в наиболее авторитетных изданиях история сборника 1827 г. описывается в связи с попыткой Баратынского напечатать свои стихотворения в 1824 г. по предложению издателей альманаха «Полярная звезда» А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева. В связи с этим исследователями неоднократно высказывалось предположение, что основная часть текстов, составляющих издание 1827 г., была подготовлена для публикации в сборнике не в 1826 г., а значительно раньше – во второй половине 1823 г. При этом «ранние» тексты, написанные до 1824 г., подверглись сильной правке для издания 1827 г., в то время как тексты, датируемые 1824-1827 гг. были изменены незначительно. Впервые сформулированная в издании 1936 г. [Баратынский 1936: I, 343], эта гипотеза была принята и в новейшем издании сочинений Баратынского: так, во вступительной статье А. М. Пескова в описании сборника 1827 г. указано, что «особенной правке подверглись

⁶² См. также о запрете Снегирева печатать в сборнике 1827 г. стихотворение «Леда» [Бодрова 2014].

стихотворения, написанные до середины 1824 г. <sic!>» (Песков 2002: 47). Это утверждение подкрепляется также и тем, что в издании используется два типа датировок, прямо исходящих из предположения о сильной правке текстов до 1824 г.: «<1823—1826> – предполагаемое время переработки стихотворений, написанных до середины 1823 г., – для издания их Рылеевым и Бестужевым (издание не состоялось) и вошедших затем в Изд. 1827; <1824—1826>, <1825—1826> – предполагаемое время переработки стихотворений, написанных в 1824 и 1825 гг. – для Изд. 1827» [Боратынский 2002: I, 10].

Несмотря на то, что вопрос о разном характере правок, внесенных в издание 1827 г., был поставлен еще в работе Г. О. Винокура, подвергнувшего критике предыдущую издательскую традицию [Винокур 1927: 102-106], полностью и систематически с текстологической точки зрения сборник практически не рассматривался. Наша гипотеза состоит в том, что степень авторской переделки не имела однозначной и прямой связи со временем появления ранних редакций, а была в значительной степени обусловлена отдельными творческими замыслами Баратынского и (в меньшей степени) литературными полемиками 1824—1825 гг.

2.1.1. Композиция сборника

Предположить, какой была авторская стратегия Баратынского при публикации сборника, позволяет – еще до обращения к текстам – само устройство его книги: сборник продолжал традицию изданий поэтов «школы гармонической точности». Первым в ряду сборников такого типа можно назвать «Опыты в стихах» Батюшкова, появившиеся в 1817 г., где, вероятно, впервые была задана трехчастная схема: «Элегии» – «Послания» – «Смесь». Структура сборника стихотворений Баратынского практически полностью повторяет эту композицию⁶³, где на первый план вынесены элегии, конструирующие авторский образ.

Композиционное решение Батюшкова⁶⁴, по-видимому, повлияло на структуру последующих поэтических сборников, в частности, второго тома третьего издания «Стихотворений» Жуковского (1824), а также первого сборника

⁶³ Замечание о том, что сборник Баратынского «унаследовал» композицию сборника Батюшкова, впервые развернуто высказано в: [Ларионова 2003].

⁶⁴ При подготовке «Опытов...» в 1816 г. Батюшков первоначально задумывал только два раздела: «Элегии» и «Смесь, романсы, послания, эпиграммы и проч.» [Батюшков 1886: 395, 400]; «Послания» оказались выделены в отдельный раздел, по-видимому, непосредственно перед изданием сборника, которым заведовал Н. И. Гнедич [см. также: Зубков 1996].

стихотворений А. Пушкина (1826). Издание стихотворений Жуковского, появившегося в 1824 г., впрочем, открывали не «Элегии», а «Послания», что, вероятно, было связано с их высокопоставленными адресатами⁶⁵, а также малым количеством элегий (4).

Но если Жуковский организовал таким образом только один из томов своего собрания, то в случае Пушкина все стихотворения располагались внутри одной книги сходно с композицией сборника Батюшкова. Впрочем, и «Стихотворения» Пушкина не воспроизводят полностью трехчастной системы «Элегии» – «Послания» – «Смесь»: последний раздел был представлен Пушкиным как два: «Разные стихотворения» и «Эпиграммы и надписи»; в сборник также были добавлены циклы «Подражания древним» и «Подражания Корану» [Ларионова 2003]. Из-за дробности разделов в сборнике Пушкина трехчастная композиция Батюшкова становится не так явно заметна и приближается к более распространенной для сборников начала XIX в. структуре, где было возможно включение большего количества жанровых разделов.

Для Баратынского оказывается очевидно важен батюшковский опыт издания сборника стихотворений, ключевым разделом для которого являются «Элегии» [Вацура 1994: 194]. В отличие от издания Пушкина, книга Баратынского также состоит из трех больших разделов: «Элегии» – «Смесь» – «Послания», где «Смесь» – как и в сборнике Батюшкова, – завершается стихотворной сказкой («Телема и Макар» – у Баратынского, «Странствователь и Домосед» – у Батюшкова). В то время как «батюшковская» линия видна отчетливо, можно поставить под вопрос влияние на книгу Баратынского неопубликованных статей Пушкина и его сборника [Ларионова 2003: 88-89]: в сборнике Пушкина «Послания» по подборке текстов оказались близки к «смеси» и не были выделены композиционно, в то время как у Баратынского раздел посланий, напротив, является финальной смысловой доминантой сборника⁶⁶ – в чем сложно видеть «ориентацию на структуру пушкинского сборника» [Там же: 89].

⁶⁵ Том открывается посланиями членам императорской семьи («Императору Александру», «Государыне Императрице Марии Федоровне», «Ея императорскому величеству государыне великой княгине Александре Федоровне»).

⁶⁶ Ср. замечание А. М. Пескова о композиции книги Баратынского: «то, что находится “в сердцевине”, отнюдь не совпадает у Баратынского с тем, что находится “по краям” <...>» [Песков 1998: 35].

Однако по сравнению со всеми упомянутыми выше собраниями стихотворений, важным приобретением сборника Баратынского является, по-видимому, ориентированное на книги французских поэтов, деление раздела «Элегии» на небольшие «книги»: в качестве примера можно назвать сборники Э. Парни и Ш. Мильвуа⁶⁷. Этот принцип предполагался еще при планировании Баратынским сборника стихотворений в 1823 г., что известно из процитированного выше письма Баратынского к Бестужеву и Рылееву. Согласно этому письму, внутри книг элегий Баратынский первоначально предполагал сюжетную или мотивную связность – согласно французской традиции, как правило, элегии составляли рассказ о развитии любовного чувства. Хотя в издании 1827 г. Баратынский по-прежнему сохраняет формальное разделение на три книги, внутри них довольно сложно заметить явную связь между текстами. Впрочем, для читателя сразу заметно тематическое разделение: в то время как в первую книгу элегий включены «исторические», «монументальные» элегии (8), то во вторую и третью – любовные (10 и 11 текстов соответственно). Характерно здесь, что тематически более «архаичные» элегии выносятся вперед, тогда как распространенные любовные элегии ставятся позади них, вероятно, в силу своего менее высокого статуса (см. Гл. 1.2).

Большое количество текстов в трех книгах элегий делает очевидной ставку Баратынского на жанр элегии. Однако здесь рождается двойственность, отчасти повлиявшая на неоднозначность оценки книги в критике: с одной стороны, репутация Баратынского-элегика сложилась еще в начале 1820-х гг., а потому сборник, открывающийся разделом «Элегии», являлся собранием уже известных публике текстов⁶⁸. С другой стороны, многие из текстов элегий оказались значительно переделаны в силу явного отхода Баратынского от жанра элегии ко времени работы над сборником.

⁶⁷ О разделении на книги элегий см.: [Флейшман 1968: 35-36, 40; Гаспаров 1989: 47]; ср. также менее обоснованное предположение о не связанных с французской традицией причинах появления книг элегий: [Фризман 1982а: 509].

⁶⁸ Нужно отметить, что в отличие от Батюшкова, который непосредственно перед выходом своего сборника добавил в него ключевые новые элегии («Умирающий Тасс» и проч.), все элегии Баратынского, вошедшие в сборник, до этого были опубликованы в периодических изданиях.

2.1.2. Редактура элегий

При анализе правки наиболее остро стоит вопрос о текстах, которые оказались значительно изменены – то есть подверглись «сильной» правке: сокращению, добавлению новых строк и значительному парафразу, где не только происходила прямая замена слов и конструкций на синонимичные, но и добавлялись новые образы и мотивы, менялся их порядок появления в тексте. При сравнении ранних редакций с редакциями 1827 г. мы старались учесть все эти изменения как комплекс: нами были подсчитаны исключенные из ранних редакций и добавленные в текст издания 1827 г. строки для каждого стихотворения, при этом абсолютные значения переводились в процентное соотношение исключенных/новых строк относительно объема каждого текста; учитывались также изменения на уровне «длины» стихотворения: вычислялся процент объема новой редакции относительно ранней редакции (в строках). Все эти метрики, в свою очередь, были основанием для решения вопроса об относительной «силе» правки. На основании анализа всех текстов, мы приняли условную границу, позволяющую указать на «сильную» правку – для текстов Баратынского, как нам кажется, это изменение более чем 10% строк ранней редакции⁶⁹. К примеру, из 10 строк ранней редакции элегии «Поцелуй» при публикации в сборнике было исключено 2 строки, 1 строка переделана (парафразирована с изменением синтаксической структуры) – такие изменения, учитывая объем стихотворения, мы признаем как «сильную» правку⁷⁰.

Для остальных текстов – где менее 10 % строк ранней редакции изменено или исключено, а синтаксическая структура при парафразе неизменна, – мы используем сочетание «стилистическая правка». Чтобы отмечать количество изменений в этих текстах, мы также вели учет «независимых вариантов» (то есть такие места, редакция которых не вызывала изменений в тексте остальном тексте – замена отдельных слов, эпитетов и т. д.) [Томашевский 1928: 90].

⁶⁹ В случаях, когда имеется несколько редакций до 1827 г., мы выбирали для подсчетов позднейшую, рассматривая, при этом, и более ранние редакции (в связи с этим см. вопрос о передатировке копии стихотворения «В альбом» («Вы слишком многими любимы...», копия из альбома А. В. Лутковской) на основании проведенного сравнения редакций этого текста).

⁷⁰ Отметим, что большинство случаев «сильного» изменения текстов не вызывает сомнений (изменяется около трети строк), и мы приводим данный пример в качестве «нижней границы».

Всего в сборник 1827 г. входит 83 текста – из них для 69⁷¹ имеются ранние редакции, содержащие разное количество разночтений. В первую очередь привлекают внимание стихотворения, претерпевшие «сильную» правку – таких текстов нами было выделено 37⁷², из которых наибольшая часть принадлежит к разделу «Элегии» (15), это следующие тексты (выделены курсивом):

<Книга первая>

«Финляндия» (1820⁷³), «Водопад» (1821), «Истина» (1823), «Могила» (1824), «Рим» (1823), «Родина» (1821), «Две доли» (1823), «Буря» (1824);

<Книга вторая>

«Разлука» (1820), «В альбом» (1819), «Лета» (1822), «Ропот» (1819), «Уныние» (1820), «Размолвка» (1823), «Бдение» (1821), «Разуверение» (1821), «Падение листьев» (1823), «Отъезд» (1821);

<Книга третья>

«Утешение» (1821), «Поцелуй» (1822), «Элизийские поля» (1825), «Делии» (1822), «Оправдание» (1824), «Догадка» (1822), «Ожидание» (1825), «Возвращение» (1822), «К...ну» (1821), «Л. П-ну» (1824), «Эпилог» (1823)

Как видно уже из этого распределения, в первой книге элегий «сильной» правке оказалось подвержено наименьшее количество текстов, что, вероятно, связано именно с тематическим распределением текстов внутри книг: «исторические» элегии, как можно предположить, требовали меньших изменений в ситуации середины 1820-х гг., нежели элегии любовные. Относительно же изменений двух «заглавных», открывающих сборник текстов укажем только на то, что для Баратынского оказывается характерно подвергать значительным

⁷¹ О текстах, вошедших в сборник без изменений, а также о впервые опубликованных стихотворениях см. ниже.

⁷² Приводим заголовки этих текстов в порядке их расположения в изд. 1827 г.: <Элегии> «Финляндия», «Водопад», «Разлука», «В альбом», «Ропот», «Уныние», «Размолвка», «Падение листьев», «Отъезд», «Утешение», «Поцелуй», «Делии», «Оправдание», «Догадка», «Эпилог»; <Смесь> «Лиде», «Девушке, имя которой было Аврора», «В альбом» («Вы слишком многими любимы...»), «Женщине пожилой, но все еще прекрасной», «Цветок», «Девушке, которая на вопрос, как ее зовут, отвечала: не знаю», «Л-ой» («Когда неопытен я был...»), «Безнадежность», «Эпиграмма» («Поэт Графов в стихах тяжеловат...»), «Эпиграмма» («В своих стихах он скукой дышит...»), «Добрый совет. К-ну» («Живи смелей, товарищ мой...»), «Стансы» («В глуши лесов счастлив один...»); <Послания> «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры», «Къ-ву», «Аглае», «Дельвигу» («Так, любезный мой Гораций...»), «К ***, при отъезде в армию», «Къ ... <Булгарину>», «Богдановичу», «Л<утковско>му», «Дельвигу» («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»), «Къ ...» («Мне с упоением заметным»).

⁷³ Здесь и далее при датировке стихотворений мы ориентируемся на дату первой публикации.

изменениям тексты, расположенные в композиционно «сильных» местах – помимо открывающих сборник элегий, значительной переделке подверглись также и тексты, стоящие на границах между разделами: это стихотворения «Эпилог» («Чувствительны мне дружеския пени...») и «Стансы» («В глуши лесов счастлив один...»)⁷⁴.

Наибольшим же изменениям в разделе «Элегии» подверглись стихотворения любовной тематики: элегии, помещенные во вторую и третью книги. Как видно, эти тексты охватывают довольно широкий период в творчестве Баратынского с 1819 по 1824 гг., однако при включении в сборник 1827 г. они все оказались подвергнуты значительным сокращениям, что, возможно, связано со стремлением Баратынского переделать наиболее клишированные и уже слишком растиражированные любовные сюжеты в элегии. Приведем общую статистику для текстов, значительно сокращенных при подготовке издания 1827 г.:

Название	Год публ. ранней ред.	Всего строк в ранней редакции	Убрано строк из ранней ред.	Всего строк в ред. изд. 1827 г.	Добавлено новых строк в ред. 1827 г.	Сальдо (строк)	Соотношение длины текста ред. изд. 1827 и ранней редакции (%)
Разлука	1821	16	12	8	4	8	50 %
Ропот	1819	24	15	14	5	10	58 %
Размолвка	1823	12	8	8	4	4	67 %
Поцелуй	1822	10	3	8	1	2	80 %
Делии	1822	40	31	32	23	8	80 %
Оправдание	1824	49	23	40	14	9	82 %
Утешение	1821	25	10	21	6	4	84 %

Таб. 8. Сокращение текстов любовных элегий

⁷⁴ Заметим, что «Стансы» были впервые напечатаны только в «Полярной звезде на 1825 год», что еще раз подтверждает гипотезу о том, что степень переделки стихотворения определялась не временем создания ранней редакции, но конкретными авторскими задачами – в данном случае, связанными со стремлением к смысловой цельности сборника.

Заметно, что в ряде элегий значительная часть текста была не только пересмотрена, но и опущена – в среднем эти стихотворения «уменьшились» где-то на треть. Эти изменения можно увидеть, посмотрев на распределение количества строк во всех ранних редакциях элегий в сравнении с поздними редакциями:

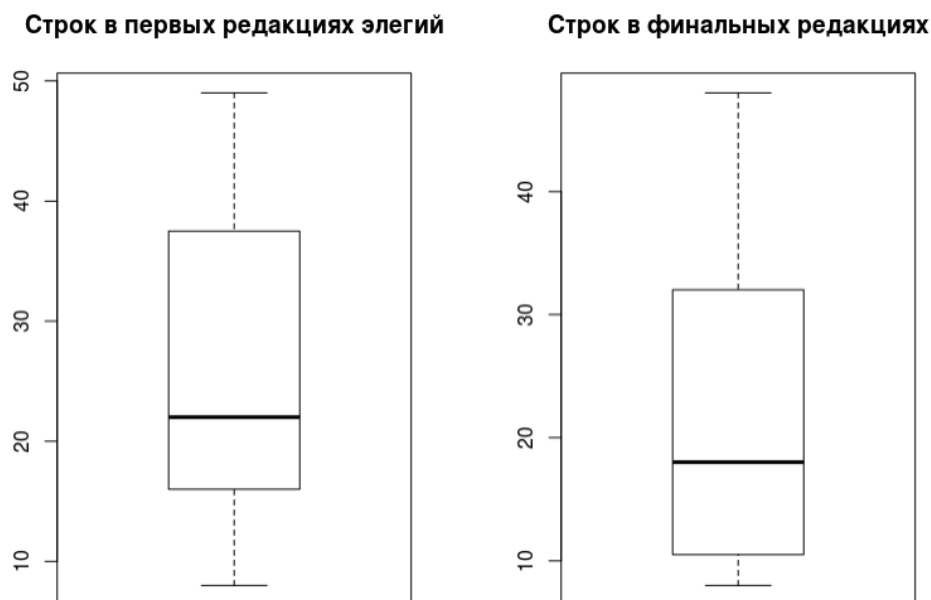

Рис. 5. Распределение количества строк в первых и финальных редакциях элегий.

Основная часть ящичковой диаграммы (прямоугольник) показывает диапазон распределения основного количества строк: от 18 до 38 строк для ранних редакций и от 10 до 32 строк для финальных редакций. Однако большее значение имеет изменение медианного значения (жирная поперечная линия): если для ранних редакций медианная длина была равна 22 строкам, то для финальных редакций 1827 г. это уже 18 строк. Таким образом, медианная длина элегии Баратынского оказывается ниже, чем в корпусе элегий (32 строки в 1827 г. и 24 – в 1828). Это может говорить не только о том, что правка Баратынского отражает общий процесс сокращения элегии, но и о том, что редакция для сборника 1827 г. специально утрировала тенденцию к уменьшению текстов⁷⁵.

⁷⁵ См. Гл. 1 настоящей работы. Ср. также подсчеты С. А. Матяш по корпусу элегий [Русская элегия 1991]: согласно подсчетам исследовательницы, в 1820-е гг. длина элегии сокращается до 31,5 строки («т.е. по сравнению с предыдущим периодом элегия стала почти вдвое короче» [Матяш 2014: 298]), в 1840-е гг. средний объем уже 22,9 строки [Там же].

Характерным примером «механики» сокращения текстов может быть правка элегии «Размолвка»:

Ранняя редакция (Новости Литературы (1823))	Изд. 1827
<p><i>Прости сказать ты поспешаешь мне — И пылкое любви твоей начало Предательски безумца обласкало. Все видел я — и видел все во сне! Ты наконец мне взоры прояснила; В душе твоей читаю я теперь; Проснулся я — и мне легко, поверь, Тебя забыть, как ты меня забыла. Кого жалеть? Печальной доля чья? 10Кто отягчен утратою прямою? — Легко решить: любимым не был я; Ты, может быть, была любима мною.</i></p> <p>[Боратынский 2002: II, 38]</p>	<p><i>Мне о любви твердила ты шутя, И холодно сознаться можешь в этом. Я исцелен; нет, нет, я не дитя! Прости, я сам теперь знаком со светом. Кого жалеть? печальной доля чья? Кто отягчен утратою прямою? Легко решить: любимым не был я; Ты, может быть, была любима мною.</i></p> <p>[Там же]</p>

Любовный сюжет, описанный в ранней редакции, в сборнике 1827 г. сводится к обозначению нескольких состояний: «твердила шутя», «холодно сознаться», «я исцелен» – а стихотворение приобретает краткость и сентенциозность, нехарактерную для любовной элегии. Такой прием сокращения оказывается в целом характерен и для других обозначенных элегий⁷⁶ – и тем самым исключается сама возможность последовательного описания развития любовного чувства, которое можно было бы ожидать от раздела «Элегии», поделенного на книги. В сборнике 1827 г. элегические сюжеты оказываются сокращены, а стихотворения намеренно располагаются не в порядке развертывания любовного чувства, а практически бессистемно – потому становится сложно говорить об элегиях второй и третьей книг как циклах, обладающих общим сюжетом.

⁷⁶ Ср. заключение Гаспарова о том, что «Ропот» и «Разуверение» в редакции 1827 г. неполностью соответствуют наиболее частотной композиционной схеме Баратынского, сокращают ее [Гаспаров 1989: 45].

Этот случай редакции любовных элегий кажется нам важным еще и потому, что он делает видимым механизм перехода от «традиционного» для первой половины 1820-х гг. жанра элегии к любовной элегии конца 1820-х гг. и далее – к «лирическому отрывку», ставшему результатом распада жанровой системы. В рассмотренном примере «слом» жанра происходит в тот момент, когда при «сворачивании» и практически исключении традиционного любовного сюжета (и связанного с ним лексического и мотивного пластов) в тексте начинает исчезать его жанровая «основа».

2.1.3. Изменения жанровой системы Баратынского после «отказа» от элегии

Характерное для редакции текстов любовных элегий сокращение элегических сюжетов заметно и на примере правки стихотворений за пределами второй и третьей книг элегий. Так, к примеру, исключается ряд фрагментов унылой элегии из «Финляндии»:

Ранняя редакция (Соревнователь Просвещения и Благотворения (1820))	Изд. 1827.
<...> Скалы далекие подернулись туманом; В зеркале зыбких вод глядится черной лес!.. 15 Все тихо! все молчит! и бледный свод небес Слился с безбрежным Океаном! <i>Здесь все беседует с унынием моим — И роци шум глухой и волн неясный лепет, Как будто бы знаком, как будто внятн им</i> 20 <i>Младого сердца томный трепет.</i> Здесь освежаемый прохладной тишиной Природы дремлющей, под кровом ночи звездной, <i>Люблю сидеть один над сумрачною бездной,</i>	<...> 10 Тамь, необъятными водами, Слилося море с небесами; Тут с каменной горы, к нему дремучий бор Сошел тяжелыми стопами, Сошел — и смотрится в зеркале гладких вод! Уж поздно, день погас; но ясен неба свод, На скалы Финские без мрака ночь нисходить И только что себе в убор Алмазных звезд ненужный хор На небосклон она выводить! 20 Такъ вот отечество Одиновых детей, Грозы народов отдаленных! Так это колыбель их беспокойных дней,

<p><i>Молчать — и в даль лететь душой...</i> <i>Здесь в думу важную невольно</i> <i>погруженной,</i> Люблю вспоминать о сильных прежних дней, О бурной жизни их, средь копий, средь мечей, Безумствам громким посвященной.</p> <p><...></p> <p>[Боратынский 2002: I, 142]</p>	<p>Разбоям громким посвященных!</p> <p><...></p> <p>[Там же: 140]</p>
--	---

Уже по этому отрывку заметно, что весь фрагмент, принадлежащий лирическому герою (равно герою «унылой элегии»), оказывается полностью опущен в новой редакции – «Финляндия» в издании 1827 г. становится более однородной стилистически «исторической» элегией, где лирический герой отчетливо обретает голос только в финале текста.

Исключение элегических мотивов заметно также и в переработке Баратынским «крупных» текстов – поэм и посланий. Хотя в сборник 1827 г. не были включены поэмы Баратынского, характерная стратегия исключения «элегических» фрагментов заметна на примере правки поэмы «Пирь», впервые опубликованной в 1821 г., а затем переделанной и переизданной в 1826 г. Укажем на ряд фрагментов, где наиболее заметна эта редакторская стратегия:

Ранняя редакция (Соревнователь Просвещения и Благотворения (1821))	Изд. 1826
<p>¹¹⁵ Сверкали блески острых слов, <i>Воображенье позлащало</i> <i>Судьбу неведомых годов:</i> <i>Игрушки тешили певцов,</i> И веки сердце проживало.</p> <p>¹²⁰ Пусть не роскошен был прибор, <i>Пусть не богаты брашны были:</i> <i>Всё приправлял веселый вздор, —</i></p>	<p>Сверкали блески острых слов, И веки сердце проживало В немного пламенных часов. Стол покрывала ткань простая; Не восхищались на нем <i>Мы ни фарфорами Китая,</i> <i>Ни драгоценным хрусталем:</i> <i>В стекло простое бог похмелья</i></p>

<p><i>И сладко ели мы и пили.</i> <i>Поверхность шаткого стола,</i> 125 <i>Благословенного забавой,</i> <i>В большие праздники была</i> <i>Прикрыта скатертью дыравой;</i> <i>И между тем, друзья мои,</i> <i>В простые чаши бог похмелья</i> 130 <i>Роскошно лил сынам веселья</i> Свое любимое Аи. <...> Насилу, милые друзья, Делить восторг беседы шумной Тогда осмеливался я. <i>Потупя сумрачные взоры,</i> 150 <i>В печали робкой и немой,</i> <i>Не слушал радостные хоры,</i> <i>Не трогал чаши круговой.</i> «Что потакать мечте унылой, — Кричали вы, — смелее пей <...> 195 <i>И с ними шумно пировали.</i> <i>Уж в мире нет отцов моих;</i> <i>Безмолвен терем опустелый;</i> <i>В тени прохладной лип густых</i> <i>Таится ряд могил немых;</i> 200 <i>Там скрыт их пепел охладельй,</i> <i>Дом счастья мрачен и угрюм:</i> <i>Но что к унынью нас принудит?</i> <i>Пиров бывалых новый шум</i> <i>В нем голос радости пробудит!</i> 205 <i>Очаровательный певец</i> Под мирный кров домашней сени <...> [Баратынский 1936: 27-29]</p>	<p><i>Лил через край, друзья мои,</i> Свое любимое Аи. <...> Насилу, милые друзья, Делить восторг беседы шумной Тогда осмеливался я. Что потакать мечте унылой, Кричали вы, смелее пей! <...> <...> Любили пламенно друзей И с ними шумно пировали... <i>Мы, те же сердцем в век иной,</i> <i>Сберемтесь дружеской толпой</i> Под мирный кров домашней сени <...> [Баратынский 1826: 51-56]</p>
--	---

Несмотря на иную жанровую природу текста, редактора «Пиров» для издания 1826 г. согласовалось с тенденцией сокращения текста в элегиях: такая правка сделала вторую редакцию «Пиров» более короткой и жанрово однородной, нежели при первой публикации в 1821 г.⁷⁷ Осторожно предположим, что с этими изменениями отчасти может быть связано и появление в редакции 1826 г. жанрового заголовка «описательная поэма».

В связи с приведенными примерами, интересно, что редакторская стратегия Баратынского при редактировании «Посланий» в целом не сводится к сокращению текстов, как это было с элегиями: в ходе правки Баратынский не уменьшал объема стихотворений, а скорее тематически упорядочивал тексты⁷⁸.

Сопоставление текстов элегий, вошедших в сборник 1827 г., с их более ранними журнальными редакциями позволяет предполагать, что для самого Баратынского при подготовке сборника оказывается принципиальным исключение элегических мотивов и клише из своих ранних текстов. Это, впрочем, сочетается с тем, что большинство текстов все еще отсылает к жанрам, характерным для раннего периода творчества Баратынского (элегии и послания), а также в целом к наследованию традиции «батьковской» модели издания, литературная позиция и настроение которого задаются разделом «элегии». «Элегичность» сборника, заложенная в самой его конструкции, вступает в противоречие с явной попыткой Баратынского переработать собственные элегии и избавиться от элегических штампов в текстах других жанров. При текстологическом анализе становится возможным заметить, как внутри жанровой системы Баратынского «расшатывается» и исчезает поначалу важнейший для поэта жанр элегии – процесс, как кажется, мотивированный конкретными полемикой против элегии в критике⁷⁹, но, в то же время, отражающий и общие тенденции в развитии элегий в середине 1820-х гг., такие как сокращение объема текстов и повышенное внимание именно к любовной элегии, более актуальной чем другие ее подвиды в середине – конце 1820-х гг.

⁷⁷ Отметим, что такая стратегия правки не будет использоваться при подготовке поэмы для издания 1835 г.

⁷⁸ См. подробнее [Мартыненко 2017].

⁷⁹ Прежде всего мы имеем в виду известную статью Кюхельбекера и полемику, развернувшуюся вокруг нее. О позиции Баратынского относительно критики элегии см., например: [Мордовченко 1959: 220; Фризмэн 1973: 61-76; Вацура 2004: 18; Хитрова 2005: 71-72].

2.1.4. «Стилистическая правка» в сборнике 1827 г.

Для описания внутренней эволюции жанровой системы Баратынского, впрочем, оказываются важны не только очевидные случаи «сильной» правки и исключения фрагментов, но и «мелкая», «стилистическая» правка, под которой мы понимаем главным образом замену независимых вариантов. Вопреки устоявшемуся мнению⁸⁰ о том, что для Баратынского крайне характерно постоянно редактировать собственные тексты (в том числе уже не единожды напечатанные), как мы постараемся показать далее, количество правок в действительности прямо оказывается связано с «важностью» текста для Баратынского. Случай сборника 1827 г. представляется исключительным еще и потому, что для этого издания Баратынский внес наибольшее количество исправлений – в том числе, казалось бы, незначительных, «стилистических».

Укажем, однако, сначала на те тексты, которые не претерпели изменений при публикации в сборнике или не имели ранних редакций. Так, среди 83 стихотворений в издании 1827 г. появилось только семь до этого не опубликованных текстов – среди них 4 эпиграммы и 3 альбомных стихотворения, которые помещены в раздел «Смесь»⁸¹. В число этих впервые опубликованных текстов входят как стихотворения, которые принято датировать 1819—1820 гг. (это стихотворения «Случай» и «Товарищам», которые предположительно датируются биографически – по времени общения Баратынского с П. Л. Яковлевым – и «поэтологически» – по общности с поэтикой эпикурейских стихотворений Баратынского начала 1820-х гг.), так и тексты 1822—1823 гг. которые соотносятся с полемикой Баратынского с журналом «Благонамеренный» – это эпиграммы «Везде бранит поэт Клеон...» и «Идиллик новый на искус...». Можно предполагать, что впервые опубликованные в издании 1827 г. тексты оказались очень близки уже известным читателю небольшим стихотворениям, помещенным в раздел «Смесь» и потому не играли важной роли в композиции сборника.

⁸⁰ См. об этом: [Гофман 1915: XII, 280; Баратынский 1936: 350]; утверждение о том, что Баратынский постоянно правил все свои тексты было поддержано и следующими исследователями.

⁸¹ Это стихотворения: Случай («Вчера ненастливая ночь...») <1819–1821>, Товарищам («Так! отставного шалуна!..») <1820–1821>, Эпиграмма («Везде бранит поэт Клеон...») <осень 1822—1823>, Эпиграмма («Идиллик новый на искус...») <осень 1822—1823>, Эпиграмма («Свои стишки Тошев пиит...») <конец 1824—начало 1825>, В альбом («Когда б избрать возможно было мне...») <до 1827>, Эпиграмма («Как сладить с глупостью глупца?...») <до марта 1827>.

Наряду со впервые опубликованными текстами, отдельную группу представляют стихотворения, помещенные в сборник 1827 г. без изменений по сравнению с более ранними публикациями. Таких стихотворений также семь: два из них входят в раздел «Элегии» – это стихотворения «Лета» (1823) и «Возвращение» (1822), а пять других стихотворений помещены в «Смеси» («А. А. Воейковой» (1824), «Надпись» (1824), «Песня» (1824—1825), «К Амуру» (1826) и «Наяда» (1826)). Уже на этом этапе заметно, что среди стихотворений, вовсе не подвергшихся правке, можно найти не только стихотворения второй половины 1824 – 1826 гг., но и более ранние тексты, датируемые по публикациям в периодике 1822 – первой половиной 1823 г. Важно и то, что эти тексты – «Лета» и «Возвращение», – в отличие от остальных пяти, включены не в раздел «Смесь», а в «Элегии» – раздел, который формировался с особой тщательностью⁸².

Из остальных 69 стихотворений, для которых имеются более ранние редакции с разночтениями, «стилистической» правке оказались подвергнуты 32 текста. В отличие от правки элегий, замена независимых вариантов, как кажется, не следует каким-то общим тенденциям, однако и здесь нужно отметить, что замена отдельных слов и словосочетаний характерна как для ранних (до середины 1823 г.), так и для более поздних стихотворений, что еще раз опровергает гипотезу о «масштабной» правке ранних текстов и «невмешательстве» в поздние.

При последовательном рассмотрении правок можно также обозначить ряд текстов, для которых известны две ранние редакции, последовательно отображающие изменения в тексте – например, в элегии «Разуверение», строка 11 в редакции 1821 г. читается «Воображения больного», в редакции 1822 г. – изменена на «И, друг заботливый, больного», а в сборнике 1827 г. изменяется эпитет – «Друг попечительный, больного» [см.: Боратынский 2002: I, 236].

Интересно, что при сопоставлении трех редакций стихотворения «В Альбом» («Вы слишком многими любимы...») ближе к тексту, помещенному в издание 1827 г., оказывается редакция, которую принято считать более ранней и датировать 1820 г. (Боратынский 2002: I, 207-208). Так, редакция 1821 г. находит сильные разночтения с текстом 1827 г. в строках 2—3 и 6—7, а также два небольших разночтения в строках 9 и 10. При этом копия из альбома А. В. Лутковской, не имеющая точной датировки, но которую принято датировать

⁸² Осторожно предположим, что отсутствие правки в этом случае может быть связано с переводным характером этих элегий.

1820 г., не имеет разночтений в строке 6, а в строке 7 по сравнению с текстом 1827 г. выражение «как знать» оказывается заменено на «Бог весть». То же относится к разночтениям в строках 9 и 10: словоформы «Почли» и «об» оказываются заменены соответственно на «почел» и «о», что сохранено также в редакции 1827 г. Также, как кажется, более близкой к редакции 1827 г. оказывается вторая строка:

«Соревнователь» (1821)	Альбом Лутковской	Изд. 1827
<p>Вы слишком многими любимы: Знать наизусть их имена</p> <p>Чрез чур обязанность трудна — Сии листки необходимы! Они не нужны были встарь: <i>6 В тот грубый век, в тот век холодной</i> <i>7 Не знали дружбы новомодной;</i> Сердечной Адрес-календарь Почли бы выдумкой негодной. <i>10 Что толковать об старине!</i> <...> (Боратынский 2002: I, 207)</p>	<p>Вы слишком многими любимы: <i>Всех невозможно помнить</i> вам. Я справедливость им отдам: Сии листки необходимы. Они не нужны были встарь; <i>6 Тогда не знали дружбы модной;</i> <i>7 Тогда, как знать?</i> иной дикарь Сердечный адрес-календарь Почел бы выдумкой негодной. <i>10 Что толковать о старине?</i> <...> (Там же: I, 206)</p>	<p>Вы слишком многими любимы, Чтобы возможно было вам Знать, <i>помнить всех</i> по именам; Сии листки необходимы; Они не нужны были встарь; <i>6 Тогда не знали дружбы модной,</i> <i>7 Тогда, Бог весть!</i> иной дикарь Сердечный адрес-календарь Почел-бы выдумкой негодной, <i>10 Что толковать о старине!</i> <...> (Там же)</p>

Все эти факты дают основания для пересмотра датировки в альбоме Лутковской, то есть относительной и абсолютной датировок двух ранних редакций стихотворения.

Сопоставление ранних редакций с редакциями, вошедшими в сборник 1827 г. оказывается важным источником для анализа авторской стратегии Баратынского в его работе с жанрами в конце 1820-х гг. — как мы попытались

показать на примере элегии. Однако и «стилистические» изменения, затронувшие большую часть текстов в сборнике, кажутся необходимыми для учета и интерпретации. Помимо частных выводов для интерпретации изменений в каждом из стихотворений, нам кажется необходимым подчеркнуть саму масштабность и планомерность правок, проделанных Баратынским при подготовке издания 1827 г., где «сильным» или «стилистическим» правкам подверглись практически все тексты (69 из 83). Это, как нам кажется, подтверждает гипотезу о том, что сборник 1827 г. – это не попытка Баратынского издать итоговую книгу известных публике текстов, но опыт их изменения соответственно своей литературной позиции второй половины 1820-х гг. Однако вследствие в целом сдержанной реакции на выход сборника, можно предполагать, что внесенные правки не только не имели успеха у критики и публики, но и вовсе не были ею замечены.

Сборник Баратынского 1827 г. можно рассматривать как пример своего рода попытки «реанимации» сборника, устроенного по жанровому принципу, а постигшая его неудача – очередной сигнал распада жанровой системы в конце 1820-х гг. Наиболее заметные изменения происходят вследствие правки любовных элегий: сокращения текстов привели к потере сюжетности и связности внутри «книг элегий», а сами жанровые характеристики текстов утратились, сделав элегию похожей скорее на «лирический фрагмент».

Попытка реактуализации жанра видна и в посланиях – они выдвинуты в конец сборника, объединены общей тематикой и даже расставлены, по-видимому, в соответствии с некоторым сюжетно-полюсическим замыслом. То, что два главных, выделенных в сборнике жанровых раздела оказываются не способны полностью передать авторский замысел, как кажется, подтверждается и тем, что очень небольшое количество впервые публикуемых стихотворений Баратынский помещает не в «Элегии» или «Послания» – а в раздел «Смесь».

Именно жанрово немаркированные тексты «Смеси» оказываются наиболее характерны для поэтической системы Баратынского второй половины 1820-х гг. Благодаря текстологическому анализу становится заметно, что постепенное расшатывание жанровой системы отражается в устройстве и композиции переделанных для сборника текстов, в то же время жанр «Смеси» постепенно побеждает более архаичные и не поддающиеся переделке послания и элегии. Этот процесс завершится в следующем сборнике стихотворений Баратынского,

появившемся в 1835 г. Лишенный жанрового принципа, сборник 1835 г. уже и будет образован по принципу раздела «Смесь».

2.2. Собрание сочинений Баратынского 1835 г.

История подготовки собрания сочинений Баратынского, вышедшего в 1835 г. изучена достаточно подробно: известны как обстоятельства прохождения через цензуру [Оксман 1922], так и некоторые этапы подготовки сборника [Фризман 1982а: 519-521; Светлов 1984; Зарецкий, Песков 2002]. Подготовка книги началась в конце 1832 г., когда при содействии Пушкина была заключена сделка с книгопродавцем А. Ф. Смирдиным. Уже в марте 1833 г. было получено цензурное разрешение для первой – стихотворной – части собрания. После этого соглашение со Смирдиным, по-видимому, было расторгнуто, а рукопись была отправлена московскому книгопродавцу А. С. Ширяеву (обстоятельства перепродажи прав на издание остаются неизвестными⁸³). Во второй половине 1833 г. активность работы Баратынского над изданием значительно снизилась, в первую очередь, в связи с долгой поездкой в Тамбовское имение, откуда Баратынские вернулись только в марте 1834 г. [Летопись 1998: 304, 309]. Вторая часть собрания была закончена только к концу 1834 г., а в продажу издание поступило лишь в конце апреля 1835 (!) г. Невьясненными остаются также мотивы снятия Баратынским «эпиграфа» (неизвестного) и «посвящения» (стихотворения «Вот верный список впечатлений...»), которые должны были открывать сборник⁸⁴ [Летопись 1998: 321]. Отметим также и то, что если подготовка сборника началась в период деятельного участия Баратынского в московской литературной жизни, то после 1832 г. его активность резко снизилась: в 1833 г. Баратынский напечатал только 2 стихотворения в «Новоселье», в 1834 г. – ни одного. Низкая публикационная

⁸³ Предположение А. П. Светлова об «обоюдном согласии» Смирдина и Ширяева кажется нам недостаточно аргументированным [Светлов 1984].

⁸⁴ Предположение И. Булкиной о том, что «музыкальный эпиграф» может быть связан с характеристикой поэзии Баратынского, данной Киреевским («разногласия <в поэзии Баратынского> являются диссонансом разрешающимся в гармонию» [Европеец 1989: 210]), не может предлагать какого-либо действительного ответа на вопрос о том, что именно подразумевалось под «музыкальным эпиграфом»: разрешение диссонанса в гармонию – это наиболее общий и базовый принцип в музыкальной теории, способный описать практически любое явление в музыке; именно поэтому, на наш взгляд, Киреевский лишь метафорически переносит известное правило разрешения в гармонию из области музыки в область поэзии, в чем сложно увидеть отсылку к конкретному тексту [ср.: Булкина 2010].

активность была связана с практически полным отчуждением Баратынского от московских и петербургских литературных кругов и частыми разъездами. Это, по-видимому, также повлияло и на устройство сборника 1835 г. и его позднее появление у книгопродавцев.

Влияние настолько затянувшейся подготовки собрания на литературную репутацию Баратынского было подробно прослежено в работе А. С. Бодровой, указавшей на то, что поздняя публикация «итогового» собрания стихотворений в 1835 г. сделала совершенно незаметными для современников новые стихотворения Баратынского, написанные в середине 1830-х гг. [Бодрова 2017]. Отсутствие какой-либо реакции на новые стихотворения, включенные в сборник, объясняются не только поздним временем появления в печати, но и самой структурой и композицией издания.

2.2.1. Композиция стихотворной части издания

В то время как первый сборник стихотворений 1827 г. содержал три жанровых раздела, в издании 1835 г. Баратынский полностью отказался от этого принципа, при этом, и не подчинив свое собрание какой-либо другой очевидной логике. Так, например, во втором издании стихотворений Пушкина, вышедшем в 1829 г., взамен жанрового был избран хронологический принцип расположения стихотворений. Другие издания 1830-х г. сохраняли либо жанровый принцип построения, либо были организованы на основании тематической и мотивной близости текстов (в этом случае зачастую выстраиваясь вокруг фигуры лирического героя / автора)⁸⁵.

Сборник Баратынского, однако, был вовсе лишен какого-либо видимого связующего композиционного принципа: на первый взгляд, стихотворения расположены совершенно «случайно» и «бессистемно». Как правило, в таком расположении текстов принято видеть «список впечатлений» ума и сердца, прямо обозначенный в предполагавшемся «посвящении» к сборнику [Песков 2002: 57-58]. Однако нельзя полностью отказаться от попытки увидеть в этой «случайной» композиции авторский замысел: здесь нельзя не принять во внимание как описанную выше долгую работу над изданием, так и то, что его открывают и завершают неслучайные, знаковые тексты, а один из «сильных» текстов – элегия

⁸⁵ См. краткий обзор: Булкина 2010

«Запустение», написанная, по-видимому, незадолго до выхода сборника, намеренно была вставлена Баратынским в середину книги [Летопись 1998: 322].

Всего в первую часть сборника входит 131 стихотворение, большая часть из них лишена заголовков, хотя они почти всегда имелись при журнальных публикациях этих текстов, датировки также отсутствуют. Стихотворения даны под сплошной нумерацией, при этом часто тематически и мотивно они не совпадают и даже контрастируют друг с другом. По своей структуре и составу сборник явно является «экспериментом» Баратынского, его попыткой сделать «современный» началу 1830-х гг. сборник, который, впрочем, оказывается явно связан с «Стихотворениями» Баратынского 1827 г.

Влияние издания 1827 г. можно увидеть, в первую очередь, на уровне композиции: несмотря на то, что в основной части сборник устроен по «случайному», хаотическому принципу, где вне хронологии смешиваются тексты разной тематики, начало сборника, как кажется, все же следует за устройством первой части сборника 1827 г., куда вошли «исторические», «монументальные» элегии:

Сборник 1827 г.	Сборник 1835 г.
<p>Элегии.</p> <p>Книга первая:</p> <p>1. Финляндия</p> <p>2. Водопад («Шуми, шуми с крутой вершины...»)</p> <p>3. Истина («О счастье с младенчества тоскуя...»)</p> <p>4. Могила («Усопший брат! кто сон твой возмутил?...»)</p> <p>5. Рим («Ты был-ли, гордый Рим...»)</p> <p>6. Родина («Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»)</p> <p>7. Две доли («Дало две доли Провиденье...»)</p> <p>8. Буря («Завыла буря; хлябь морская...»)</p> <p>Книга вторая:</p>	<p>1. Финляндия</p> <p>2. «Порою ласковую Фею...»</p> <p>3. <Буря> «Завыла буря; хлябь морская»</p> <p>4. <Рим></p> <p>5. <Истина></p> <p>6. «Наслаждайтесь, все проходит...»</p> <p>7. Лета («Душ холодных упованье...»)</p> <p>8. <Разлука> «Расстались мы; на миг очарованьем...»</p> <p>9. Песня («Страшно воеет, завывает...»)</p> <p>10. «Приманкой ласковых речей...»</p> <p>11. Падение листьев</p> <p>12. «Любви приметы...»</p> <p>13. «Зачем, о Деляя! сердца младья ты...»</p>

<p>9. Разлука («Расстались мы; на миг очарованьем...»)</p> <p>10. В альбом («Тебе на память в книге сей...»)</p> <p>11. Лета (подраж. Мильвуа) («Душ холодных упованье...»)</p>	
---	--

В то же время не может не вызвать удивления и появление стихотворения «Песня» («Страшно воеет, завывает...») открывающего небольшой блок⁸⁶ стихотворений (выделен курсивом), связанных с Софьей Дмитриевной Пономаревой – в сходном контексте это стихотворение появилось и в сборнике 1827 г. Это, впрочем, все равно не может служить окончательным доказательством посвящения этого текста Пономаревой [ср.: Шеля 2018: 68-69]. Привлекает внимание и изменение заголовка для этого стихотворения: как при первой журнальной публикации, так и в сборнике 1827 г., текст озаглавлен как «*Русская песня*». Снятие определения в этом случае, вероятно, связано как с выступлениями Н. Полевого против «литературных аристократов» в начале 1830-х гг., так и с ростом популярности и частотности жанра «русской песни» в этот период в целом. В то же время, вероятно, для сохранения жанровой принадлежности и отсылки к возможному источнику – романсу Шорона [Там же: 70-73], – заголовок «Песня» не снимается Баратынским полностью.

Уже этот пример обращает внимание и на то, что не все заголовки ранних редакций были исключены при публикации текстов в издании 1835 г. При том, что 87 заголовков ранних редакций были сняты, а 16 текстов были впервые опубликованы без заголовков – 28 стихотворений (21%) в сборнике имеют заголовок: эти случаи, как правило, остаются без интерпретации [ср.: Фризман 1982б: 567]. Чаще всего заголовок является указанием на адресата *послания* («Дельвигу», «Авроре Ш...», «Д. Давыдову», «Богдановичу» и т.д.). Также заголовок сохранялся в случае переводного характера текста («Лета» (подражание Мильвуа), «Из А. Шенье», «Подражание Лафару», «Падение листьев»). Здесь нужно заметить и в целом тенденцию к «неизменению» ряда переводных, текстов-

⁸⁶ Ср. также попытку Л. Г. Фризмана разделить сборник 1835 г. на тематические блоки, выделенные, однако, с большой долей допущений и оговорок: [Фризман 1982а: 528-531].

«подражаний»: их Баратынский практически не редактирует ни для издания 1827 г., ни для собрания 1835 г.

Кроме того, сохраняются в сборнике и некоторые «значимые» заголовки, как правило, более поздних стихотворений: кроме открывающей сборник «Финляндии», это «Череп», «Мадона», «Последняя смерть» и некоторые другие. В начале 1830-х гг. эти тексты, по-видимому, оказываются наиболее важными для Баратынского – на это указывает количество внесенных в них правок.

2.2.2. Сильная правка «поздних» текстов конца 1820-х гг.

В отличие от случая с редактурой для издания 1827 г., в собрании 1835 г. значительной правке оказалось подвергнуто очень небольшое количество текстов – их всего 16. Характерно, что это в основном «поздние» тексты «философской» тематики. Так, сильной правке подверглось стихотворение «Смерть» («Тебя из тьмы не изведу я...»), впервые опубликованное в 1829 г. в «Московском вестнике»:

Ред. 1829	Ред. изд. 1835 г.
<p>Смерть</p> <p><i>О смерть! твое именованье</i> <i>Нам в суеверную боязнь:</i> <i>Ты в нашей мысли тьмы созданье,</i> <i>Паденьем вызванная казнь!</i> <i>Непонимаемая светом,</i> <i>Рисуешься в его глазах</i> <i>Ты отвратительным скелетом</i> <i>С косою уродливой в руках.</i> Ты дочь верховнаго Эфира; ¹⁰ Ты светозарная краса: В руке твоей олива мира, А не губящая коса. Когда возникнул мир цветущий Из равновесья диких сил, В твое хранение Всемогущий Его устройство поручил.</p>	<p><i>Тебя из тьмы не изведу я,</i> <i>О смерть! и детскою мечтой</i> <i>Гробовый стан тебе даруя,</i> <i>Не ополчу тебя косою.</i> Ты дочь верховнаго Эфира, Ты светозарная краса: В руке твоей олива мира, А не губящая коса. Когда возникнул мир цветущий ¹⁰Из равновесья диких сил, В твое хранение Всемогущий Его устройство поручил. И ты летаешь над твореньем</p>

<p>И ты летаешь над созданием Забвенья бед везде лия, И прохлаждающим дыханьем ²⁰ Смирять буйство бытия. Ты Фивских братьев примирила; Ты, в неумеренной крови Безумной Федры, погасила Огонь мучительной любви. Ты предстаешь, святая дева! И с остывающих ланит Бегут мгновенно пятна гнева, Жар любострастия бежит. И краски жизни беспокойной ³⁰ С их невоздержной пестротой, Вдруг заменяются пристойной, Однообразной белизной. Дружится кроткою тобою Людей недружная судьба: Ласкаешь тою же рукою Ты властелина и раба. Недоуменье, принужденье, Условье смутных наших дней: Ты всех загадок разрешенье, ⁴⁰ Ты разрешенье всех цепей.</p> <p>[Боратынский 2002: II, 208-209]</p>	<p><i>Согласье прям его лия</i> И в нем, прохладным дуновеньем, Смирять буйство бытия. Ты укрощаешь восстающий В безумной силе ураган, Ты, на берега свои бегущий, ²⁰ Вспять поворачиваешь Океан. Даешь пределы ты растенью, Чтоб не покрыл безмерный лес Земли губительною тенью, Злак не восстал-бы до небес. А человек! святая дева! Перед тобой, с его ланит Мгновенно сходят пятна гнева, Жар любострастия бежит. Дружится праведной тобою ³⁰ Людей недружная судьба: Ласкаешь тою-же рукою Ты властелина и раба. Недоуменье, принужденье Условье смутных наших дней: Ты всех загадок разрешенье, Ты разрешенье всех цепей.</p> <p>[Там же: 207-208]</p>
---	---

Как видно, фрагмент, первоначально наполненный отсылками к греческой мифологии (ст. 22-32), заменен на более «приземленные», «рациональные» метафоры. Изменяется и зачин стихотворения, от более традиционного изображения смерти – к более нетривиальному (как образно, так и синтаксически). В этом, вероятно, можно видеть процесс перехода Баратынского от условно «ранней» «элегической» поэтики – к «поздней» поэтике «Сумерек».

Как кажется, неслучайно и то, что наиболее обширные изменения касаются «философских» стихотворений Баратынского – это «Смерть» (1829), «Череп» (1824), «Муза» («Не ослеплен я музою моею...», 1829), «Стансы» («Судьбой

наложенный цепи...», 1828), послание «Подражателям» (1830) и другие⁸⁷ – в этом случае действительно становится возможным выделить эти тексты как «важную» группу: как кажется, сильная редакция этих стихотворений была попыткой Баратынского переформулировать и точнее выразить свою литературную позицию в наиболее значимых для этого периода текстах.

Однако обратимся к еще одному стихотворению, значительно измененному в сравнении с журнальной редакцией 1824 г. и не вошедшему в сборник 1827 г. – это элегия «Признание» («Притворной нежности не требуй от меня...»).

Редакция 1824 г.	Изд. 1835 г.
<...>	<...>
<i>Спокойна будь: я не пленен другою; Душой моей досель владела ты одна; Но тенью легкою прошла моя весна: Под бременем заботь я изнемог душою, Утихло волнение страстей,</i>	<i>Я не пленен красавицей другою, 10 Мечты ревнивые от сердца удали; Но годы долгие в разлуке протекли, Но в бурях жизненных развлекся я душою. Уж ты жила неверной тенью в ней;</i>
<...>	<...>
<i>Вновь не забудусь я! Изменой за измену Мстит оскорбленная любовь. 20 Предательства верней узнав науку, Служа приличию, Фортуне иль судьбе, Подругу некогда я выберу себе, И без любви решусь отдать ей руку. В сияющий и полный ликом храм, Обычаю бесчувственно послушной, Введу ее, и деве простодушной Я клятву жалкую во мнимой страсти дам... И весть к тебе придет; но не завидуй нам;</i>	<i>Но я любить не буду вновь; Вновь не забудусь я: вполне упоевает 20 Нас только первая любовь. Грущу я; но и грусть минует, знаменуя Судьбины полную победу надо мной: Кто знает? мнением солюся я с толпой; Подругу, без любви, кто знает? изберу я. На брак обдуманый я руку ей подам И в храме стану рядом с нею Невинной, преданной быть может лучшим снам,</i>

⁸⁷ Помимо обозначенных выше, сильным изменениям подверглись следующие стихотворения (в скобках указываем порядковый номер в сборнике): (18) «Когда б избрать возможно было мне...», (28) «И так, мой милый, не шутя...», (30) <«Дорога жизни»> «В дорогу жизни снаряжая...», (33) «Г<неди>чу», (39) «Когда печалью вдохновенный...», (52) «По замечанью моему...», (76) <«Булгарину»> «Приятель строкой, ты не прав...», (94) «Авроре Ш...», (115) «К. А. Свербеевой», (116) <«Бесенок»> «Слыхал я, добрые друзья...», (123) «Как ревностно ты сам себя дурачишь». Отметим, что помимо «крупных», «программных» текстов, значительной переделке подвергаются эпиграммы: они приобретают более сложную строфическую структуру и часто теряют финальный эпиграмматический пуант – тем самым, приближаясь к жанру фрагмента.

<p><...> Мы не сердца <i>Гимена</i> связью холодной — Мы жребий свой один соединим. Прости, забудь меня; мы вместе шли <i>дольше</i>; Путь новый избрал я, путь новый избери, Печаль бесплодную рассудком умири, <i>Как я, безропотно покорствуя судьбине.</i> Не властны мы в самих себе, И с лишком ветренно в молодые наши леты Даем <i>не скромные</i> обеты, ⁴⁰ Смешные, может быть, всевидящей судьбе!</p> <p>[Боратынский 2002: II, 63-64]</p>	<p><i>И назову ее моею,</i> <...> Мы не сердца <i>под брачными венцами</i>, Мы жребии свои соединим. Прощай. <i>Мы долго шли дорогою одною</i>: Путь новый я избрал, путь новый избери; Печаль бесплодную рассудком умири <i>И не вступай, молю, в напрасный суд со</i> <i>мною.</i> Невластны мы в самих себе, И, в молодые наши леты, ⁴⁰ Даем поспешные обеты, Смешные может быть всевидящей судьбе.</p> <p>[Там же: 62-63]</p>
--	--

При правке этого текста Баратынский не только последовательно избавился от элегических клише – в отличие от стратегии «сокращения» элегий для издания 1827 г. – здесь сохранен полный сюжет элегии: от описания угасания любовного чувства до предположения о будущем браке без любви. Финал стихотворения оказывается характерной «рациональной» развязкой-разоблачением, не свойственной «ранним» элегиям Баратынского и отчетливо выделяющейся в стихотворениях рубежа 1820-х – 1830-х гг. (ср. стихотворения «Фея» (1829), «В дни безграничных увлечений...» (1831)). Осторожно предположим, что такая концовка, не свойственная элегиям Баратынского 1819–1823 гг., могла быть одной из причин, почему этот текст не вошел в раздел «элегии» в сборнике 1827 г.⁸⁸ Тип правки, а также и само устройство стихотворения оказываются характерны для поэтики Баратынского рубежа 1820—1830-х гг., а этот текст как бы отражает общий путь «усложнения» элегических мотивов и включения их в «философский» план стихотворений Баратынского.

⁸⁸ Ср. сходное указание на нехарактерную для издания 1827 г. композицию «Признания» как причину того, что стихотворение не было включено в сборник: [Гаспаров 1989: 58].

2.2.3. Подготовка «ранних» текстов для сборника 1835 г.

Описанный случай редактур элегий «Признание», однако, является скорее исключением из общей стратегии правки для издания 1835 г., где «сильной» редактуре подверглось лишь небольшое количество текстов, чаще всего, не относящихся прямо к жанру элегии. Значения элегии как «конструирующего» сборник жанра очевидно исчезает к 1835 г., а редактур стихотворений, явно относящихся к этому жанру, прекращается. В то время как редактур элегий для сборника 1827 г. была совершена в контексте отхода от этого жанра и под влиянием полемик об элегии в критике, в сборнике уже 1835 г. *ни один* из текстов элегий не был изменен: все элегии даются в последних редакциях сборника 1827 г. Это явно указывает не только на то, что к концу 1820-х гг. Баратынский окончательно отошел от жанра элегии, но и на то, что какие-либо преобразования, редактур элегических текстов уже не были актуальны.

Здесь показателен случай неудачной попытки Баратынского вновь написать элегию в начале 1830-х гг. Сохранился черновой автограф незаконченного текста, отчетливо варьирующего элегические формулы – по положению в рукописной тетради и водяному знаку на листе этот текст может быть датирован 1832 г. [Баратынский 2002: II, 320]. По одному из предположений [Летопись 1998: 302] это стихотворение является попыткой переработать популярную элегию «Разуверение» (вперв. опубл. 1821) – в сборник 1835 г. была включена ее ранняя редакция. Независимо от того, действительно ли черновой набросок задумывался как новая редакция «Разуверения», этот черновой текст 1832 г. позволяет полагать, что попытка Баратынского написать любовную элегию в начале 1830-х гг. была неудачной.

Изд. 1835 г.	Черновой набросок (Автограф: ПД. Ф. 33. Оп. 1. No 46. Л. 3 об.)
Разуверение Не искушай меня без нужды Возвратом нежности твоей: Разочарованному чужды Все обольщенья прежних дней!	Не растравляй моей души Воспоминанием былого; Уж я привык грустить в тиши, Не знаю чувства я другого.

<p>Уж я не верю увереньям, Уж я не верую в любовь, И не могу предаться вновь Раз изменившим сновиденьям! Слепой тоски моей не множь, Не заводи о прежнем слова, И друг заботливый, больного В его дремоте не тревожь! Я сплю, мне сладко усыпленье: Забудь бывалые мечты: В душе моей одно волненье, А не любовь пробудишь ты.</p> <p>[Баратынский 2002: I, 236]</p>	<p>Во цвете самых пылких лет Все испытать душа успела И на челе печали след Судьбы рука запечатлела.</p> <p>[Баратынский 2002: II, 320]</p>
---	--

Нужно заметить, однако, что не только элегии, бывшие уже, по-видимому, «неподвижным» жанром, оказались не подвергнуты редактуре. Так, большую часть сборника – 53 (из 131) стихотворения – составили помещенные без изменений тексты, вошедшие до этого в сборник 1827 г. То есть основная часть текстов оказалась не подвергнута даже минимальной, казалось бы, характерной для Баратынского стилистической правке: осторожно предположим, что помимо жанровых особенностей текстов, это может объясняться попыткой издания «полного» собрания стихотворений, представляющего разные этапы «лирической автобиографии» поэта.

Вторая часть издания 1835 г. представляет собой собрание ранее изданных Баратынским поэм. Их подготовка для сборника, по-видимому, была более интенсивной, нежели редактуре стихотворений, на что указывает большое количество правок. Заметим, однако, что стратегия правки поэм для издания 1835 г. не напоминает характерное для элегий исключение фрагментов (в качестве редких исключений можно указать лишь на исключение строк 381-388 из первой редакции «Эды» («Я без надежд, без утешений / С тоски моей уму легко...» [Баратынский 1936: 305-310]) и строк 296-300 из поэмы «Цыганка» («...Где вероятно встреча с тою, / К которой пламенной мечтою / Он непрестанно улетал» [Там же: 318-322])). Исключение объемного фрагмента с признанием Владимира в любви к Эде (ст. 538-583 ранней редакции), вероятно, также может напоминать характерное

«сворачивание» элегического сюжета, сокращенного с 45 до 9 строк. В то же время, в новой редакции вовсе отсутствует утверждение о том, что Владимир любит Эду и раскаивается, а потому это изменение оказывается важным для сюжета – исключается также фрагмент первой редакции с возвращением Владимира (ст. 653-671). Таким образом, редактура объясняется в первую очередь работой Баратынского над сюжетом и портретами героев: в исключении фрагмента об истинных чувствах Владимира нельзя не заметить попытки избавления от героя «онегинского» типа и связанных с ним сюжетных ходов. Такой тип правки, сильно направленной не столько на стиль, но на сюжет поэмы, характерен также и для редакции «Цыганки» (ср., например, исключение всех фрагментов и действий, связанных с Черномором).

Можно полагать, что масштабная правка поэм для издания 1835 г. оказывается еще одним доказательством нового подхода Баратынского к редактуре текстов разных жанров для сборника 1835 г. Если в сборник 1827 г. вошли только 7 новых текстов Баратынского, а все остальные подверглись масштабной правке, то для сборника 1835 г. даже «стилистическая» правка оказывается не характерна, изменениям же оказались подвергнуты в основном «поздние» тексты. В то же время, именно новые тексты конца 1820-х – начала 1830-х гг. составляют бóльшую часть сборника 1835 г. Хотя принято считать, что постоянная редактура текстов свойственна для всех периодов творчества Баратынского, для сборника 1835 г. это не так – к примеру, никаких изменений не происходит с текстами элегий и посланий – жанров, как мы можем увидеть, переставших существовать в «чистом» виде к началу 1830-х гг. С другой стороны, как «мелкие», так и существенные редакторские вмешательства Баратынского при подготовке «новых» текстов для сборника 1835 г., позволяют указать на характерные процессы в эволюции жанровой системы и поэтики Баратынского на рубеже 1820-1830-х гг.

2.3. Жанровая система Баратынского и трансформация элегии на рубеже 1820-х – 1830-х гг.

Разрушение жанровых разделов, заметное при текстологическом рассмотрении в сборнике 1827 г., ставит вопрос о том, как результат жанрового «распада» повлиял на жанровую систему Баратынского. Так, известно, что в начале

1830-х гг. Баратынский активно экспериментирует с новыми жанрами (например, впервые пишет драму), а также признает старые жанровые системы и образцы устаревшими⁸⁹. Примечательно в связи с этим высказывание Баратынского относительно Гнедича, высказанное в письме Киреевскому в середине 1831 г.:

Я любил его, и это чувство еще не остыло. Может быть, теперь я нашел бы в нем кое-что смешное: что за дело! приятно взглянуть на колокольню села, в котором родился, хотя она уже не покажется такою высокою, как казалась в детстве (Летопись 1998: 258)

В это же время, Баратынский обсуждает с Киреевским создание «новой поэзии» (Там же: 298), время которой, по его словам, еще не настало. Из переписки с Киреевским становится заметно, что на короткий промежуток времени со второй половины 1831 до середины 1832 гг. Баратынский возвращается к работе над лирическими стихотворениями и пытается «изобрести» новые жанры поэзии. Один из них кратко упомянут как «басня нового мира»:

Что ты говоришь о *басне нового мира* — мне кажется очень справедливым. Я не знаю человека богаче тебя истинно критическими мыслями. Я написал всего одну пьесу в этом роде и потому не могу присвоить себе чести, которую ты приписываешь. Изобретение этого рода будет нам принадлежать вдвоем, ибо замечание твое меня поразило, и я непременно постараюсь написать десятка два подобных *эпиграмм*. Писать их не трудно, но трудно находить мысли, достойные выражения.

[Там же: 294]

Сохранившиеся письма не позволяют предположить, какое конкретно стихотворение могло быть названо «басней нового мира», однако из приведенного фрагмента возможно предположить, что речь идет о «мелких» жанрах поэзии. В связи с этим примечательно, что если в начале 1820-х гг. стихотворения Баратынского часто обладают жанровыми заголовками, то на рубеже 1820-х – 1830-х гг. жанровые дефиниции практически полностью пропадают (наряду с тем, как упраздняются и заголовки стихотворений в издании 1835 г.). Классификация

⁸⁹ См., например, его высказывания о романах: [Летопись 1998: 257].

текстов после утраты жанровых определений, впрочем, может быть основана на относительном размере текста. Так, первую группу образуют «крупные» тексты, которые можно условно назвать «философскими» стихотворениями и которые связаны с устойчивой в творчестве Баратынского монументальной элегией; вторая группа – небольшие тексты (условно – «фрагменты»), вероятно, генетически восходящие к «легкой поэзии» и, в частности, эпиграмме⁹⁰, но развившие более сложную строфическую структуру и потерявшие направленность на конкретного адресата и эпиграмматический пуант.

Учитывая такую условную группировку текстов, а также имевшиеся для ранних текстов жанровые заголовки, мы попробовали построить модель, отражающую жанровые изменения между двумя периодами творчества Баратынского (до 1827 г. и после). Модель учитывает количество стихотворений в каждом периоде и количество стихотворений внутри каждого жанра, а затем составляет пропорцию, где стихотворения будут распределены равномерно (т. е., округляя, как если бы автор писал равную долю стихотворений во всех жанрах на протяжении всего творческого пути). Покажем данные, которые были вычислены моделью:

Жанр / Период	Ожидаемое количество текстов		Действительное количество	
	1 (1819-1827)	2 (1828-1835)	1 (1819-1827)	2 (1828-1835)
Альбомные стихотворения	11	6	10	7
Элегии	27	14	38	3
Эпиграммы	15	7	14	8
Послания	18	9	21	6
Фрагменты	9	5	1	13
Мадригалы	5	3	8	0
«Философские» стихотворения	6	3	1	8

⁹⁰ О жанровом сходстве между элегиями и мадригалами/эпиграммами Баратынского см.: [Гаспаров 1989: 61]. Ср. также рассуждение Флейшмана о фрагментарности элегий Баратынского и стремлении их к эпиграмме: [Флейшман 1968: 38-39].

Другое	15	7	14	8
--------	----	---	----	---

Таб. 9. Распределение стихотворений по жанрам и периодам

Видно, что для количества альбомных стихотворений (первая строка модели) ожидаемое количество примерно совпадает с реальными данными. Однако для элегий заметно обратное: в первый период количество элегий намного выше ожидаемого, в то время как во втором периоде они практически отсутствуют. Также из модели заметно преобладание в первый период посланий и мадригалов (этот жанр вовсе исчезнет из репертуара Баратынского после 1827 г.). Для второго периода оказываются характерны две группы, выделенные нами условно – это «фрагменты» (третья строка модели снизу) и «философские» стихотворения (первая строка снизу), практически отсутствовавшие в творчестве Баратынского в начале 1820-х гг.

Таким образом, жанровая система Баратынского на протяжении 1820-х – первой половины 1835-х гг. претерпевает значительные изменения, которые можно проследить, опираясь на текстологический анализ и количественные данные. Они позволяют установить, как именно происходит «мутация» и угасание наиболее популярного жанра 1820-х гг. – элегии, – в творчестве Баратынского и какие жанровые образования появляются после распада жанровой системы на рубеже 1820-х – 1830-х гг. Эти данные могут быть дополнительными аргументами при описании изменений, произошедшим с «Элегиями» на протяжении 1820-х – начала 1830-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Текстологический анализ сборников Баратынского 1827 и 1835 г. отражает значительные изменения в жанровой системе, произошедшие на протяжении 1820-х – первой половины 1830-х гг. Наиболее значительные деформации претерпевает жанр элегии: если в 1820-х гг. этот жанр преобладает в творчестве Баратынского и становится важной частью его литературной репутации, то уже к середине 1820-х гг. Баратынский «отказывается» от элегии и пытается переделать элегические тексты для сборника 1827 г. Редактура элегий оказывается в значительной степени связана с сокращением этих текстов и «сворачиванием» элегического сюжета. Текстологический анализ сборника 1835 г., как кажется, подтверждает нашу гипотезу о том, что значительное сокращение именно и только элегий было связано не с общим стремлением Баратынского к сжатости, а со своего рода «мутацией» жанра элегии, не происходящей, например, с посланиями.

Уменьшение объема элегий, заметное из сравнения ранних редакций элегий Баратынского с редакциями 1827 г., более явно подтверждается на материале корпуса элегий: эта тенденция к «краткости» кажется нам важной особенностью развития жанра в 1820-х гг. Важно, что имеющиеся редакции элегий Баратынского дают представление о «механизме», который мог повлиять на сокращение любовных элегий: поначалу развернутый любовный сюжет элегии, подробно описывающий чувства героев, к концу 1820-х гг. превратился в несколько сентенций, тем самым приближая любовную элегию к «фрагменту».

Другая важная черта правки Баратынского – сильные изменения формы именно любовных элегий, – также находит параллель с данными, полученными из исследования корпуса элегий. Так, широкое распространение среди «Элегий» стихотворений именно любовной тематики приходится на середину – конец 1820-х гг. По-видимому, Баратынский попытался изменить свои тексты в силу «растиражированности» любовных элегий, в то время как, например, менее популярные в это время «исторические» элегии потребовали меньшего редакторского вмешательства. Попытка изменения любовных элегий привела к потере их жанровой основы и, следовательно, повлияла на постепенное разрушение жанра, видимое в том числе и из уменьшения количества текстов, названных «Элегия» в начале 1830-х гг. Полное отсутствие интереса к любовной элегии к

середине 1830-х гг. заметно и из отсутствия правок к этим текстам при подготовке сборника Баратынского 1835 г. Этот сюжет развития коснулся, впрочем, только любовной элегии. Так, в 1835 г. Баратынский опубликовал «Запустение» – крупный текст, представляющий собой переработку уже не любовной, а скорее «монументальной» элегии. Характерно, что ряд похожих попыток «реабилитации» элегии в крупной форме можно видеть и из материалов корпуса: это, например, элегии П. А. Катенина и В. Г. Теплякова.

Совмещение текстологического анализа и количественного исследования элегий Баратынского, таким образом, объясняет ряд характерных особенностей в жанре элегии в целом, намеченных в ходе корпусного анализа. Кажется важным, однако, что в данном случае исследование индивидуального творческого пути является лишь способом детализации и непродуктивно без сравнения с общим контекстом развития жанра. Анализ корпуса элегий позволяет подойти к описанию формальных и тематических изменений, произошедших с элегией конца 1810-х – начала 1830-х гг., таких как сокращение объема текстов, тематический сдвиг в сторону любовной темы и переход от шестистопного и вольного ямба к четырехстопному. Эти общие тенденции, ярко проявившиеся к концу 1820-х гг., как кажется, связаны с расшатыванием жанровых границ и формы элегии, а также с постепенным распадом жанровой системы в поэзии в целом.

Создание жанрово однородных корпусов представляется нам важным способом изучения особенностей жанров и их развития: так, формальные характеристики, известные из исследования корпуса элегий, могут быть использованы для последующей классификации текстов без жанровых заголовков. Вместе с тем, расширение хронологических рамок корпуса элегий позволило бы полноценно исследовать историю жанра с момента его «зарождения» с опорой на количественные данные. Находящийся в фокусе рассмотрения период конца 1820-х – начала 1830-х гг., однако, кажется не менее важным с точки зрения количественных подходов: именно точные данные смогут привести к новым выводам о процессах, которые происходили с жанровой системой в этот период и в результате послужили причиной не только к распадению этой системы, но и к последующей потере поэзией главенствующей роли в литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники⁹¹:

1. Баратынский 1826: *Баратынский Е. А.* Эда, финляндская повесть, и Пирь, описательная поэма, Евгения Баратынского. СПб., 1826.
2. Баратынский 1936: *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Ред., коммент. и биогр. ст. Е. Купреяновой, И. Медведевой; Вступ. ст. Д. Мирского. Л., 1936 (Библиотека поэта).
3. Батюшков 1886: *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 3 т. / Со ст. о жизни и соч. К. Н. Батюшкова, написанной Л. Н. Майковым, и примеч., составленными им же и В. И. Саитовым. Т. 3. СПб., 1886.
4. Боратынский 2002: *Боратынский Е. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т.1. Т. 2. Ч. 1. М., 2002.
5. Европеец 1989: Европеец. Журнал И. В. Киреевского. М., 1989.
6. Летопись 1998: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. М., 1998.
7. Летопись 1999: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999.
8. Пушкин: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 16 т. М.; Л., 1937-1959.
9. Пушкин 2007: *Пушкин А. С.* Сочинения / Комментированное издание под ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1. М., 2007.
10. Русская элегия 1991: Русская элегия XVIII - начала XX века / Вступ. ст., сост., подгот., Л. Г. Фризмана. Л., 1991 (Библиотека поэта).

Исследования:

11. Аверинцев 1986: *Аверинцев С. С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986, с. 104-116.
12. Аверинцев и др. 1994: *Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В.* Категории поэтики в смене литературных эпох

⁹¹ Источники, которые использовались в ходе подготовки корпуса элегий, указаны отдельно в Приложении 2.

- // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. М., 1994. С. 3-38.
13. Альми 1961: *Альми И. М.* Элегия Е. А. Баратынского 1819—1824 годов. (К вопросу об эволюции жанра) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. 1961. Т. 219. С. 23-50.
 14. Альтшуллер, Мартынов 1976: *Альтшуллер М., Мартынов И.* «Звучайщий стих свободы ради...»: Очерки о читателях декабристской поры. М., 1976.
 15. Бодрова 2010: *Бодрова А. С.* Поздняя лирика Е. А. Баратынского: источниковедческий и текстологический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
 16. Бодрова 2014: *Бодрова А. С.* Об еще одной "французской шалости" Баратынского: к истории стихотворения "Леда" // Лотмановский сборник. Вып. 4. М., 2014. С. 166-179.
 17. Бодрова 2017: *Бодрова А. С.* Несвоевременный сборник: «Стихотворения» 1835 г. в литературной карьере Баратынского // Летняя школа по русской литературе. 2018 (в печати).
 18. Бочаров 1986: *Бочаров С. Г.* «Обречен борьбе верховной...» // Контекст: Литературно-теоретические исследования. 1986. Т. 1984. С. 96-143.
 19. Булкина 2010: *Булкина И.* Заметки о поэтике Баратынского // Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2010. С. 251-272.
 20. Вацуро 1994: *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
 21. Вацуро 1989: *Вацуро В. Э.* Французская элегия XVIII – XIX веков и русская лирика пушкинской поры // Французская элегия XVIII – XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 27—48.
 22. Вацуро 2004: *Вацуро В. Э.* Избранные труды. М., 2004.
 23. Винокур 1927: *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. М., 1927.
 24. Вроон 2009: *Вроон Р.* «Оды торжественные» и «Елегии любовные»: история создания, композиция сборников // Александр Сумароков. Оды торжественные. Елегии Любовные / Изд. подг. Р. Вроон. М., 2009. С. 387–468.
 25. Гаспаров 1974: *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974.

26. Гаспаров 1989: *Гаспаров М. Л.* Три типа русской романтической элегии (индивидуальный стиль в жанровом стиле) // Контекст - 1988. М., 1989. С. 39-63.
27. Гаспаров 2000: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 2000.
28. Гинзбург 1972: *Гинзбург Л. Я.* Русская поэзия 1820-1830-х годов // Поэты 1820-1830-х годов: В 2 т. Л., 1972. Т.1. С. 5-66.
29. Гинзбург 1974: *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Л., 1974.
30. Гинзбург 2007: *Гинзбург Л. Я.* Работы довоенного времени. СПб., 2007.
31. Готовцева 2011: 53. Готовцева А. г. Публицистика К. Ф. Рылеева в историко-политическом контексте 1820-х гг. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2011.
32. Гофман 1915: *Гофман М. Л.* Работа Боратынского над стихотворениями // Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. СПб., 1915. С. 279-295.
33. Гуковский 2001: *Гуковский Г. А.* Элегия в XVIII веке // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 72- 116.
34. Зарецкий, Песков 2002: *Зарецкий А. Р., Песков А. М.* История подготовки стихотворений Баратынского для изданий 1827, 1835 и 1842 г. // Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. М., 2002. С. 461-466.
35. Зубков 1996: *Зубков Н. Н.* Поэзия К. Н. Батюшкова: Эволюция поэтической системы и ее прижизненные книжные манифестации. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
36. Зырянов 2003: *Зырянов О.В.* Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург, 2003.
37. Ларионова 2003: *Ларионова Е. О.* Прижизненные сборники Боратынского (К вопросу об эволюции жанровой системы поэта) // К 200-летию Е. А. Боратынского. Сборник материалов международной научной конференции, состоявшейся 6 – 9 июня 2000 г. (Тамбов – Мара). Тамбов, 2003. С. 87-91.
38. Ложкова 2005: *Ложкова Т. А.* Система жанров в лирике декабристов. Екатеринбург, 2005.
39. Ляшевская, Шаров 2009: *Ляшевская О. Н, Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка. М., 2009. <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (21.05.19)

40. Маслов 1912: *Маслов. В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912.
41. Мартыненко 2017: *Мартыненко А. И.* Жанровые традиции и авторская прагматика: Раздел послания в структуре сборника Е. Баратынского 1827 г. // Летняя школа по русской литературе. 2017. Ч. 13. № 1. С. 12-25.
42. Матяш 2012: *Матяш С. А.* Особенности стихотворной формы русской элегии в рецепции пародистов // Вестник ОГУ. 2012. № 11 (147). С. 21-27.
43. Матяш 2014: *Матяш С. А.* История жанра русской элегии через призму стихотворного переноса // Нарративные традиции славянских литератур: от средневековья к новому времени : материалы Всерос. науч. конф., к юбилею чл.-кор. РАН Е. К. Ромодановской, Новосибирск. Новосибирск, 2014. С. 295-301.
44. Матяш, Чекакина 2011: *Матяш С. А., Чекакина Н. А.* Стихотворные переносы в лирике Е. А. Баратынского в контексте пушкинской традиции // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2011. № 11 (130). С. 20-25.
45. Медведева, Купреянова 1936: *Медведева И., Купреянова Е.* Комментарии // Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 1. Л., 1936. С. 337—359.
46. Мильчина: *Мильчина В. А.* Французская элегия конца XVIII – первой четверти XIX века // Французская элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры: Сборник. М., 1989. С. 8-26.
47. Мордовченко 1959 – *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
48. Немзер 1991: *Немзер А. С.* «Не в людском шуме пророк...». О русской поэзии 1826—1836 гг // Русская поэзия. 1826—1836. М., 1991. С. 3-15.
49. Нугуманова и др. 2016: Нугуманова А. Б., Бессмертный И. А., Пещина П., Байбурин Е. М. Обогащение модели Bag-of-words семантическими связями для повышения качества классификации текстов предметной области // Программные продукты и системы. 2016. № 2 (114). С. 89-99.
50. Оксман 1922: *Оксман Ю. Г.* Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре // Литературный Музеум (Цензурные материалы Иго отд. IV секции Государственного Архивного Фонда). Пг., 1922. Т. 1. С. 13-17.
51. Пеньковский 2005: *Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря: опыт филологической герменевтики. М., 2005.

52. Песков 2002: *Песков А. М. Е. А. Боратынский. Очерк жизни и творчества* // Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. М., 2002. Т. 1. С. 22-70.
53. Пильщиков 1994а: *Пильщиков И.А. «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»*: Боратынский и Тибулл // Известия академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1994. Т. 53. № 2. С. 29-47.
54. Пильщиков 1994б: *Пильщиков И. А. О «французской шалости» Боратынского* // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, I. (Новая серия). Тарту, 1994. С. 85-111.
55. Пильщиков 2002: *Пильщиков И. А. Финские элегии Боратынского: Материалы для академического комментария* // К 200-летию Боратынского: Сборник материалов международной научной конференции, состоявшейся 21-23 февраля 2000 г. (Москва — Мураново). М., 2002. С. 69-91.
56. Пильщиков 2007а: *Пильщиков И. А. Проблема межъязыковой интертекстуальности: на материале классической элегии: диссертация ... доктора филологических наук*. М., 2007.
57. Пильщиков 2007б: *Пильщиков И. А. Из наблюдений над генезисом и поэтикой элегий Боратынского* // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 3. С. 57-64.
58. Проскурин 1999: *Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест*. М., 1999.
59. Рудакова 2013: *Рудакова С. В. Сборник стихотворений 1827 г. Е. А. Боратынского в литературном процессе первой трети XIX века* // Ученые записки Казанского Университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 2. С. 121-132.
60. Светлов 1984: *Светлов А. П. Об уникальном экземпляре «Стихотворений» Е. А. Боратынского 1833 г.* // Книга: Исследования и материалы. Сб. 49. М., 1984. С. 121-129.
61. Семенко 1970: *Семенко И. М. Поэты пушкинской поры*. М., 1970.
62. Топоров 1981: *Топоров В. Н. «Сельское кладбище» Жуковского: к истокам русской поэзии* // Russian Literature. 1981. X. P. 207-286.
63. Томашевский 1928: *Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии*. [М., Л.:] Прибой, 1928.

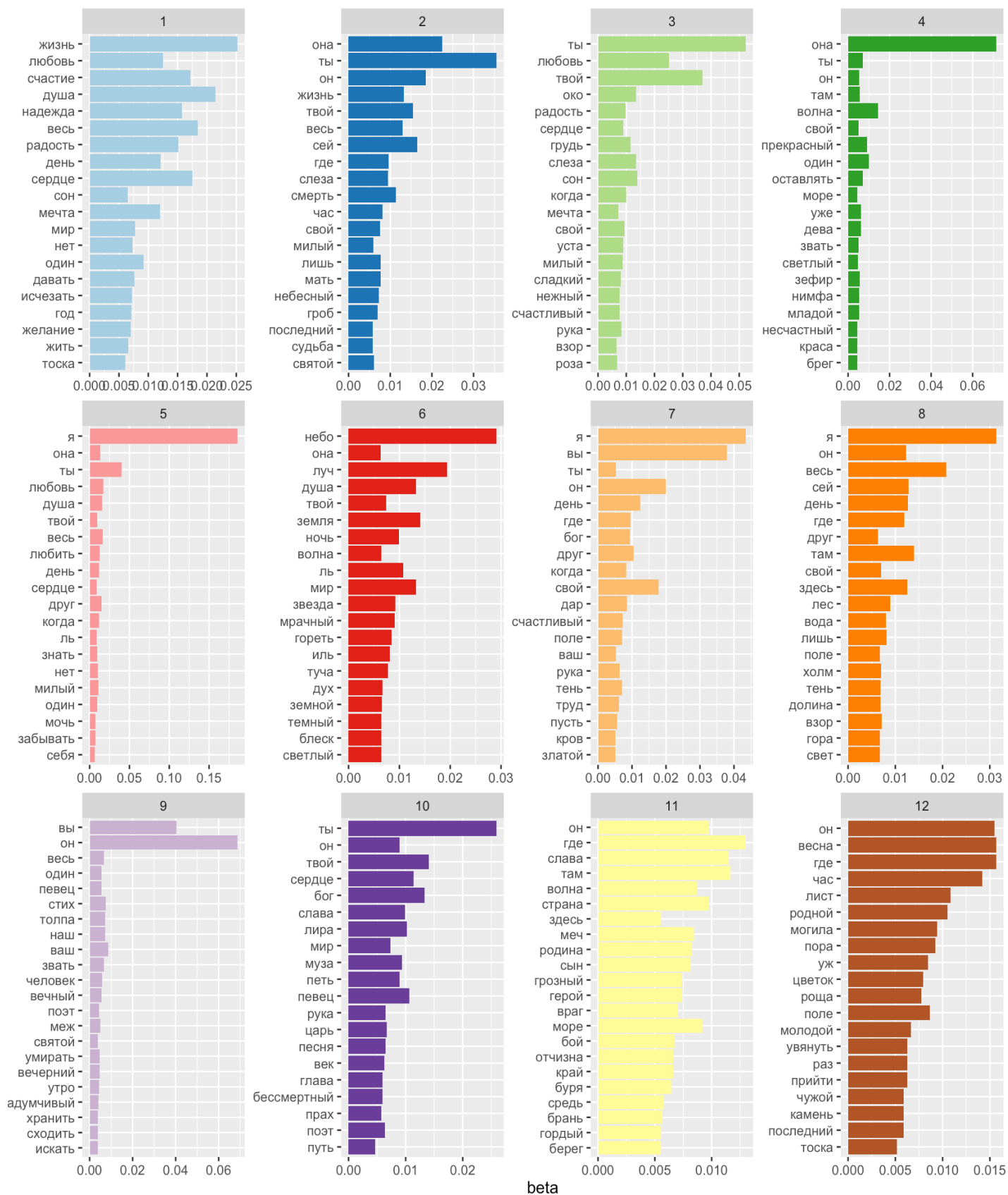
64. Томашевский 1934: *Томашевский Б. В.* Тетрадь Всеволожского // Литературное Наследство. Т. 16—18. М., 1934. С. 825—842.
65. Тынянов 1977: *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
66. Федотова 2018: *Федотова А. К.* Русская любовная элегия 1730-1770-х годов: диссертация ... кандидата филологических наук. СПб., 2018.
67. Флейшман 1968: *Флейшман Л. С.* Из истории элегии в пушкинскую эпоху // Пушкинский сборник (Ученые записки Латвийского государственного университета). 1968. Т. 106. С. 24-53.
68. Фризман 1973: *Фризман Л. Г.* Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., 1973.
69. Фризман 1982а: *Фризман Л. Г.* Поэт и его книги // Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 514-557.
70. Фризман 1982б: *Фризман Л. Г.* Проблемы текстологии Баратынского // Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 558-572.
71. Хитрова 2005: *Хитрова Д. М.* Литературная позиция Е.А. Баратынского 1820–первой половины 1830-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
72. Шапир 1994: *Шапир М. И.* Гексаметр и пентаметр в поэзии Катенина (О формально-семантической деривации стихотворенных размеров) // *Philologica*. 1994. Vol. 1. № 1/2. P. 42-114.
73. Шахвердов 1979: *Шахвердов С. А.* Метрика и строфика Е. А. Баратынского // Русское стихосложение XIX в. М., 1979. С. 278—328.
74. Шеля 2018: *Шеля А.* «Русская песня» в литературе 1800-1840-х гг. Тарту, 2018.
75. Beissner 1965: *Beissner F.* Geschichte der deutschen Elegie. Berlin, 1965.
76. Blei et al. 2003: *Blei David M., Andrew Y. Ng, Michael I. Jordan.* Latent Dirichlet Allocation // *Journal of Machine Learning Research*. 2003. 3. P. 993-1022.
77. Blei 2012: *Blei David M.* Probabilistic Topic Models // *Communications of the ACM*. 2012. Vol. 55. № 4. P. 77-84.
78. Blevins 2010: *Blevins C.* Topic Modeling Martha Ballard's Diary. Cameron Blevins' Blog: <http://www.cameronblevins.org/posts/topic-modeling-martha-ballards-diary/> (20.05.2019).
79. Brady 2006: *Brady A.* English Funeral Elegy in the seventeenth century: Laws in Mourning. Hampshire, New York, 2006.

80. Dion 2014: *Dion N.* Généalogie de l'élegie française : des traités de poésie aux œuvres élégiaques (XVI-XVIIIe siècles) // L'Académie Montesquieu. <https://www.academie-montesquieu.fr/wp-content/uploads/2014/06/Pr%C3%A9sentationAMNicholasDion.pdf> (10.05.2019).
81. Ellis 1981: *Ellis J.M.* The Classical German Elegy, 1795-1950 [Review] // *Modern Language Quarterly*. 1981. 42 (3). P. 306-309.
82. George, Casella 1992: *George Edward I., Casella G.* Explaining the gibbs sampler // *The American Statistician*. 1992. 46 (3). P. 167-174.
83. Grün, Hornik 2011: *Grün B., Hornik K.* topicmodels: An R Package for Fitting Topic Models // *Journal of Statistical Software*. 2011. Vol 40. P. 1-30.
84. Jockers, Mimno 2013: *Jockers M.L., Mimno D.* Significant themes in 19th-century literature // *Poetics*. 2013. 41. P. 750-769.
85. Kahn 2013: *Kahn A.* Russian elegists and Latin lovers in the long eighteenth century // *The Cambridge Companion to Latin Love Elegy* / Ed. by Thea S.Thorsen. Cambridge University Press, 2013. P. 336-347.
86. Kroneberg 1972: *Kroneberg B.* Studien zur Geschichte der russischen klassizistischen Elegie. Wiesbaden, 1972.
87. Monroe et al. 2009: *Monroe B.L., Colaresi M.P., Quinn K.M.* Fightin' Words: Lexical Feature Selection and Evaluation for Identifying the Content of Political Conflict // *Political Analysis*. 2008. 16. P. 372-403.
88. Navarro-Colorado 2018: *Navaroo-Colorado B.* On Poetic Topic Modeling: Extracting Themes and Motifs From a Corpus of Spanish Poetry // *Frontiers in Digital Humanities*. 2018. Vol. 5. <https://www.frontiersin.org/article/10.3389/fdigh.2018.00015> (22.05.2019).
89. Parker 2012: *Parker H.N.* Renaissance Latin Elegy // *A Companion to Roman Love Elegy* / Ed. by Barbara K. Gold. Wiley-Blackwell, 2012. P. 476-490.
90. Pigman 1985: *Pigman G.W.* Grief and English Renaissance Elegy. London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1985.
91. Sacks 1987: *Sacks P. M.* The English Elegy. Baltimore, London, 1987.
92. Segalovich 2003: *Segalovich I.* A Fast Morphological Algorithm with Unknown Word Guessing Induced by a Dictionary for a Web Search Engine // *Proceedings of the International Conference on Machine Learning; Models, Technologies and*

Applications. MLMTA'03, June 23 - 26, 2003, Las Vegas, Nevada, USA.
[Conference paper].

93. Schnoebelen 2019: *Schnoebelen T.* I dare say you will never use tf-idf again // Medium. 2019. Apr 10. <https://medium.com/@TSchnoebelen/i-dare-say-you-will-never-use-tf-idf-again-4918408b2310> (20.05.2019).
94. Schöch 2017: *Schöch, Ch.* Topic Modeling Genre: An Exploration of French Classical and Enlightenment Drama // Digital Humanities Quartely, 2017. Vol. 11, Num. 2.
95. Shelya, Sobchuk 2017: *Shelya A., Sobchuk O.* The shortest species: how the length of Russian poetry changed (1750-1921) // Studia Metrica et Poetica. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 66-84.
96. Thorsen 2013: *Thorsen T. S.* Latin Love Elegy // The Cambridge Companion to Latin Love Elegy / Ed. by Thea S.Thorsen. Cambridge University Press, 2013. P. 1-22.
97. West 1974: *West M. L.* Studies in Greek Elegy and Iambus. Berlin, New York, 1974.

Приложение 1

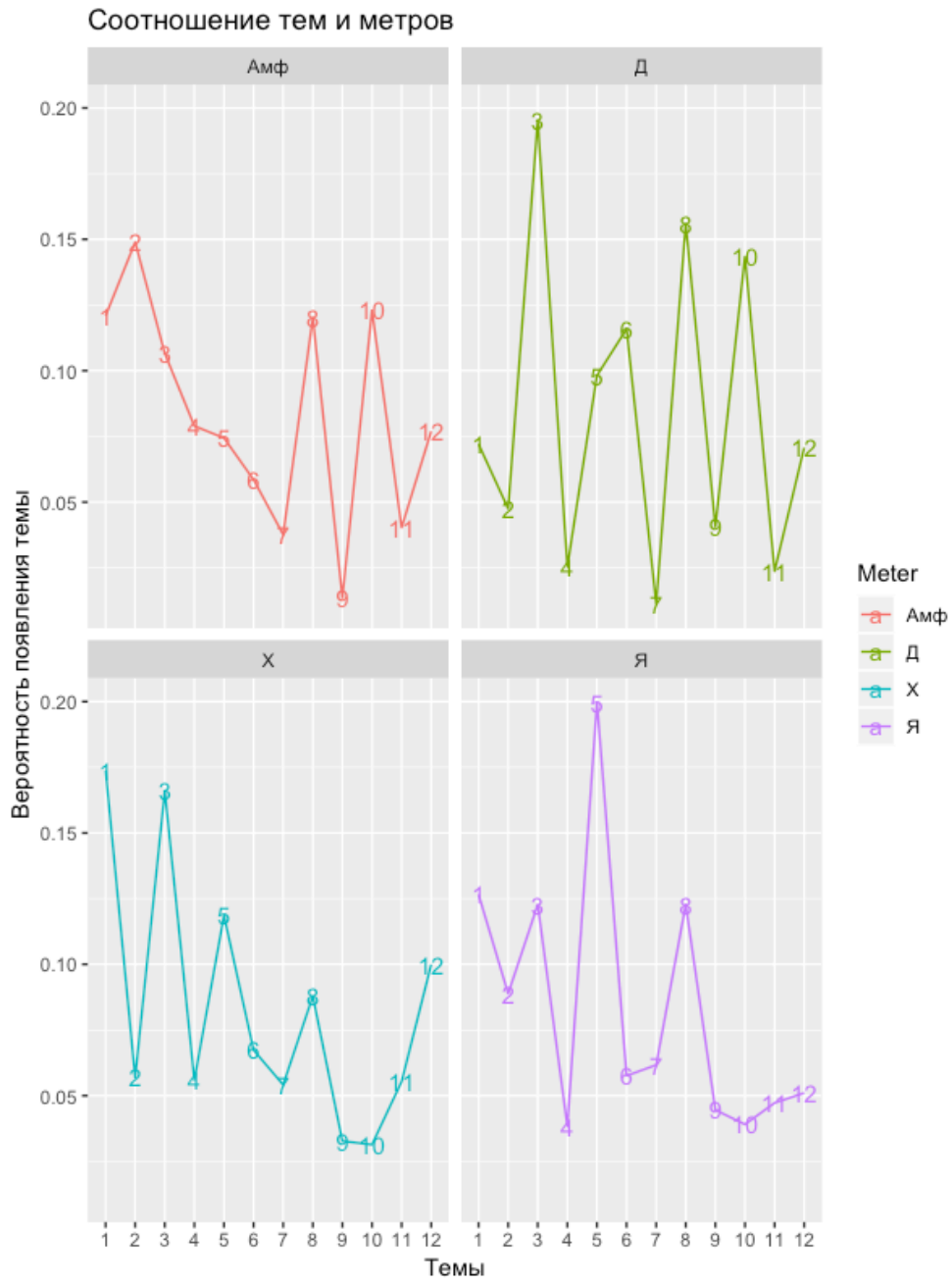

Рис. 7. Соотношение тем и основных метров.

Соотношение тем и размеров

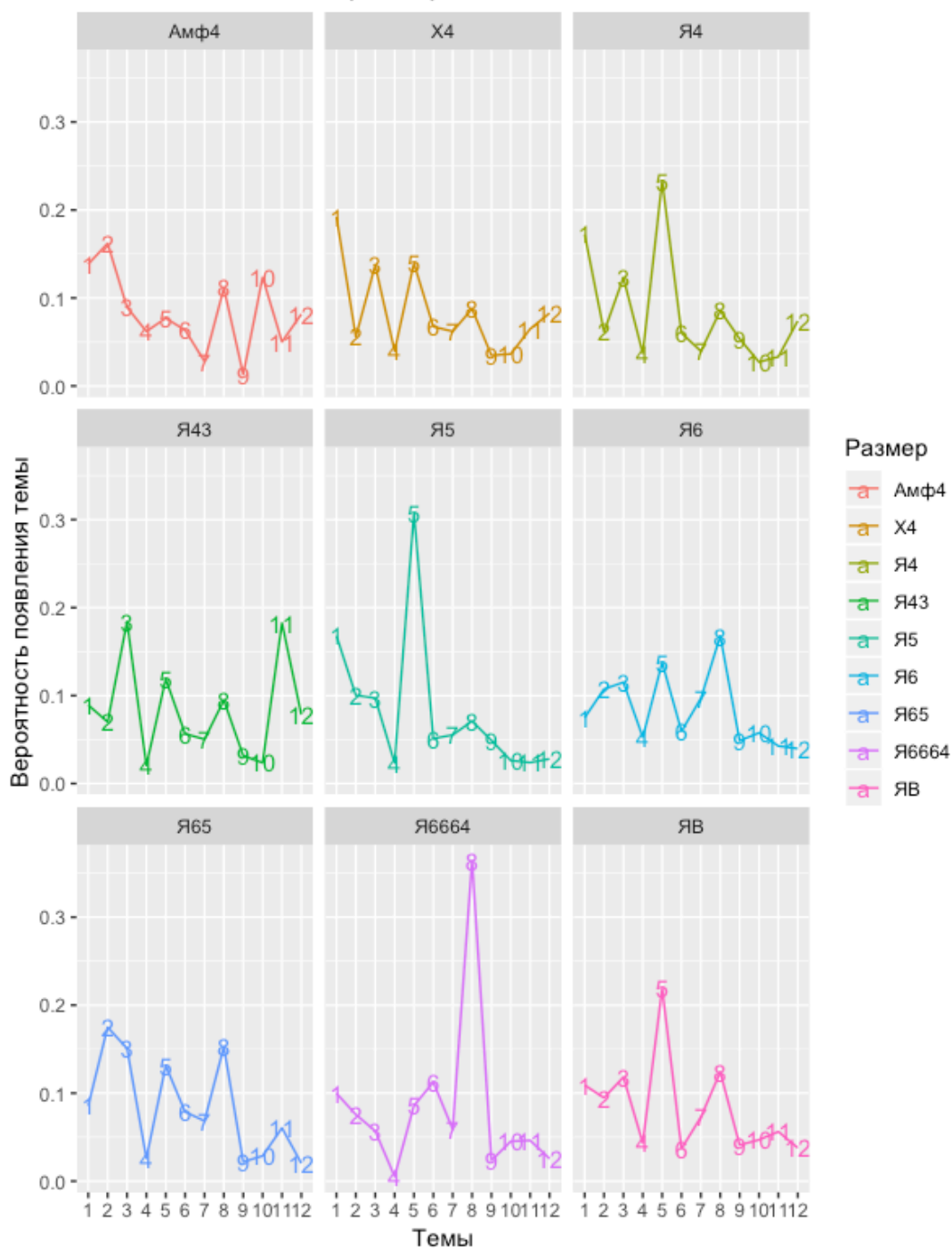

Рис. 8. Соотношение тем и основных размеров.

Приложение 2⁹²

1. [-ев]. На кончину А.Ф.П. («Под навесом липы в сени безмятежной...») // Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № 3. С. 126-127 (294).
2. [-й-]. Свидание («Не тщетно воссылал моления к небесам...») // Мнемозина. М., 1824. Ч. 3. С. 155-156 (124).
3. [...ий]. Большой певец («Тронитесь, Камены, любимым Певцом...») // Благонамеренный. 1824. Ч. 25. № 5. С. 362-363 (86).
4. [...й]. К Делии («Ты знаешь ли вину ужасного мученья...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 12. № 23-24. С. 327-328 (275).
5. [* *]. Элегия («Проходит время! дни за днями...») // Санкт-Петербургский Вестник. 1831. Т. 3. № 30. С. 74-75 (363).
6. [*...а*...]. К птичке («О, птичка милая! не ведая заботы...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 14. С. 113-114 (272).
7. [*]. Элегия («Время быстро пролетает...») // Сириус. СПб., 1826. С. 128-130 (105).
8. [*]. Тоска («Напрасно я стараюсь заглушить...») // Сын Отечества и Северный архив. 1829. Т. 6. № 37. С. 235 (359).
9. [**]. Элегия («Уже последний луч вечернего светила...») // Благонамеренный. 1824. Ч. 26. № 11. С. 325-327 (88).
10. [1...8...]. Одиночество («Я часто на горе, дубами осененной...») // Северные цветы на 1827 год. СПб., 1827. С. 318-320 (448).
11. [1.7.-]. Элегия («Моя промотанная младость...») // Комета. М. 1830. С. 69 (236).
12. [13]. Элегия («Как сладостно в кругу родных...») // Бабочка. 1829. № 87. С. 347 (376).
13. [2.17]. Раскаяние («Я не Поэт – возьмите лиру...») // Майский листок. СПб., 1824. С. 438-10 (215).
14. [N.N.]. Элегия («Я знал восторгов наслажденья...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. Ч. 13. № 20. С. 159 (410).

⁹² Библиографический список дается в алфавитном порядке; в квадратных скобках указывается подпись автора в тех случаях, когда мы обладали недостаточным количеством материалов для точной атрибуции. В круглых скобках после описания даются ссылки на обнаруженные перепечатки, а также порядковый номер текста (*id*) в репозитории (https://github.com/tonyamart/rus_elegies).

15. [Z.]. К друзьям («Давно ли о други мы вместе сидели...») // Благонамеренный. 1818. № 7. С. 13-14 (254).
16. [Z.]. Воспоминание («День гаснет – и уже вечерний сумрак бродит...») // Дамский журнал. 1827. Ч. 18. № 12. С. 295-297 (583).
17. [А.]. Элегия («Люблю я мрачные картины...») // Вестник Европы. 1830. Май и июнь. № 10. С. 97 (432).
18. [А.В.]. Элегия («Лелейте тихие Зефиры...») // Благонамеренный. 1822. Ч. 20. № 44. С. 194-195 (305).
19. [А. А-въ]. Элегия («Я помню первые лобзанья...») // Благонамеренный. 1825. Ч. 31. № 31-32. С. 170-171 (91).
20. [А. Д.]. Воспоминание («Вотще уходит день за днем...») // Вестник Европы. 1825. Ноябрь и декабрь. № 21. С. 3-6 (428).
21. [А. Дер-кий]. Элегия («Какая радость засветилась...») // Дамский журнал. 1826. Ч. 15. № 17. С. 192 (161).
22. [А. Н-ъ]. Элегия («В долине ветр шумит всхолмилась тихи воды...») // Благонамеренный. 1822. Ч. 19. № 39. С. 501-502 (304).
23. [А. Сырох-въ]. Элегии жителя берегов Черного моря («Лишь сумраком оденутся поля...») // Вестник Европы. 1820. № 20. С. 264-265 (14).
24. [А. Сырох-въ]. К морю («Понесите волны бурные...») // Вестник Европы. 1820. № 20. С. 265-266 (15).
25. Аксаков С. Т. Элегия в новом вкусе («Молчит угрюмый бор... луч солнца догорает...») // Вестник Европы. 1821. Ч. 118. № 9. С. 15-17 (422).
26. Алексеев Ф. А. Элегия («Где мутная волна дремотной Шевороны...») // Московский телеграф. 1825. Ч. 1. № 1. С. 52 (383).
27. Алексеев Ф. А. Элегия («Меня покинули желанья...») // Дамский журнал. 1827. Ч. 18. № 8. С. 99 (581).
28. Алексеев Ф. А. Элегия («Я нелюбим, ужасный опыт...») // Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 1. С. 45 (395; перепечатано: Венера, или собрание стихотворений разных авторов. М. 1831. С. 150-151).
29. Анненков Н. Е. Элегия («Куда сокрылись дни юности златой...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 7. С. 54-55 (262).
30. Астафьев В. И. Элегия («Зачем неверные мечты...») // Московский телеграф. 1826. Ч. 8. Отд. 2. № 7. С. 86 (390).

31. [Б.-]. Выздоровление («Я видел над главой моей...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 14. № 9. С. 77-78 (282).
32. [Б-ов]. Элегия («Как скоро улетела ты...») // Дамский журнал. 1825. Ч. 12. № 20. С. 63-64 (71).
33. *Бакунин И. М.* Элегия («Уже вечернею росой...») // Новости литературы. 1824. Кн. 9. Сентябрь. С. 134-136 (249; перепечатано: Собрание новых русских стихотворений. Ч. 2. СПб., 1826. С. 286-288).
34. *Бальдауф Ф. И. (?)*. Разлука («Розалия, мой спутник неизменный...») // Невский зритель. 1821. Ч. 6. Июнь. С. 242-243 (18).
35. *Бальдауф Ф. И.* Элегия («Восток румянится зарею...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № 3. С. 130-134 (279).
36. *Бальдауф Ф. И.* Вечер на берегу Байкала («Я не забыл мечты...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 15. № 16. С. 205-209 (286).
37. *Баратынский Е. А.* Элегия («Ужели близок час свиданья...») // Невский зритель. 1820. Ч. 1. Январь. С. 99-100 (29; повторно опубликовано: Сын Отечества. 1821. Ч. 6. № 7. С. 320-321).
38. *Баратынский Е. А.* («Заснули рощи над потоком...») // Невский зритель. 1820. Ч. 1. Март. С. 54-55 (31).
39. *Баратынский Е. А.* Весна («Мечты волшебные, вы скрылись от очей...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 10. Кн. 4. С. 88-89 (10).
40. *Баратынский Е. А.* Элегия («На краткий миг пленяет в жизни радость...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 9. Кн. 2. С. 196 (334).
41. *Баратынский Е. А.* Н. М. К. («Пора покинуть милый друг...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. Кн. 2. С. 237-239 (37).
42. *Баратынский Е. А.* «Прощай, отчизна непогоды...» // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. Кн. 2. С. 236-237 (36).
43. *Баратынский Е. А.* «Нет не бывать тому, что было прежде...» // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 16. Кн. 2. С. 204 (38).
44. *Баратынский Е. А.* «Не искушай меня без нужды...» // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 16. Кн. 2. С. 205 (39).
45. *Баратынский Е. А.* Сельская элегия («Я возвращуся к вам, поля моих отцов...») // Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № 6. С. 274-276 (47).

46. *Баратынский Е. А.* Элегия («Дремала роща над потоком...») // Сын Отечества. 1821. Ч. 71. № 27. С. 39 (55).
47. *Баратынский Е. А.* Разуверение («Не искушай меня без нужды...») // Новости литературы. 1822. Кн. 1. № 3. С. 47 (19).
48. *Баратынский Е. А.* Падение листьев («Поблекнули ковры полей...») // Новости литературы. 1823. Кн. 3. № 12. С. 186-187 (24).
49. *Баратынский Е. А.* Признание («Притворной нежности не требуй от меня...») // Полярная звезда на 1824 год. СПб., 1823. С. 312-313 (564).
50. *Баратынский Е. А.* Финляндия («Громады вечных скал, гранитные пустыни...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 9-12 (518).
51. *Баратынский Е. А.* Водопад («Шумы, шуми с крутой вершины...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 13-14 (519).
52. *Баратынский Е. А.* Истина («О счастья с младенчества тоскуя...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 15-17 (520).
53. *Баратынский Е. А.* Череп («Усопший брат, кто сон твой возмутил...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 18-19 (521).
54. *Баратынский Е. А.* Рим («Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 20 (522).
55. *Баратынский Е. А.* Две доли («Дало две доли провиденье...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 24-25 (524).
56. *Баратынский Е. А.* Буря («Завыла буря, хлябь морская...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 26-28 (525).
57. *Баратынский Е. А.* Разлука («Расстались мы; на миг очарованьем...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 31 (526).
58. *Баратынский Е. А.* В альбом («Тебе на память в книге сей...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 32-33 (527).
59. *Баратынский Е. А.* Лета («Душ холодных упованье...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 34 (528).
60. *Баратынский Е. А.* Ропот («Он близок, близок день свиданья...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 35 (529).
61. *Баратынский Е. А.* Уныние («Рассеивает грусть веселый шум пиров...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 36 (530).
62. *Баратынский Е. А.* Размолвка («Мне о любви твердила ты шутя...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 37 (531).

63. *Баратынский Е. А.* Бдение («Один, и пасмурный душою...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 38-39 (532).
64. *Баратынский Е. А.* Падение листьев («Желтел печально знак полей...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 41-43 (534).
65. *Баратынский Е. А.* Отъезд («Прощай, отчизна непогоды...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 44-45 (535).
66. *Баратынский Е. А.* Утешение («Свободу дав тоске моей...») // Баратынский Е. Стихотворения. М. 1827. С. 49-50 (536).
67. *Баратынский Е. А.* Поцелуй («Сей поцелуй, дарованный тобой...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 51 (537).
68. *Баратынский Е. А.* Элизийские поля («Бежит неверное здоровье...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 52-54 (538).
69. *Баратынский Е. А.* Делии («Зачем, о Делия! сердца младые ты...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 55-56 (539).
70. *Баратынский Е. А.* Оправдание («Решительно, печальных строк моих...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 57-58 (540).
71. *Баратынский Е. А.* Догадка («Любви приметы...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 59 (541).
72. *Баратынский Е. А.* Ожидание («Она придет! к ее устам...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 60 (542).
73. *Баратынский Е. А.* Возвращение («На кровы ближнего селенья...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 61 (543).
74. *Баратынский Е. А.* Л. П-ну («Поверь, мой милый! твой Поэт...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 64-65 (545).
75. *Баратынский Е. А.* Эпилог («Чувствительны мне дружеские пени...») // Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827. С. 66 (546).
76. *Баратынский Е. А.* Элегия («В дни безграничных увлечений...») // *Европеец.* 1832. № 1. С. 52 (516).
77. *Баратынский Е. А.* Запустение. Элегия («Я посетил тебя, пленительная сень...») // *Библиотека для чтения.* 1835. Т. VIII. С. 19 (517).
78. *Батюшков К. Н.* Мщение («Неверный друг и вечно милый...») // *Вестник Европы.* 1816. Ч. 89. № 19-20. С. 204-206 (202).
79. *Батюшков К. Н.* Последняя весна («В полях блистает Май веселый...») // *Вестник Европы.* 1816. № 11. С. 181-183 (200).

80. *Батюшков К. Н.* Элегия из Тибулла («Мессала! Без меня ты мчишься по волнам...») // Вестник Европы. 1816. № 12. С. 255-261 (201).
81. *Батюшков К. Н.* Надежда («Мой дух! доверенность к творцу!...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 9-10 (468).
82. *Батюшков К. Н.* На развалинах замка в Швеции («Уже светило дня на западе горит...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 11-18 (469).
83. *Батюшков К. Н.* Воспоминание («Мечты! повсюду вы меня сопровождали...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 27-29 (471).
84. *Батюшков К. Н.* Воспоминания («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 30-32 (472).
85. *Батюшков К. Н.* Выздоровление («Как ландыш под серпом убийственным жнеца...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 33-34 (473).
86. *Батюшков К. Н.* Привидение («Посмотрите! в двадцать лет...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 39-42 (475).
87. *Батюшков К. Н.* Тибуллова элегия III («Напрасно осыпал я жертвенник цветами...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 43-45 (476).
88. *Батюшков К. Н.* Мой гений («О память сердца! ты сильнее...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 46 (477).
89. *Батюшков К. Н.* Дружество («Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 47 (478).
90. *Батюшков К. Н.* Тень друга («Я берег покидал туманный Альбиона...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 48-51 (479).
91. *Батюшков К. Н.* Тибуллова элегия IX из I книги («Кто первый изострил железный меч и стрелы?...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 52-58 (480).
92. *Батюшков К. Н.* Веселый час («Вы, други, вы опять со мною...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 59-63 (481).
93. *Батюшков К. Н.* В день рождения Н. («О ты, которая была...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 64 (482).

94. *Батюшков К. Н.* Пробуждение («Зефир последний свеял сон...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 65 (483).
95. *Батюшков К. Н.* Разлука («Напрасно покидал страну моих отцов...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 66-67 (484).
96. *Батюшков К. Н.* Таврида («Друг милый, ангел мой! сокроемся туда...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 68-70 (485).
97. *Батюшков К. Н.* Судьба Одиссея («Средь ужасов земли и ужасов морей...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 71 (486).
98. *Батюшков К. Н.* Последняя весна («В полях блистает май веселый...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 72-74 (487).
99. *Батюшков К. Н.* К Г***чу («Только дружба обещает...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 75-76 (488).
100. *Батюшков К. Н.* К Д***ву («Мой друг! я видел море зла...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 77-80 (489).
101. *Батюшков К. Н.* Источник («Буря умолкла, и в ясной лазури...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 81-83 (490).
102. *Батюшков К. Н.* На смерть супруги Ф.Ф. К-на («Нет подруги нежной, нет прелестной Лилы!..») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 84-85 (491).
103. *Батюшков К. Н.* Пленный («В местах, где Рона протекает...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 86-90 (492).
104. *Батюшков К. Н.* Гесиод и Омир, соперники («Народы, как волны, в Халкиду текли...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 93-100 (493).
105. *Батюшков К. Н.* К другу («Скажи, мудрец молодой, что прочно на земле...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 101-105 (494).
106. *Батюшков К. Н.* Мечта («Подруга нежных Муз, посланница небес...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2. СПб., 1817. С. 106-118 (495).
107. *Батюшков К. Н.* Умиравший Тасс («Какое торжество готовит древний Рим?...») // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Ч. 2., СПб., 1817. С. 245-253 (496).

108. *Батюшков К. Н.* Элегия («Есть наслаждение и в дикости лесов...») // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 23 (449).
109. [Без подписи]. Элегия, писанная на развалинах нагорного замка («Под кровом сумрака долины засыпают...») // Демокрит. 1815. Ч. 2 Кн. 5. С. 67-72 (152).
110. [Без подписи]. Элегия на потерю рожка («Плачь плачь мой бедный нос и токи лей на землю...») // Харьковский демокрит. 1816. № 5. С. 35-36 (206).
111. [Без подписи]. Элегия на смерть молодой поселянки («Унылый и глухой со мшистой башни звон...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 2. Кн. 3. С. 383-387 (290).
112. [Без подписи]. Элегия («Сокройтесь от меня вы, шумные забавы...») // Вестник Европы. 1821. Ч. 119. № 13. С. 68 (433).
113. [Без подписи]. Элегия при взгляде на весеннюю погоду («Под блеском тишиной лазоревого свода...») // Дамский журнал. 1823. Ч. 1. № 5. С. 194-195 (64).
114. [Без подписи]. Отъезд («Обитель мирная любви и наслаждений...») // Благонамеренный. 1824. Ч. 25. № 4. С. 292-294 (85).
115. [Без подписи]. Очки («Не удивись, что я, с хорошими глазами...») // Мнемозина. М. 1825. Ч. 4. С. 153-155 (397).
116. [Без подписи]. Вдохновенность ночи («Как сладко на коврах ленивых...») // Атеней. 1828. Ч. 1. № 1. С. 93 (440).
117. [Без подписи]. Элегия («О червь-тоска, зачем ты сердце гложешь...») // Московский вестник. 1828. Ч. 10. № 15. С. 211-212 (133).
118. [Без подписи]. Элегия («Довольно! вижу: от меня...») // Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829. С. 77 (453).
119. [Без подписи]. Элегия («Я жизнь любил, когда полна...») // Литературная газета. 1830. Т. 2. № 50. С. 110 (436).
120. [Без подписи]. Элегия («Не тот несчастлив, кто страданьем...») // Эхо, литературный альманах. М. 1830. С. 100-101 (331).
121. [Без подписи]. Элегия («Я жизнь любил, когда...») // Венера, или собрание стихотворений разных авторов. М. 1831. С. 68-69 (320).
122. [Без подписи]. Элегия («Когда, когда сквозь темну даль...») // Венера, или собрание стихотворений разных авторов. М. 1831. С. 110 (321).

123. [Без подписи]. Элегия («Сокройтесь от меня вы, шумные забавы...») // Венера, или собрание стихотворений разных авторов. М. 1831. С. 133 (322).
124. [Без подписи]. Элегия («О пощади! зачем сей пылкий взгляд...») // Сын Отечества. 1834. Т. 42. № 16. С. 558 (130).
125. *Бестужев А. А.* Каспийское море («Пал туман на море синее...») // Сын Отечества и Северный архив. 1831. Т. 19. № 17. С. 161-163 (360).
126. *Бестужев-Рюмин М. А.* Бездна («Не пробуждай во мне мечтаний...») // Благонамеренный. 1824. Ч. 28. № 21-22. С. 250 (89; повторно опубликовано: Сириус. СПб., 1826. С.74-75.).
127. *Бестужев-Рюмин М. А.* Возвращение на родину («Я возвращаюсь к вам родимые дубравы...») // Майский листок. СПб., 1824. С. 1-5 (214).
128. *Бестужев-Рюмин М. А.* Предчувствие («Не ободряй меня, друг нежный...») // Северная звезда. СПб., 1829. С. 129 (220).
129. *Бестужев-Рюмин М. А.* Плач супруга («Уж нет ее!.. одни страданья...») // Славянин. 1830. Ч. 13. № 3. С. 210-211 (373).
130. *Бистром А.* Элегия («Оставь меня судьбе моей...») // Дамский журнал. 1825. Ч. 11. № 18. С. 226 (70).
131. *Бистром А.* К фантазии («Куда сокрылась подруга юных дней...») // Благонамеренный. 1825. Ч. 31. № 27-28. С. 36-37 (336).
132. *Бистром А.* Элегия («Завеса с глаз моих спадает...») // Дамский журнал. 1826. Ч. 15. № 16. С. 143-144 (160).
133. [Богаевский Н.]. Элегия к Н*** («Ах, очи, очи голубые!..») // Славянин. 1828. Ч. 6. № 18. С. 195-196 (364).
134. [Богаевский Н.]. Элегия («Во дни моей беспечной младости...») // Славянин. 1828. Ч. 6. № 26. С. 508 (366).
135. *Богданов И.* К родине («Благословляю вас поля страны родной...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 15. № 17-18. С. 265-266 (289).
136. *Бороздна И. П.* Одиночество («Как часто на горе, под дубом наклоненным...») // Вестник Европы. 1823. № 13. С. 15-17 (248).
137. *Бороздна И. П.* Оставленное жилище («Увы, ее уж нет со мною...») // Новости литературы. 1826. Кн. 16. № 3. С. 147-149 (142; повторно опубликовано: Опыты в стихах Ивана Бороздны. М., 1828. С. 90-92.).

138. *Бороздна И. П.* Умирающий *Виргилий* («В убогой хижине, один среди чужбины...») // *Вестник Европы*. 1826. Март и апрель. № 6. С. 99-102 (425; повторно опубликовано: *Опыты в стихах Ивана Бороздны*. М., 1828. С. 93-95.).
139. *Бороздна И. П.* К *Цинтии* («О, *Цинтия!* нет, нет, я смерти не страшусь!...») // *Московский телеграф*. 1826. Ч. 10. Отд. 2. № 13. С. 4-5 (394; повторно опубликовано: *Опыты в стихах Ивана Бороздны*. М., 1828. С. 102-103.).
140. *Бороздна И. П.* Умирающий христианин («Что слышу? Прозвучал священной меди звон!...») // *Вестник Европы*. 1827. Март и апрель. № 7. С. 209-210 (426).
141. *Бороздна И. П.* Могила юноши («Увы! здесь юноша, во цвете лет сраженный...») // *Опыты в стихах Ивана Бороздны*. М. 1828. С. 87-89 (167).
142. *Бороздна И. П.* Мое убежище («Я вижу вновь тебя, о край моих отцов...») // *Опыты в стихах Ивана Бороздны*. М. 1828. С. 96-101 (170).
143. *Бушманкин Н.* Сын над гробом отца («Прости, бесценный прах, чувствительность мою...») // *Благонамеренный*. 1826. Ч. 33 (34). № 12. С. 363-365 (95).
144. *Бушманкин Н.* Пловец («Напрасно ищет взор родимых берегов...») // *Благонамеренный*. 1826. Ч. 33 (34). № 12. С. 365-366 (96).
145. [Вал:-еио-ъ]. Элегия («Мне изменяет вдохновенье...») // *Славянин*. 1829. Ч. 10. № 20-21. С. 278 (370).
146. [Ватагин П.]. Элегия («Я помню прелесть наслажденья...») // *Дамский журнал*. 1827. Ч. 18. № 11. С. 249-250 (582).
147. [В. Гл-в]. Элегия («Нельзя воскреснуть к жизни новой...») // *Литературные прибавления к Русскому Инвалиду*. 1834. Ч. 13. № 26. С. 207 (411).
148. [В.Р.] Элегия («Почто несется скорби стон...») // *Новости литературы*. 1822. Кн. 2. № 26. С. 206-207 (21).
149. [В. С...ъ]. Элегия («Когда покою взор на влажной глубине...») // *Благонамеренный*. 1824. Ч. 25. № 3. С. 210-211 (84).
150. *Великопольский И. Е.* Срубленная роща («О нимфы! плачьте! рощи нет...») // *Благонамеренный*. 1820. Ч. 11. № 14. С. 111-113 (271).

151. *Великопольский И. Е.* Чувства при виде Бородинского поля («Приветствую тебя, о место славных дел...») // *Благонамеренный*. 1822. Ч. 17. № 3. С. 119-122 (293).
152. *Великопольский И. Е.* К вероломной Темире («Темира! я тебя не знал...») // *Благонамеренный*. 1822. Ч. 17. № 8. С. 325-326 (296).
153. *Великопольский И. Е.* Нереида («О музы! оставьте шумящие воды Пермесса...») // *Календарь муз на 1827 год*. Спб., 1827. С. 74-78 (117).
154. *Веневитинов Д. В.* Поэт и друг («Ты в жизни только расцветаешь...») // *Московский вестник*. 1827. Ч. 2. № 7. С. 217-220 (497).
155. *Веневитинов Д. В.* Элегия («Волшебница! как сладко пела ты...») // *Сочинения Д.В. Веневитинова*. М., 1829. С. 79-80 (361).
156. *Волков А. А.* Одиночество («Как часто на горе, под сению дубов...») // *Мнемозина*. М., 1824. Ч. 2. С. 140-142 (441).
157. *Волков А. А.* Элегия («Где дни счастливых обольщений...») // *Московский телеграф*. 1826. Ч. 8. Отд. 2. № 6. С. 46-47 (389).
158. *Волков П. Г.* Воспоминание («Напрасно день за днем катится...») // *Благонамеренный*. 1823. Ч. 23. № 16. С. 264-266 (311).
159. *Волков П. Г.(?)* Элегия («Увижу ли тебя, о друг мой несравненный...») // *Благонамеренный*. 1823. Ч. 24. № 19. С. 60-61 (312).
160. *Вронченко М. П.* Элегия на смерть бешеной собаки («О люди добрые! моей...») // *Подснежник*. Спб., 1830. С. 57-59 (229).
161. *Вяземский П. А.* Элегия («О ты, которая из детства...») // *Северная звезда*. Спб., 1829. С. 65 (218).
162. [Г.]. Элегия («Грустно, грустно расставаться мне...») // *Российский музеум*. 1815. № 8. С. 153-154 (205).
163. [Г.]. К младости («Жизни юдольной единая радость...») // *Сын Отечества*. 1818. Ч. 43. № 5. С. 207 (352).
164. [Г.]. Аминт («Она бежит отсель! я грусти сын унылый...») // *Благонамеренный*. 1822. Ч. 19. № 31. С. 185-186 (301).
165. [Г.]. Жертва любви («Протяжный колокола звон...») // *Новости литературы*. 1824. Кн. 8. № 14. С. 29-32 (114).
166. [Г...в]. Возвращение воина на родину («Сын Марса ярого любезный...») // *Благонамеренный*. 1824. Ч. 25. № 6. С. 427-429 (314).

167. [Г-х-в]. Элегия (К. В. Р-вой) («Зачем вы очи голубые...») // Северное сияние, альманах на 1831 год. М. 1831. С. 197 (318).
168. *Габбе П. А.* Бейрон в темнице («Последний солнца луч погас за Аппенином...») // Сын Отечества. 1822. Ч. 81. № 43. С. 121-125 (62).
169. *Гаркуша В.* Турецкая элегия («Я арфу дал тебе – царицу песней славы...») // Подснежник. СПб., 1830. С. 93-94 (230).
170. *Герман А.* Элегия («Когда в груди моей настанет тишина...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 22. Кн. 1. С. 84-85 (45).
171. *Герман А.* Воспоминание («Мой полон дух живых воспоминаний...») // Благонамеренный. 1825. Ч. 31. № 37-38. С. 358-359 (337).
172. *Глебов А. Н.* Элегия («Давно ли ты, шая, смеясь, играя...») // Сын Отечества. 1829. Т. 3. № 18. С. 237-240 (129).
173. *Глебов Д. П.* Элегия («Пора оставить нам забавы городские...») // Сын Отечества. 1817. Ч. 39. № 28. С. 64-65 (346; повторно опубликовано: *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 48-50).
174. *Глебов Д. П.* Элегия («О чем еще богов молить...») // Сын Отечества. 1817. Ч. 40. № 33. С. 26-27 (347; с изменением двух строк опубликовано: *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 45-47).
175. *Глебов Д. П.* Элегия («Под небом сумрачным долины обнажены...») // Сын Отечества. 1817. Ч. 40. № 38. С. 229-230 (349).
176. *Глебов Д. П.* Элегия («Надеясь сердца грусть разлукой облегчить...») // Вестник Европы. 1818. Ч. 100. № 15-16. С. 193-195 (1; с разночтениями повторно опубликовано: *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 60-63.).
177. *Глебов Д. П.* Элегия («Я заслужил твое вниманье...») // СО. 1818. Ч. 44. № 8. С. 63-64 (353).
178. *Глебов Д. П.* Монастырь («Бьет полночь сладким сном почило все творенье...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 12. № 19. С. 46-49 (274; повторно опубликовано: *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 17-20).
179. *Глебов Д. П.* Странствующий Гомер («О Кумы славные, Юноне град бесценный...») // Вестник Европы. 1821. Ч. 120. № 17. С. 21-27 (424;

- повторно опубликовано: *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 73-79.).
180. *Глебов Д. П.* Элегия («О вы, пустынноцы долин уединенных...») // Сын Отечества. 1822. Ч. 79. № 27. С. 32-34 (61; с небольшими разночтениями опубликовано: *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 27-29).
181. *Глебов Д. П.* Часовня («Нахмурясь облака, как мрачная завеса...») // Новости литературы. 1823. Кн. 6. № 44. С. 76-78 (27; Опубликовано с разночтениями: *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 12-16.).
182. *Глебов Д. П.* Разрушенный лес («О сонмы Нимф! Струите токи слез...») // Дамский журнал. 1823. Ч. 1. № 3. С. 111-112 (63; С разночтением в ст. 27 повторно опубликовано: *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 30-31).
183. *Глебов Д. П.* Гробница Бенамара, персидского поэта («Заида! Твой голос отрадный Зефира...») // Новости литературы. 1825. Кн. 11. № 2. С. 93-95 (146).
184. *Глебов Д. П.* Осень («Угрюмой осени безжалостной рукой...») // Сын Отечества. 1825. Ч. 101. № 12. С. 407-409 (356; повторно опубликовано: *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 24-26).
185. *Глебов Д. П.* Элегическая песнь. На кончину ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО («Еще не умолкал веселья шумный клик...») // Новости литературы. 1826. Кн. 16. № 2. С. 91-93 (139).
186. *Глебов Д. П.* Память любви («В час сумрака, в сей час священный...») // *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 68 (565).
187. *Глебов Д. П.* Ночное размышление («Свершив свой славный путь, усталый царь денницы...») // *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 7-11 (566).
188. *Глебов Д. П.* Возвращение на родину («Последний солнца луч вершины дальних гор...») // *Глебов Д.* Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 21-23 (573).

189. *Глебов Д. П.* На возврат друга («Благодаренье вам, о Лары и Пенаты...») // Глебов Д. Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 32-34 (575).
190. *Глебов Д. П.* Зимний вечер («В долине, снегом покровенной...») // Глебов Д. Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 51-53 (576).
191. *Глебов Д. П.* Побег («Не забуду я той ночи...») // Глебов Д. Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 54-55 (577).
192. *Глебов Д. П.* Сельская жизнь («Оставим, милый друг...») // Глебов Д. Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 56-59 (578).
193. *Глебов Д. П.* К дружбе («Не огорчай меня досадным попеченьем...») // Глебов Д. Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 64-65 (579).
194. *Глебов Д. П.* Мечта («О волшебница мечта...») // Глебов Д. Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 66-67 (580).
195. *Глебов Д. П.* Отъезд («Напрасно я искал на пиршествах в вине...») // Глебов Д. Элегии и другие стихотворения. М., 1827. С. 69-72 (587).
196. *Глухорев И. Н.* Элегия («Она как ангел чистоты...») // Полярная звезда на 1832. М., 1832. С. 38 (328).
197. *Глухорев И. Н.* Элегия (Посвящена П.С. М-ой) («Мне снова радость улыбнулась...») // Полярная звезда на 1832. М., 1832. С. 113 (329).
198. *Гнедич Н. И.* Тарентинская дева («Стенайте, алкионы!..») // Полярная звезда на 1823 год. М. - Л., 1960. С. 110-111 (Литературные памятники). (460).
199. *Готовцева А. И.* Одиночество («Как часто на горе при солнечном закате...») // Сын Отечества. 1826. Ч. 106. № 5. С. 107-109 (357).
200. [Градовский Николай]. Сегование Овидия («Не берегу Днестра певец унылой...») // Украинский журнал. 1825. № 1. С. 40-41 (240).
201. *Греков Н. П.* Вечер («Нисходит вечер с тишиной...») // Московский телеграф. 1825. Ч. 6. № 22. С. 161-163 (386).
202. *Греков Н. П.* Элегия («Друзья! в последний раз привет...») // Дамский журнал. 1827. Ч. 19. № 15. С. 116-118 (584).
203. *Грен А. Е.* Элегия («Когда с торжественным молчаньем...») // Грен А. Стихотворения. СПб., 1832. С. 21 (593).
204. *Грен А. Е.* Элегия («Приметно радость улетает...») // Грен А. Стихотворения. СПб., 1832. С. 33 (594).

205. *Григорьев В. Н.* Одиночество («Как часто на горе, в тени дубов ветвистых...») // *Благонамеренный*. 1821. Ч. 15. № 15. С. 154-157 (285).
206. *Григорьев В. Н.* Воззвание («О ты которая в сей горестной пустыне...») // *Благонамеренный*. 1821. Ч. 15. № 17-18. С. 263-264 (288).
207. *Григорьев В. Н.* Вечер («Я здесь один – на сей скале пустынной...») // *Благонамеренный*. 1822. Ч. 17. № 7. С. 275-277 (295).
208. *Григорьев В. Н.(?)* К луне («Ты некогда и мне приветлива была...») // *Благонамеренный*. 1822. Ч. 17. № 8. С. 327 (297).
209. *Григорьев В. Н.* Элегия («Мечты златые снов бывалых...») // *Цефей*. М. 1829. С. 185-186 (226).
210. [Д. Ш.]. Элегия («Не обольщай меня напрасно...») // *Дамский журнал*. 1827. Ч. 19. № 16. С. 158 (585).
211. [Дм. Ш.]. Элегия («Я помню юностью блистая...») // *Полярная звезда на 1832*. М. 1832. С. 128 (330).
212. *Давыдов Д. В.* Элегия («Пусть бога-мстителя могущая рука...») // *Амфион*. 1815. № 5. С. 66-69 (154).
213. *Давыдов Д. В.* Элегия («Примите меч – я не достоин брани...») // *Рецензент*. 1821. № 2. С. 8 (75; с мелкими разночтениями опубликовано: Стихотворения Дениса Давыдова. М., 1832. С. 3-4).
214. *Давыдов Д. В.* Элегия («В ужасах войны кровавой...») // *Рецензент*. 1821. № 20. С. 80 (77).
215. *Давыдов Д. В.* Угрозы («О ты, смущенная присутствием моим...») // *Северная звезда*. СПб., 1829. С. 29-30 (217; с небольшими разночтениями повторно опубликовано: Стихотворения Дениса Давыдова. М., 1832. С. 7-8).
216. *Давыдов Д. В.* Утро («Все тихо и заря багряною стопой...») // *Северная звезда*. СПб., 1829. С. 293-294 (222).
217. *Давыдов Д. В.* Элегия V («О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов...») // Стихотворения Дениса Давыдова. М., 1832. С. 12 (571).
218. *Давыдов Д. В.* Элегия («О милый друг! оставь угадывать других...») // *Полярная звезда на 1823 год*. М. - Л. 1960. С. 71-72 (Литературные памятники). (459; Повторно опубликовано: Стихотворения Дениса Давыдова. М., 1832. С. 5-6).
219. *Давыдов Д. В.* Элегия («Нет! полно пробегать с улыбкою любви...») // *Полярная звезда на 1823 год*. М. - Л. 1960. С. 228-229 (Литературные

- памятники). (462; повторно опубликовано: Стихотворения Дениса Давыдова. М., 1832. С. 9-11).
220. Деларю М. Элегия («Недолго, с тишиной сердечной...») // Северные цветы на 1832 год. СПб., 1831. С. 155-157 (456).
221. Дельви́г А. А. Элегия («Не мило мне на новосельи...») // Невский зритель. 1820. Ч. 1. Февраль. С. 87-88 (30).
222. Дельви́г А. А. На смерть *** («Я знал ее: она была душою...») // Полярная звезда на 1823 год. М. - Л. 1960. С. 153 (Литературные памятники). (461).
223. Дмитриев М. А. Воспоминания («Я видел вас опять, родительски поля...») // Невский зритель. 1821. Ч. 6. Июнь. С. 243-241 (17).
224. Дмитриев М. А. Прошедшее («Нет! нет! не возвратить прошедших наслаждений...») // Сын Отечества. 1821. Ч. 70. № 23. С. 133-135 (355; с разночтениями повторно опубликовано: Стихотворения Михаила Дмитриева. М., 1830. С. 15-19).
225. Дмитриев М. А. Элегия («Неужели слезы любви и сожаленья...») // Сын Отечества. 1822. Ч. 75. № 4. С. 132 (50).
226. Дмитриев М. А. Спокойствие («Вы любите покой, о дочери Мнемозины...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. Ч. 25. Кн. 3. С. 260-261 (97; повторно опубликовано: Стихотворения Михаила Дмитриева. М., 1830. С. 36-38.).
227. Дмитриев М. А. Монастырь («Обитель древняя забывших суету...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. Ч. 25. Кн. 3. С. 262-264 (98).
228. Дмитриев М. А. Элегия («Не огорчай меня сомненьем...») // Ура́ния. М., 1826. С. 68 (121; повторно опубликовано: Стихотворения Михаила Дмитриева. М., 1830. Ч. 1. С. 56.).
229. Дмитриев М. А. К друзьям («Не радуйтесь, друзья молодые...») // Московский вестник. 1827. Ч. 1. № 3. С. 167-168 (132; повторно опубликовано: Стихотворения Михаила Дмитриева. М., 1830. Ч. 1. С. 50-51.).
230. Дмитриев М. А. Признание («Я не могу, я не умею...») // Московский вестник. 1827. Ч. 2. № 6. С. 122-123 (612).

231. *Дмитриев М. А.* Элегия («Друг милый! отчего невольно капают слезы...») // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 22. С. 131-132 (131; с разночтением опубликовано: Стихотворения Михаила Дмитриева. М., 1830. Ч. 1. С. 25-27.).
232. *Дмитриев М. А.* Первая разлука («Ужели ни мечты, ни вздоха сожаленья...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 20-21 (603).
233. *Дмитриев М. А.* Уверения («Тебе ль пенять, что я, незанятый молвой...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 22-23 (604).
234. *Дмитриев М. А.* Возвращение («Нет, полно вас жалеть...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 28-31 (605).
235. *Дмитриев М. А.* Предчувствия любви («Напрасно я мечтал о почестях и славе...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 32-35 (606).
236. *Дмитриев М. А.* Забывчивость счастья («Едва могу себе на память привести...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 39-40 (607).
237. *Дмитриев М. А.* Деревня («Примите вновь меня, развесистые сени...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 41-47 (608).
238. *Дмитриев М. А.* Весна («Светлее солнца луч играет над прудом...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 48-49 (609).
239. *Дмитриев М. А.* К фантазии («Не ты ли в утренних, прозрачных облаках...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 52-53 (610).
240. *Дмитриев М. А.* Равнодушие («Кто властен удержать молодой души движенья...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 54-55 (611).
241. *Дмитриев М. А.* Нетерпение («Как близко счастье казалось предо мною...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 59-60 (613).
242. *Дмитриев М. А.* Надежда («И я надеялся!.. что было это? Сила...») // Дмитриев М. Стихотворения. М., 1830. Ч. 1. С. 61-68 (614).
243. *Драгоманов П. А.* Сиротки («Зима свирепствует; дни ясные прошли...») // Северная звезда. СПб., 1829. С. 237-240 (221).
244. *Драгоманов Я. А.* Родные могилы («Далеко вижу я с вершины той горы...») // Северный Меркурий. 1830. Т. 2. № 122. С. 174-175 (381).
245. [Дубровин Н.]. Призывание («Приди, о нежный друг, в мое уединенье...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 10. С. 286-288 (265).

246. *Дурон А. Х.* Торквато Тасс в изгнании («Соренто! как люблю, под сению дубравы...») // *Благонамеренный*. 1819. Ч. 8. № 22. С. 201-204 (260).
247. [Ермолаев]. Вечер («Сокрылось дневное светило...») // *Северная пчела*. 1825. № 106. С. 4 (439).
248. *Ершов П. П.* Семейство роз («Видали ль вы в долине сокровенной...») // *Библиотека для чтения*. 1835. Т. 13. С. 163-168 (600).
249. *Жуковский В. А.* Сельское кладбище («Уже бледнеет день, скрываясь за горою...») // *Стихотворения Василия Жуковского*. СПб., 1816. Ч. 2. С. 27-35 (172).
250. *Жуковский В. А.* Славянка («Славянка тихая, сколь ток приятен твой...») // *Стихотворения В. Жуковского*. СПб., 1824. Т. 2. С. 181-188 (173).
251. *Жуковский В. А.* На кончину ея величества королевы Виртембергской («Ты улетел, небесный посетитель...») // *Стихотворения В. Жуковского*. СПб., 1824. Т. 2. С. 191-199 (174).
252. *Жуковский В. А.* Вечер («Ручей, виющийя по светлому песку...») // *Стихотворения В. Жуковского*. СПб., 1824. Т. 2. С. 203-207 (175).
253. *Загорский М. П.* Элегия. Воспоминание («Где ваша красота...») // *Новости литературы*. 1825. Кн. 13. № 9. С. 185 (150).
254. *Загорский М. П.* Элегия («О, дни любви и сладких обольщений!...») // *Полярная звезда на 1824 год*. М. - Л., 1960. С. 304-305 (Литературные памятники). (463).
255. [З-ий Е]. Элегия («Не обольщай меня напрасно...») // *Новости литературы*. 1825. Кн. 12. № 5. С. 143-144 (147).
256. *Зайцевский Е. П.* Элегия («В бездействии души и в праздности досуга...») // *Новости литературы*. 1825. Кн. 12. № 6. С. 188-189 (148).
257. *Иванчин-Писарев Н. Д.* Элегия («Невинный пред тобой сам Бог тому свидетель...») // *Новейшия стихотворения Н. Иванчина-Писаева*. М., 1828. С. 53-54 (165).
258. *Илличевский А. Д.* Сельская сирота («Покинув плен тяжелый сна...») // *Северные цветы на 1827 год*. СПб., 1827. С. 257-259 (446).
259. [Каратеев С.]. Элегия («Птичкой резвою умчалась...») // *Славянин*. 1829. Ч. 10. № 25-26. С. 386 (371).

260. [Каратеев С.]. Элегия на смерть младенца Княжны Катерины Дундуковой-Корсаковой («Видал ли ты, как за горою...») // Сын Отечества. 1830. Т. 9. № 5. С. 307-308 (128).
261. *Карлгоф В. И.* Киргизская элегия («Как здесь вился широкий пал...») // Северная звезда. СПб., 1829. С. 127-128 (219).
262. *Карниолин-Пинский М. М.* К спокойствию («Обитель тихая отшельников смиренных...») // Новости литературы. 1824. Кн. 8. № 23. С. 173-175 (115).
263. *Катенин П. А.* Элегия («Фив и музы! нет вам жестокостью равных...») // Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829. С. 11-20 (451).
264. [Клейменов П.]. Элегия («Как милая дева, как ангел небесный...») // Благонамеренный. 1826. Ч. 33 (34). № 11. С. 315 (94).
265. *Кобозев М.* Прошедший вечер («Весна протекших дней, куда сокрылась ты...») // Дамский журнал. 1824. Ч. 7. № 14. С. 56-59 (116).
266. *Кобозев М.* К луне («Лучи златые дня угасли на полях...») // Дамский журнал. 1825. Ч. 10. № 7. С. 23-24 (69).
267. *Козлов И. И.* Сельская сиротка («Рассталась я с тяжелым сном...») // Новости литературы. 1823. Кн. 3. № 8. С. 126-128 (23).
268. *Козлов И. И.* Вечерняя прогулка («Бывало, в юности моей...») // Новости литературы. 1823. Кн. 4. № 23. С. 159-160 (25).
269. *Козлов И. И.* Прости («Прости! и если так судьбою...») // Сын Отечества. 1823. Ч. 85. № 18. С. 182-184 (59).
270. *Козлов И. И.* К Тирзе («К чему вам, струны, радость петь?...») // Козлов И. И. Стихотворения. СПб., 1828. С. 102-103 (574).
271. *Козлов И. И.* Элегия («Вчера в лесу, я грустью увлечен...») // Сиротка. М., 1831. С. 112-116 (232).
272. *Козлов И. И.* Ночь («Корабль наш рассекал стекло морских равнин...») // Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. С. 100 (598).
273. *Козлов И. И.* Элегия («О ты, звезда любви, еще на небесах...») // Библиотека для чтения. 1835. Т. 12. С. 129 (568).
274. *Козлов И. И.* Сельская элегия («В тиши села уединенной...») // Библиотека для чтения. 1835. Т. 13. С. 6-7 (599).
275. *Козлов И. И.* Невеста («О, что сбилось с тобой, невеста молодая?...») // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. С. 126 (567).

276. *Крылов А. А.* Разлука («На жалобы мои казалось отвечали...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № 3. С. 128-130 (278).
277. *Крылов А. А.* Недоверчивость («Не спрашивай, зачем я так уныл...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. Кн. 1. С. 87-89 (35).
278. *Крылов А. А.* Истребленная роща («Нимфы! скрывайтесь, бегите толпою...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 15. № 16. С. 209-211 (287).
279. *Крюков А. П.* Могила М. («Чей холм одинокий под ивой густою...») // Благонамеренный. 1822. Ч. 19. № 29. С. 85-86 (300).
280. *Кюхельбекер В. К.* Элегия («Ясныя грезы от вас, о бессмертные жители Неба...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 12. Кн. 11. С. 209 (9).
281. *Кюхельбекер В. К.* Элегия («Цвет моей жизни, не вянь! о время сладостной скорби...») // Сын Отечества. 1817. Ч. 41. № 41. С. 105-106 (350).
282. [Л.]. Тибуллова элегия («Пускай другой, гонясь за славой и фортуной...») // Славянин. 1828. Ч. 5. № 11. С. 424-428 (369).
283. [Л.]. Элегия («И печали, и страданья...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1831. Ч. 1. № 17. С. 134 (398).
284. [Леопольд Ланге]. Элегия («Задумчивый, унылый, хладный...») // Дамский журнал. 1829. Ч. 27. № 32. С. 90 (602).
285. *Лисицына М. А.* Элегия («Ах! где она твоя любовь?...») // Русский зритель. 1828. Ч. 4. № 15-16. С. 206-207 (332).
286. *Лобанов М. Е.* Элегия на кончину Софии Дмитриевны Нарышкиной («Кому диадимы сияют венчальны...») // Лобанов М. Элегия, на кончину Софии Дмитриевны Нарышкиной. Спб. 1824. С. 3-6 (68).
287. *Лобанов М. Е.* Элегия при гробе князя Смоленского («Вот здесь, в велеленном, молитвенном зданьи...») // Сын Отечества. 1816. Ч. 29. № 15. С. 105-108 (344).
288. *Лутковский Н. П.* Элегия («Души возвышенного чувства...») // Сын Отечества. 1827. Ч. 112. № 8. С. 402 (358).
289. [М...вич П.]. Моей элегии («Зачем таиться от меня...») // Бабочка. 1830. № 24. С. 95 (377).
290. [М...вич П.]. Моей элегии («Ужель под розою прелестной...») // Бабочка. 1830. № 90. С. 359 (379).

291. [Маркович А.]. Элегия («Сотлела снега пелена...») // Осенний вечер. СПб., 1835. С. 106-107 (327).
292. Масальский К. П. Элегия («Чья это новая гробница...») // Сын Отечества. 1830. Т. 9. № 3. С. 184-186 (127).
293. Межаков П. А. Элегия («Возможно ли любить и жить в градских стенах...») // Чтение в беседе. 1815. № 18. С. 55-57 (162).
294. Межаков П. А. Элегия («Пускай другой, гонясь за счастьем, за славой...») // Межаков П. Уединенный певец. СПб., 1817. С. 71-77 (595).
295. Межаков П. А. Пустыня («Нередко вечером, при солнечном закате...») // Благонамеренный. 1824. Ч. 26. № 8. С. 117-119 (87).
296. Милонов М. В. Падение листьев («Рассыпан осени рукою...») // Благонамеренный. 1819. Ч. 7. № 14. С. 104-107 (256).
297. Милонов М. В. На кончину Державина («О ком, зрю, Хариты и Музы в печали...») // Милонов М. Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения. СПб., 1819. С. 127-129 (596).
298. Милонов М. В. К Неере («Пред украшенными почто я алтарями...») // Милонов М. Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения. СПб., 1819. С. 140-142 (597).
299. [Мотыльков]. Элегия («Ты заснуло навсегда...») // Благонамеренный. 1824. Ч. 25. № 5. С. 351-353 (313).
300. Морачевский Ф. С. Вечер («Когда светило дня последний путь свершает...») // Украинский журнал. 1825. № 23-24. С. 361-363 (243).
301. [Н.К.]. Коринне («Волшебница! твой ненавистен дар!...») // Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № 10. С. 407-408 (298).
302. Надеждин Н. И. Элегия («О как ты нас неспешно навещаешь...») // Вестник Европы. 1829. Июль и август. № 16. С. 290-291 (431).
303. Нарезный В. Т. Одиночество («Нередко на горе, под древними дубами...») // Славянин. 1827. Ч. 4. № 45. С. 225-227 (367).
304. Нахимов А. Н. Элегия («Восплачь Канцелярист, Повытчик, Секретарь...») // Сочинения Акима Нахимова. М., 1822. С. 31-32 (166).
305. Нечаев С. Д. Элегия («Где цветут, благоухая...») // Сын Отечества. 1821. Ч. 71. № 30. С. 176-177 (57).
306. Никонов В. Я. Пробуждение («Заря бледнея потухает...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 11. С. 370-372 (267).

307. *Никонов В. Я.* Элегия («Забыл меня Едвин жестокий...») // Вестник Европы. 1820. № 21. С. 26-27 (16).
308. [Никифоров П.]. Элегия («Придет весна - зазеленеют нивы...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1833. Ч. 10. № 38. С. 303 (403).
309. *Норов А. С.* Лира, принесенная в жертву («Аминту гордую ты, лира, прогневлешь...») // Благонамеренный. 1819. Ч. 8. № 22. С. 197-199 (259).
310. *Норов А. С.* Остров («О милый друг! оставим здешний край...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 10. С. 288-290 (266).
311. *Норов А. С.* Прорицание («Затихла в роще Филомела...») // Вестник Европы. 1820. № 13. С. 3-5 (13).
312. *Норов А. С.* Гермiona («О вы, хранимые Фетидой, Гальционы...») // Вестник Европы. 1821. Ч. 116. № 2. С. 106-110 (2).
313. *Норов А. С.* Юный страдалец («Державный Аполлон! бог дивных исцелений!...») // Вестник Европы. 1821. Ч. 118. № 10. С. 93-98 (423).
314. *Норов А. С.* Моя кончина («Поверенная чувств и тайных впечатлений...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № 2. С. 79-82 (276).
315. *Норов А. С.* Больной Элизе («Младые грации амуры лейте слезы...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № 2. С. 82-83 (277).
316. *Норов А. С.* Предсказания Данта («Кто сей таинственный воссел на берег Арны...») // Литературные листки. 1824. № 5. С. 175 (82).
317. *Норов А. С.* Прощание Нееры («О нимфы резвые ручьев лесистой Оссы...») // Полярная звезда на 1824 год. М. - Л., 1966. С. 328-329 (464).
318. *Ободовский П. Г.* Сельская элегия («Два ясеня, дружно сплетяся ветвями...») // Новости литературы. 1825. Кн. 13. № 7. С. 54 (149).
319. *Ободовский П. Г.* (?). Кипарис («О кипарис, сколь ты отраден в летний зной...») // Новости литературы. 1826. Кн. 16. № 1. С. 47-48 (138).
320. *Ободовский П. Г.* Плач Давида о смерти Саула и Ионафана («На высотах Гильбои диких...») // Благонамеренный. 1822. Ч. 19. № 38. С. 459-461 (302).
321. *Ободовский П. Г.* Эрминия («Я счастье знал, тебя, Эрминия, не зная...») // Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829. С. 21-22 (452).
322. *Одоевский А. И.* Элегия («Где он? где друг? кого спросить?...») // Литературная газета. 1830. Т. 1. № 19. С. 149-150 (434).

323. *Одоевский А. И.* Пленник («Что вы печальны, дети снов...») // Литературная газета. 1830. Т. 2. № 52. С. 127-128 (437).
324. *Олин В. Н.* Элегия на смерть Державина («Мрачно все на лугах Геликона двухолмна...») // Сын Отечества. 1816. Ч. 31. № 29. С. 104-105 (345).
325. *Олин В. Н.* Тибуллова Элегия («Нет, свет моих очей! верна любовь прямая...») // Журнал древней и новой словесности. 1818. № 1. С. 18-20 (209).
326. *Олин В. Н.* Элегия на смерть птички («Где ты радость - птичка, утешенье девы...») // Журнал древней и новой словесности. 1818. № 3. С. 137-138 (210).
327. *Олин В. Н.* Весна («Уж веет жизнью прекрасная весна...») // Сын Отечества. 1822. Ч. 77. № 19. С. 226-229 (53).
328. *Олин В. Н.* Упование («Давно ли жизнью кипела в сердце кровь...») // Олин В.Н. Две элегии, посвящены памяти незабвенной супруги. СПб., 1822. (52).
329. *Олин В. Н.* Элегия («Нет мраку не сиять и в полуночной мгле...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 21. Кн. 1. С. 63-67 (44).
330. [П. М...]. Элегия («Давно ли сердцем и душой...») // Бабочка. 1829. № 84. С. 334-335 (375).
331. [П-н]. Отчаяние любви («Над шумным потоком...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 13. С. 52-53 (270).
332. [П.р.в]. Изгнанник («Оставлен всеми одинок...») // Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № 13. С. 506-507 (299).
333. *Павлов Н. Ф.* Элегия («Как быстрая волна в безбрежности морей...») // Мнемозина. М., 1824. Ч. 1. С. 111 (122).
334. *Павлов Н. Ф.* Элегия («Мой друг, я истощил бесплодное страданье...») // Мнемозина. М., 1824. Ч. 2. С. 68-69 (123).
335. *Павлов Н. Ф.* Элегия («Нет, нет! я не рожден с благословеньем неба...») // Московский телеграф. 1826. Ч. 9. Отд. 2. № 12. С. 153-154 (392).
336. *Писарев А. И.* Бедный негр («С родимым берегом разлученный...») // Каллиопа. Труды Благородных воспитанников университетского пансиона. М., 1820. Ч. 1. С. 142-144 (212).

337. Писарев А. И. (?). «Вотще, обманутый любовью...» // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 18. Кн. 2. С. 210-211 (41).
338. Писарев А. И. (?). «Куда сокрыться от желаний...» // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 18. Кн. 2. С. 211-214 (42).
339. Писарев А.И. (?). «Эрминия, на миг судьба нас породнила...» // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 18. Кн. 2. С. 214-216 (43).
340. Плетнев П. А. Сельское утро («Осыпан пурпуром восточный неба край...») // Сын Отечества. 1819. Ч. 51. № 4. С. 176-178 (5).
341. Плетнев П. А. Загородная роща («Опять ты надо мной, зеленый, тихий свод...») // СО. 1818. Ч. 50. № 50. С. 225-226 (354).
342. Плетнев П. А. Судьба Андромахи («Ты фурию, Парис, супругою избрал...») // Сын Отечества. 1819. Ч. 53. № 15. С. 130-131 (6).
343. Плетнев П. А. Гробница Державина («Молчит угрюмый бор, одетый ночи мглой...») // Сын Отечества. 1819. Ч. 54. № 25. С. 273-275 (7).
344. Плетнев П. А. Герой («Простите, радости приманчивой любви...») // Благонамеренный. 1819. Ч. 8. № 23-24. С. 274-276 (257).
345. Плетнев П. А. Старость («Сокрылись призраки моих счастливых лет...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1819. Ч. 8. Кн. 10. С. 88-91 (291).
346. Плетнев П. А. Победа («Спеши, Эрминия, спеши, мой друг, за мной...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1819. Ч. 8. Кн. 10. С. 100-102 (292).
347. Плетнев П. А. Слабая сторона («Ни прелесть голубых очей...») // Невский зритель. 1820. Ч. 2. Апрель. С. 63-64 (33).
348. Плетнев П. А. К моей родине («Забуду ль в песнях я тебя, родимый край...») // Сын Отечества. 1820. Ч. 59. № 3. С. 129-132 (12).
349. Плетнев П. А. Неразделяемое наслаждение («Я видел милую... о незабвенный час...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 9. Кн. 1. С. 71-72 (333).
350. Плетнев П. А. Праздник («Благословляю твой возврат, счастливый день...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 9. Кн. 3. С. 324-326 (335).

351. *Плетнев П. А.* Смерть («Остыла пламенная кровь...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. Кн. 1. С. 90-91 (34).
352. *Плетнев П. А.* Миних («Края пустынные, безлюдная страна...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 14. Кн. 1. С. 53-57 (339; повторно опубликовано: Сын Отечества. 1821. Ч. 70. № 26. С. 272-276.).
353. *Плетнев П. А.* Б...ов из Рима («Напрасно ветренный поэт...») // Сын Отечества. 1821. Ч. 68. № 8. С. 35-37 (49).
354. *Плетнев П. А.* Элегия («Как странник, сбившийся с пути...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 17. Кн. 3. С. 336-337 (40).
355. *Плетнев П. А.* Элегия («Богиня, льющая из урны...») // Полярная звезда на 1823 год. М. - Л., 1960. С. 57-58 (Литературные памятники) (458).
356. [Подшивалов Ир.]. Элегия («Хочу отвыкнуть наслаждаться...») // Благонамеренный. 1823. Ч. 23. № 14. С. 143-144 (310).
357. *Познанский Ю. И.* Элегия («Вот роза – милый друг! сорвем ее скорей...») // Московский телеграф. 1826. Ч. 9. Отд. 2. № 12. С. 156-158 (393).
358. [Покровский И.]. Элегия («Покойся, в первые минуты жизни краткой...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1832. Ч. 5. № 11. С. 87-88 (400).
359. *Полевой Н. А.* Разуверение («Она прошла, бывшая радость...») // Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 3. С. 48-49 (396).
360. *Полежаев А. И.* «Когда задумчивый, унылый...» // Вестник Европы. 1826. Июль и август. № 15. С. 204-206 (429; повторно опубликовано: Полежаев А. Стихотворения. М., 1832. С. 78-80).
361. *Полежаев А. И.* Юность («О други! сорвемте румяные розы...») // Вестник Европы. 1826. Июль и август. № 15. С. 206-207 (430).
362. *Попов Д.* Элегия («Спустился на поля прохладный тихий вечер...») // Калужские вечера. М., 1825. Ч. 1. С. 172-175 (227).
363. *Пушкин А. С.* Элегия («Погасло дневное светило...») // Сын Отечества. 1820. Ч. 65. № 46. С. 271-272 (11).
364. *Пушкин А. С.* Элегия («Увы! зачем она блистает...») // Новости литературы. 1823. Кн. 3. № 1. С. 13-14 (22).

365. *Пушкин А. С.* Элегия («Я пережил свои желанья...») // *Новости литературы.* 1823. Кн. 6. № 48. С. 144 (28).
366. *Пушкин А. С.* Желание славы («Когда любовью и негой упоенный...») // *Соревнователь просвещения и благотворения.* 1825. Ч. 30. № 6. С. 299-300 (100).
367. *Пушкин А. С.* Элегия («Люблю ваш сумрак неизвестный...») // *Московский телеграф.* 1826. Ч. 7. Отд. 2. № 1. С. 5-6 (387).
368. *Пушкин А. С.* Пробуждение («Мечты, мечты...») // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 3-4 (498; перепечатано: *Венера, или собрание стихотворений разных авторов.* М., 1831. С. 145-146).
369. *Пушкин А. С.* Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслажденье...») // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 5-6 (499).
370. *Пушкин А. С.* «Мой друг, забыты мной следы...» // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 8 (501).
371. *Пушкин А. С.* Друзьям («Богами вам еще даны...») // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 9 (502).
372. *Пушкин А. С.* Выздоровление («Тебя ль я видел, милый друг...») // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 10-11 (503).
373. *Пушкин А. С.* Война («Война!.. подъяты наконец...») // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 12-13 (504).
374. *Пушкин А. С.* «Умолкну скоро я...» // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 15 (506).
375. *Пушкин А. С.* Гроб юноши («...Сокрылся он...») // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 16-18 (507).
376. *Пушкин А. С.* «Ты вянешь и молчишь...») // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 21 (509).
377. *Пушкин А. С.* Сожженное письмо («Прощай, письмо любви, прощай! она велела...») // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 24 (511).
378. *Пушкин А. С.* «Ненастный день потух...» // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 25-26 (512).
379. *Пушкин А. С.* Андрей Шенье («Меж тем, как изумленный мир...») // *Пушкин А. С. Стихотворения.* СПб., 1826. С. 29-35 (514).
380. *Пушкин А. С.* Элегия («Под небом голубым страны своей родной...») // *Северные цветы на 1828 год.* СПб., 1827. С. 51 (450).

381. *Пушкин А. С.* Элегический отрывок («Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...») // Московский вестник. 1830. Ч. 3. № 11. С. 194-195 (136).
382. *Пушкин А. С.* Элегия («Мечты мечты...») // Венера, или собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. С. 145-146 (323).
383. *Пушкин А. С.* Элегия («Безумных лет угасшее веселье...») // Пушкин А. С. Стихотворения. СПб., 1835. Ч. 4. С. 104 (515).
384. *Пушкин А. С.* Элегия («Редает облаков летучая гряда...») // Полярная звезда на 1824 год. М. - Л., 1960. С. 393 (Литературные памятники). (465).
385. *Пушкин А. С.* Элегия («Простишь ли мне ревнивые мечты...») // Полярная звезда на 1824 год. М. - Л., 1960. С. 469-470 (Литературные памятники) (466).
386. *Пушкин В. Л.* «В пустыню дикую, сокроюсь я, несчастный...» // Невский зритель. 1820. Ч. 1. Март. С. 55-56 (32).
387. *Пушкин В. Л.* Счастливый младенец («Небесный ангел среброкрылый...») // Литературный музей на 1827 год. М., 1827. С. 235-236 (326).
388. *Пушкин В. Л.* Элегия («Проснись, родимая, проснись...») // Московский вестник. 1827. Ч. 2. № 5. С. 14-16 (615).
389. *Рейнсдорф Н. П.* Скоротечность («О други, как быстро те дни пролетели...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 8. С. 122 (263).
390. *Рейнсдорф Н. П.* Странник («Друзья! когда опять я с вами...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 8. С. 123-124 (264).
391. *Розен Е. Ф.* Элегия («Она прелестна для меня...») // Литературная газета. 1830. Т. 2. № 41. С. 36 (435; перепечатано: Венера, или собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. С. 91-92).
392. *Розен Е. Ф.* Элегия («Давно ли я желал лаврового венца...») // Литературная газета. 1831. Т. 3. № 33. С. 267 (438).
393. *Рылеев К. Ф.* К Делии («Почто, о Делия! с коленопреклоненьем...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 13. С. 50-52 (269).
394. *Рылеев К. Ф.* Курбский («На камне мшистом в час ночной...») // Сын Отечества. 1821. Ч. 71. № 29. С. 129-131 (56).
395. *Рындовский Ф. М.* К Полине («Ты хочешь знать, мой друг! как дни мои текут...») // Благонамеренный. 1818. № 7. С. 3-9 (253).

396. *Рындовский Ф. М.* Вечерняя прогулка («О друг мой, милый друг! природа нас зовет...») // *Благонамеренный*. 1819. Ч. 8. № 22. С. 193-197 (258).
397. *Рындовский Ф. М.* Новый год («Гость радостный! тебя я с горестью встречаю...») // *Благонамеренный*. 1823. Ч. 21. № 4. С. 284-287 (307).
398. *Рындовский Ф. М.* Разлука с друзьями («Источник радостей и милых наслаждений...») // *Благонамеренный*. 1823. Ч. 22. № 7. С. 19-22 (309).
399. [С.]. Элегия («Душе, которая стесненна...») // *Литературные прибавления к Русскому Инвалиду*. 1831. Ч. 4. № 94. С. 743 (399).
400. [С-н. П-о]. Явление усопших («Покрытый рощицы приветливою сенью...») // *Вестник Европы*. 1824. № 16. С. 279-281 (80).
401. [С. С...ий]. Элегия («Когда, когда сквозь темну даль...») // *Дамский журнал*. 1830. Ч. 30. № 16. С. 40 (362).
402. [С. С...й]. Элегия В.Н. Р...ой («Когда последний луч надежды угасал...») // *Дамский журнал*. 1829. Ч. 26. № 21. С. 119-120 (601).
403. [С. Ст-ч]. Ночь на кладбище («Я здесь – окрест меня молчанье...») // *Благонамеренный*. 1822. Ч. 19. № 38. С. 462-463 (303).
404. [Савостьянов Н.]. Элегия («Иной среди забав, в восторгах упоенья...») // *Украинский журнал*. 1824. № 11. С. 241-242 (239).
405. *Селиванов И. В.* Элегия («Где дни счастливых обольщений...») // *Комета*. М., 1830. С. 110-112 (237).
406. *Сиянов П. Г.* Вечер («Все тихо вечер наступает...») // *Славянин*. 1828. Ч. 6. № 24. С. 428-430 (365).
407. *Сиянов П. Г.* Элегия («Недолго счастье и радость...») // *Славянин*. 1830. Ч. 14. № 10. С. 777 (374).
408. *Сиянов П. Г.* Элегия («Напрасно разносчик ты в окна глядишь...») // *Северный Меркурий*. 1830. Т. 1. № 60. С. 240 (380).
409. *Ставелов Н.* Элегия («Скажи мне: ты ли говорила...») // *Литературные прибавления к Русскому Инвалиду*. 1833. Ч. 11. № 57. С. 452 (405).
410. *Ставелов Н.* Элегия («Не думай ты, что я пленился...») // *Литературные прибавления к Русскому Инвалиду*. 1833. Ч. 11. № 66. С. 557 (406).

411. *Ставелов Н.* Элегия («Ты говоришь, что я преследую тебя...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1833. Ч. 12. № 87. С. 695-696 (407).
412. *Ставелов Н.* Элегия («Ты никогда меня, Алина, не любила...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1833. Ч. 12. № 103. С. 823 (408).
413. *Ставелов Н.* Элегия («Светлое, ясное небо!...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. Ч. 14. № 33-34. С. 270 (412).
414. *Ставелов Н.* Элегия («Не изъявляй холодного участия...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. Ч. 14. № 37. С. 295 (413).
415. *Ставелов Н.* Элегия («Коварно так обманутый тобою...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. Ч. 14. № 40. С. 315-316 (414).
416. *Ставелов Н.* Элегия («Уже холодный вихрь все листь разметал...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. Ч. 14. № 43. С. 343-344 (416).
417. *Ставелов Н.* Элегия («О вы, долины сокровенные...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. Ч. 14. № 48. С. 383-384 (417).
418. *Ставелов Н.* Элегия («Прими последнее прощанье...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. Ч. 15. № 55. С. 436 (418).
419. *Ставелов Н.* Элегия («Я был везде – я все узнал...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. Ч. 15. № 65. С. 520 (419).
420. *Ставелов Н.* Элегия («Сошел седой туман на сонные равнины...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1835. Ч. 18. № 28-29. С. 229-230 (421).
421. *Станкевич Н. В.* Элегия («Когда на западе горит...») // Бабочка. 1830. № 45. С. 179-180 (378).
422. [Степан Степанов]. Падение листьев («Осенний ветер с густых ветвей...») // Благонамеренный. 1825. Ч. 30. № 21. С. 258-260 (90).
423. *Суходольский А.* Элегия («Вчерашний день был день разлуки...») // Северный Меркурий. 1830. Т. 2. № 135. С. 226 (382).

424. *Суходольский А.* Элегия («Я помню день, когда она...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1832. Ч. 6. № 28. С. 223 (401).
425. *Суходольский А.* Элегия («Почто меня обворожила...») // Суходольский А. Стихотворения. М., 1834. С. 40 (588).
426. *Суходольский А.* Элегия («Ах, простите дни заветные...») // Суходольский А. Стихотворения. М., 1834. С. 41-42 (589).
427. *Суходольский А.* Элегия («Наскучась жизнью одинокой...») // Суходольский А. Стихотворения. М., 1834. С. 42-43 (590).
428. *Суходольский А.* Элегия («Надежды к счастью потеряв...») // Суходольский А. Стихотворения. М., 1834. С. 44-45 (591).
429. *Суходольский А.* Элегия («Вчерашний вечер много мне...») // Суходольский А. Стихотворения. М., 1834. С. 57-58 (592).
430. *Сушков Н. В.* Звездочка («Сокрылося бледное дней кратких светило...») // Календарь муз на 1826 год. Спб., 1826. С. 128-130 (120).
431. [Т.-]. Елегия («Ах! Сбудутся ль когда надежды юных лет...») // Вестник Европы. 1819. Ч. 106. № 16. С. 251-254 (3).
432. *Тепляков В. Г.* Первая фракийская элегия. Отплытие («Визжит канат; из бездн зыбучих...») // Северные цветы на 1831 год. СПб., 1830. С. 7-11 (457).
433. *Тепляков В. Г.* Вторая фракийская элегия. Томис («Свинцовой дымкою подернут свод небес...») // Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831. С. 157-166 (316).
434. *Тепляков В. Г.* Одиночество («В лесу осенний ветер и стонет, и дрожит...») // Комета Белы. СПб., 1833. С. 246 (570).
435. *Теряев П.* Элегия на кончину Д... И... К... («Ужель К* судьба еще не утомила...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 9. № 5. С. 321-325 (261).
436. *Теряев П.* Кладбище («Бьет полночь! мертвая посвюду тишина...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 12. Кн. 11. С. 318-321 (8).
437. *Теряев П.* Элегия на кончину Л.И.Г-ской («Почто задумался веселый Гименей...») // Сын Отечества. 1822. Ч. 76. № 14. С. 317-321 (51).
438. *Теряев П.* Элегия, на кончину Начальницы Воспитательного Общества благородных девиц Ордена Св. Екатерины, Госпожи

- Действительной Статской Советницы Анны Ивановны фон Брейткопф, урожденной Парис («Свершилось! все мольбы отринуты судьбой...») // Сын Отечества. 1823. Ч. 83. № 7. С. 321-324 (58).
439. *Тило В. К.* Эвадна («Подруги милые! я с вами счастья время...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 10. № 12. С. 420-424 (268).
440. *Тило В. К.* На смерть соловья («Певец бездыханный! напрасно унылый...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 13. № 6. С. 312 (280).
441. *Тило В. К.* К весне («Опять, опять ты к нам с безоблачных небес...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 14. № 9. С. 73-76 (281).
442. *Тило В. К.* Майская ночь («Луна плывет среди безоблачных небес...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 14. № 11-12. С. 183 (283).
443. *Тило В. К.* Желание («Ах прежде нежели навеки час кончины...») // Благонамеренный. 1821. Ч. 15. № 14. С. 81-82 (284).
444. *Толстой Я. Н.* Тибуллова Элегия («Я в гордости мечтал, что сил моих достанет...») // Журнал древней и новой словесности. 1818. № 9. С. 22-25 (211).
445. [Трубников Василий]. Элегия («Наслажденье, наслажденье...») // Дамский журнал. 1826. Ч. 15. № 13. С. 25-26 (157).
446. *Туманский В. И.* Поле Бородинского сражения («Уж солнце за горой – последний луч затмился...») // Сын Отечества. 1817. Ч. 42. № 50. С. 197-202 (351).
447. *Туманский В. И.* Монастырь («В туманной влаге вод потух луч золотой...») // Благонамеренный. 1818. № 5. С. 135-139 (250).
448. *Туманский В. И.* Слабость («Все кончено: я разорвал...») // Благонамеренный. 1818. № 5. С. 145-147 (251).
449. *Туманский В. И.* К друзьям детства («Уж гений младости моей...») // Благонамеренный. 1818. № 6. С. 281-282 (252).
450. *Туманский В. И.* Элегия («Любовь есть жизни сладострастье...») // Благонамеренный. 1819. № 10. С. 214-215 (255).
451. *Туманский В. И.* Элегия («Недолго радость окрыляет...») // Новости литературы. 1823. Кн. 6. № 43. С. 62 (26).
452. *Туманский В. И.* Падение листьев («С дерев на поздний злак полей...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 22. Кн. 3. С. 266-268 (343).

453. *Туманский В. И.* Элегия («На грозном океане света...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. Ч. 28. Кн. 2. С. 217-219 (99).
454. *Туманский В. И.* Элегия («Как звонкое журчание Салгира...») // Литературные листки. 1824. № 6. С. 232 (83).
455. *Туманский В. И.* Элегия («Не ведает мудрец надменный...») // Московский вестник. 1827. Ч. 4. № 15. С. 227-228 (409).
456. *Туманский В. И.* Элегия («На скалы, на холмы глядеть без нагляденья...») // Северные цветы на 1825 год. М., 1881. С. 289 (442).
457. *Туманский В. И.* Элегия («Не озабочен жизнью я...») // Полярная звезда на 1825 год. М. - Л., 1960. С. 579 (Литературные памятники) (467; перепечатано: Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1833. Ч. 9. № 10. С. 79).
458. *Туманский В. И. (?)*. Элегия («Напрасно тоскуешь о днях золотых...») // Благонамеренный. 1822. Ч. 20. № 48. С. 336-337 (306).
459. *Туманский Ф. А.* Элегия («Когда на зов души унылой...») // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С. 25-26 (443; перепечатано: Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1833. Ч. 10. № 43. С. 340-341).
460. *Туманский Ф. А.* Элегия («Невидимо толпятся годы...») // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С. 123-124 (444).
461. *Тюрин И. Е.* Элегия («Пока еще цветом и дышим мы весной...») // Дамский журнал. 1827. Ч. 20. № 23. С. 187-189 (586).
462. *Тютчев Ф. И.* Одиночество («Как часто, бросив взор с утесистой вершины...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 18. Кн. 3. С. 346-348 (341).
463. *Федоров Б. М.* На смерть Евгении Д. («Почто спешил мне ангел неизвестный...») // Благонамеренный. 1825. Ч. 31. № 39-40. С. 444 (338).
464. *Федоров Б. М.* Элегия («Зачем печаль изобразилась...») // Славянин. 1827. Ч. 4. № 47. С. 297-298 (368).
465. *Федоров Б. М.* Элегия («Склонился к вечеру день знойный...») // Венера, или собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. С. 28-29 (319).
466. [Федоров Г.]. Узник к своему другу («Клеандр! Твой друг среди хладных темницы...») // Дух журналов. 1816. Ч. 16. С. 447-452 (155).

467. *Хвостов Д. И.* Элегия Императрице Матери на кончину Королевы Виртембергской («Ты плачешь и тебе состраждет вся Россия...») // Карманная библиотека Аонид. СПб., 1821. С. 63-66 (245).
468. *Хомяков А. С.* Элегия на В.К. («Я знаю, в гроб его сокрыли...») // Московский вестник. 1827. Ч. 4. № 13. С. 11 (420).
469. *Хомяков А. С.* Элегия («Когда вечерняя спускается роса...») // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Кн. 1. С. 53-54 (569).
470. *Хотяинцев П.* Умиравший поэт («Поэт пел песнь свою предсмертную - и верной...») // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1834. Ч. 14. № 42. С. 331 (415).
471. *Цертелев Н. А.* Призвание («Приди, о Делия! условный час настал...») // Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 15. С. 187 (273).
472. [Чюриков В.]. Элегия («Все мрачно, чуждо все для сердца моего...») // Каллиопа. Труды благородных воспитанников университетского пансиона. М., 1815. С. 160-161 (216).
473. [Ш-б-в]. Элегия («Недолго теплый ветер лета...») // Северные цветы на 1831 год. СПб., 1830. С. 97-99 (455).
474. *Шаликов П. И.* Элегия на кончину Князя Д. Д. Цицианова («Сближенный времени всемошною рукой...») // Новости литературы. 1822. Кн. 1. № 6. С. 93-94 (20).
475. *Шаликов П. И.* Элегия на кончину ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ («О! скоро, скоро Царь небес...») // Дамский журнал. 1826. Ч. 15. № 13. С. 20-21 (156).
476. *Шаплет С. С.* Элегия («Промчались дни мои счастливы...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1819. Ч. 7. Кн. 7. С. 87-88 (4).
477. *Шелехов Д. П.* Элегия («Еще ль завидуешь отраде, злобный рок...») // Дамский журнал. 1823. Ч. 2. № 7. С. 17-22 (65).
478. *Шелехов Д. П.* Элегия («Свершилось! не мечта. О сердца торжество...») // Дамский журнал. 1823. Ч. 2. № 8. С. 56-58 (66).
479. *Шелехов Д. П.* Элегия. Певец после кончины Лиды («О старец! укажи мне верный путь к местам...») // Дамский журнал. 1823. Ч. 2. № 9. С. 88-91 (67).
480. *Шемиот В. П.* Элегия («Скажи, зачем меня ласкает...») // Северные цветы на 1827 год. СПб., 1827. С. 290-291 (447).

481. *Шкляревский П. П.* Песнь Оссиана («В долине сокровенной...») // Благонамеренный. 1823. Ч. 21. № 5. С. 321-324 (308).
482. *Штейнберг Д. И.* Элегия («Не утешай меня...») // Зимцерла. М., 1829. С. 58 (224).
483. [Э.]. Одиночество («Тускнеет неба свод и мрачный вид природы...») // Благонамеренный. 1826. Ч. 32 (33). № 2. С. 83-85 (92).
484. [Ю.]. Элегия («Как ненавистный звук цепей...») // Украинский журнал. 1825. № 15. С. 170 (242).
485. *Языков Н. М.* Элегия («Скажи, воротись ли ты...») // Новости литературы. 1824. Кн. 7. № 3. С. 46-47 (112).
486. *Языков Н. М.* Элегия («Не улетай, не улетай...») // Новости литературы. 1824. Кн. 8. № 13. С. 16 (113).
487. *Языков Н. М.* Элегия I («Счастлив кто с юношеских дней...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. Ч. 31. № 7. С. 98 (101; перепечатано: Новости литературы. 1825. Кн. 14. № 10. С. 75.).
488. *Языков Н. М.* Элегия II («Свободен я уже не трачу...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. Ч. 31. № 7. С. 99 (102; перепечатано: Новости литературы. 1826. Кн. 16. № 2. С. 94).
489. *Языков Н. М.* Элегия III («Я знал живое заблуждение...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. Ч. 31. № 7. С. 99 (103; перепечатано: Новости литературы. 1826. Кн. 16. № 3. С. 150.).
490. *Языков Н. М.* Элегия IV («Моя камена ей певала...») // Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. Ч. 31. № 7. С. 99-100 (104; перепечатано: Новости литературы. 1826. Кн. 16. № 2. С. 93).
491. *Языков Н. М.* Элегия («Любовь, любовь! веселым днем...») // Благонамеренный. 1826. Ч. 33 (34). № 9. С. 168-169 (93; перепечатано: Славянин. 1827. Ч. 3. №30. С. 146.).
492. *Языков Н. М.* Элегия («Меня любовь преобразила...») // Календарь муз на 1826 год. Спб., 1826. С. 124-125 (119).
493. *Языков Н. М.* Элегия («Мечты любви – мечты пустые...») // Подснежник. Спб., 1829. С. 240-241 (228).
494. *Языков Н. М.* Элегия («Мне ль позабыть огонь и живость...») // Московский вестник. 1830. Ч. 4. № 13. С. 8 (137).

495. *Языков Н. М.* Элегия («Тот не Поэт, в ком не пробудит...») // Московский вестник. 1830. Ч. 1. №1. С. 8 (134).
496. *Языков Н. М.* Элегия («Язык души красноречивый...») // Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 4. С. 335 (135).
497. *Языков Н. М.* Элегия («Я отыщу тот крест смиренный...») // Северные цветы на 1831 год. СПб., 1830. С. 53-56 (454).
498. *Языков Н. М.* Элегия (Т. Д.) («Блажен, кто мог одежду ночи...») // Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831. С. 258 (317).
499. *Языков Н. М.* Элегия («Зачем божественной хариты...») // Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833. С. 35-36 (549).
500. *Языков Н. М.* Элегия («Вы не сбылись, надежды милой...») // Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833. С. 49-50 (550).
501. *Языков Н. М.* Элегия («Она меня очаровала...») // Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833. С. 57-58 (551).
502. *Языков Н. М.* Элегия («Ты восхитительна! ты пышно расцветаешь...») // Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833. С. 103-104 (553).
503. *Языков Н. М.* Прощание с элегиями («Прощайте, миленькие бредни...») // Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833. С. 114 (555).
504. *Языков Н. М.* Элегия («Прощай, красавица моя...») // Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833. С. 139-140 (556).
505. *Языков Н. М.* Элегия («Ночь безлунная, звездами...») // Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833. С. 195-196 (558).
506. *Языков Н. М.* Элегия («Поэту радости и хмеля...») // Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833. С. 234-235 (560).
507. *Языков Н. М.* Элегия Т.Д. («Блажен, кто мог на ложе ночи...») // Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833. С. 242-243 (561).
508. [Яковлев М.] Элегия (Незабвенной) («Давно ль природы красота...») // Новости литературы. 1826. Кн. 16. № 3. С. 149 (143).
509. *Яковлев М. А.* Элегия («Желанье сердца не свершилось...») // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С. 128-129 (445).

Kokkuvõte

Vene eeleogia 19. sajandi esimesel kolmandikul ja žanrisüsteemi areng Jevgeni Baratõnski luules

Antud töö keskendub žanrikeskse vene eeleegiate luulekorpuse kvantitatiivsele analüüsi küsimusele.

Kuigi eeleogia mängib 19. sajandi vene kirjanduses iseäranis olulist rolli, on selle uurijad seni keskendunud väikesele hulgale eeleegilistele luuletustele valitud autoritelt nagu Aleksander Puškin, Konstantin Batuškov, Jevgeni Baratõnski ja Vassili Žukovski. Kuna eeleegiate kujunemist pole seni uuritud esindusliku korpuse baasil, on antud töö eesmärgiks koguda kokku eeleegiana avaldatud tekstide kogu ja kirjeldada kogutud luuletuste formaalseid ja temaatilisi omadusi, mis aitaks kirjeldada žanri evolutsiooni.

Esimeses peatükis uuritakse eelegiakorpust kvantitatiivsete vahenditega. Eleegiakorpuse sõnasagedused (absoluutskaalal ja oodatava sageduse suhtes) kõrvutatakse Vene Rahvuskorpuse luuleosaga, et leida iseäranis eelegiaid iseloomustavad sõnad. Tulemused näitavad, et eeleegiates kirjeldatakse märksa rohkem armastust, kaotust ja melanhooliat kui teistes sama ajastu luuletustes. Seda hüpoteesi sai kontrollitud teemamudelite analüüsiga (topic modelling) LDA-meetodil, mis näitab, et eelegiad said üsna sarnasteks armastusluulega 1820ndate teisel poole. Varem, 1810ndate lõpul, olid aga eeleegiate teemad seotud ajaloo või leinatalitustega. Selline muutus traditsioonilisematelt teemadelt armastuseemale toimub samaaegselt luuletuste vormiomaduste muutumisega, mis läbi nad muutusid lühemaks ja läksid üle jambiliselt heksameetrilt jambilisele tetrameetrile.

Töö teises peatükis uuritakse neid tendetse lähemalt Jevgeni Baratõnski luulekorpuse põhjal. Kvantitatiivne analüüs muudatustest, mida ta tegi oma tekstidele enne nende avaldamist 1827. aastal, näitab armastuseeleegiate olulist lühenemist. Tuginedes eelegiakorpuse analüüsile võib seda seost seletada armastuseeleegiate vähese populaarsusega 1820ndate teisel poolel. Baratõnski eeleegiate variantide võrdlus enne ja pärast lühendamist näitab lühendamisprotsessi mehaanikat: veel 1810ndatel eeleegiate puhul tavaline pikk armastuslugu lühendatakse mõnele reale. Pikkade armastuslugude eemaldamine eelegitest toob neid lähemale fragmendi žanrile ja seeläbi toetab ka eelegiažanri kokkukukkumist 1830ndatel.

Baratõnski juhtum võib aidata selgitada eelegiakorpuse sisu, kus võib leida ka 1830ndatel väga pikki eelegiaid. Tundub, et luuletajad proovisid armastuseleegiate kokkukukkumist ületada kombineerides mitmeid lühikesi luuletusi eelegiavormi (Viktor Teplyakovi juhtum) või pöörduda tagasi 1810ndatel tavalistele arhailistele narratiividele (Pavel Katenini eeleogia. Niimoodi saab ühe žanri vormitunnuste - nagu näiteks meetri, pikkuse, leksikoni või teemade – uurimine viia olulistele järeldusteni sellest, kuidas luuležanr areneb ja muutub ajas.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, _____ Antonina Martynenko _____,
(*autori nimi*)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose
Русская элегия первой трети XIX в. и эволюция жанровой системы
Е. А. Баратынского (Vene eelegia 19. sajandi esimesel kolmandikul ja žanrisüsteemi
areng Jevgeni Baratõnski luules) _____,
(*lõputöö pealkiri*)

mille juhendaja on _____ Roman Leibov _____,
(*juhendaja nimi*)

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Antonina Martynenko

27.05.2019